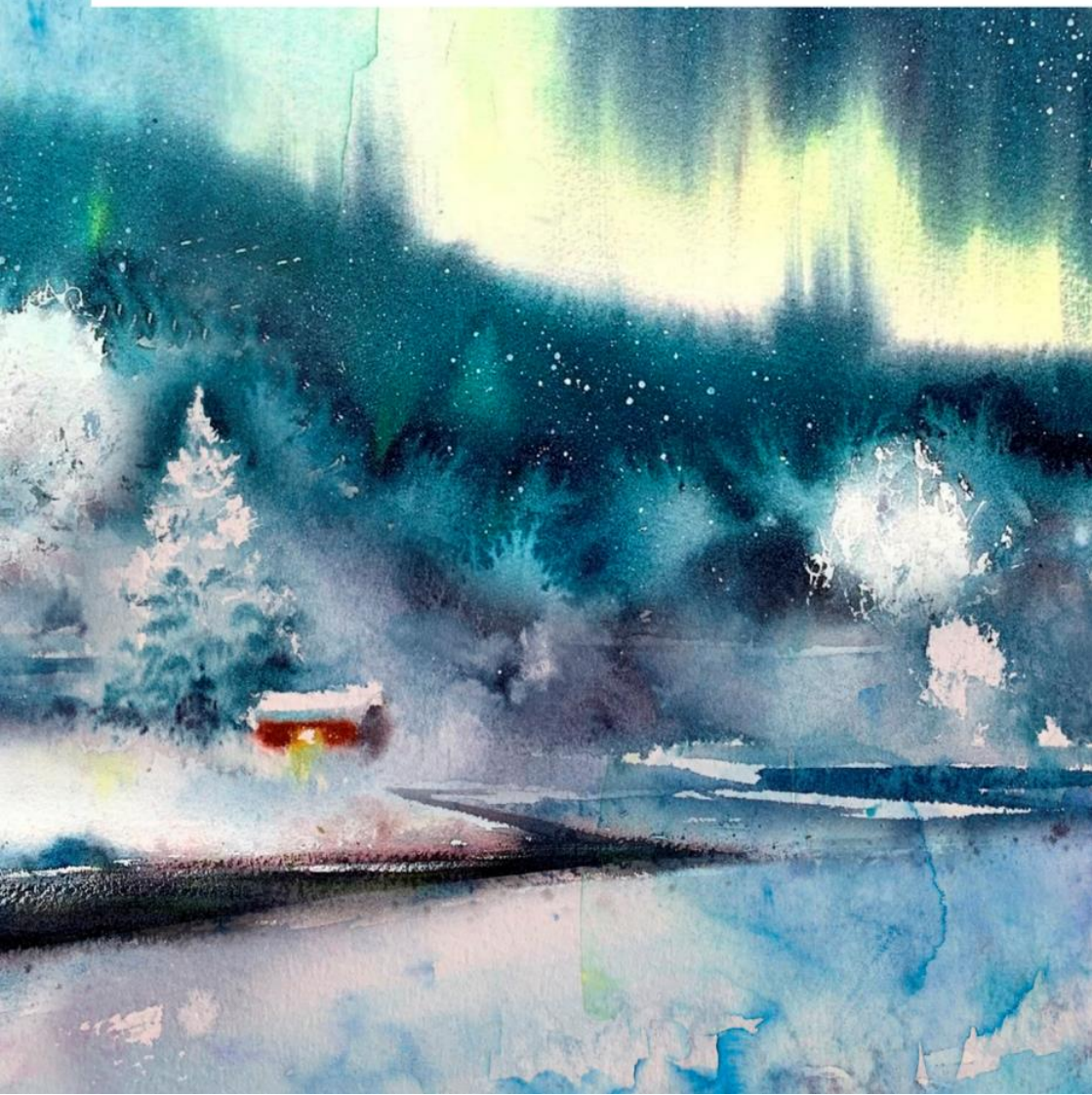

Мы дети одной земли

сборник работ победителей и участников
Международного литературного конкурса малой прозы
«ЭтноПеро», 2020-2021

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

МЫ ДЕТИ ОДНОЙ ЗЕМЛИ

**сборник работ участников
Международного литературного конкурса
малой прозы «ЭтноПеро»**

2020-2021

Екатеринбург
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М94

М94 **Мы дети одной земли** : сборник работ участников Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро», 2020-2021 / Министерство культуры Свердловской области ; Свердловская областная межнациональная библиотека ; составитель: Тихомирова А. В. – Екатеринбург : СОМБ, 2021. – 388 с.

ISBN

В сборник включены работы участников Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро», вошедшие в шорт-лист, в том числе работы победителей. Рассказы печатаются в авторской редакции.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN

© ГБУК СО «СОМБ», 2021
© Коллектив авторов, тексты, 2021
© Тихомирова А. В., составитель, 2021
© Печерских Н. А., художник, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	6
Номинация «Основной конкурс»	
Рецензия на повесть Д. В. Макурина «Хасей».....	8
Денис Владимирович Макурин	
Хасей	11
Рецензия на рассказ А. А. Гребешковой «Элли-бэлли».....	44
Алина Александровна Гребешкова	
Элли-бэлли	46
Рецензия на рассказ А. Б. Жданова «Летний пейзаж с хачкаром»	73
Александр Борисович Жданов	
Летний пейзаж с хачкаром.....	75
Рецензия на рассказ В. И. Эйснера «Открытый огонь»	93
Владимир Иванович Эйснер	
Открытый огонь.....	95
Федоркова Дарья Алексеевна	
Сказки Севера.....	101
Андрей Волковский	
Северная сказка.....	119

Динара Фикретовна Керимова	
Змея без рогов	129
Елена Семеновна Коновалова	
Сказки бабушки Маши.....	143
Олег Александрович Нехаев	
Ейным хвостом в ихние хари	172
Михаил Иванович Смирнов	
Долгая песня курая	200

Номинация «Народы России под Знаменем Победы»

Рецензия на повесть Т. А. Волошиной (Волошиной-Орловой) «Мы все будем “нашими”»	216
Татьяна Волошина-Орлова	
Мы все будем «нашими»	218
Рецензия на рассказ В. В. Батхан «Кхаморо».....	249
Вероника Владимировна Батхан	
Кхаморо	251
Рецензия на рассказ О. Н. Савкиной «Мышастый конь Лютый»	261
Ольга Николаевна Савкина	
Мышастый конь Лютый.....	263
Людмила Семеновна Константинова	

Поляна памяти.....	280
Лилия Магнавиевна Аслямова	
Возвращение.....	288
Роман Михайлович Кушнер	
Санитарки (фрагменты, отдельной частью входят в роман-эпопею «Милосердие»).	295
Надежда Алексеевна Мазий	
За солью	322
Ильдар Фаридович Мударисов	
Война ташкентского кузнеца.....	340
Евгения Перлова	
Дорогой Нафтале	362
Марат Ахмедович Шафиев	
Назову тебя дедушкой.....	372

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Малая проза требует от писателя особого мастерства: буквально несколько штрихов – и перед читателем открывается целый мир. Что это за мир? Это может быть душа одного человека или пространство внутрисемейных отношений, обжигающая любовь двоих или жестокая вражда между государствами, богатая вселенная народного слова или хрупкая красота природы.

Все это можно найти в произведениях, которые вошли в настоящий сборник. Он включает работы из короткого списка международного конкурса «ЭтноПеро», и попавшие в этот список тексты показывают как культурные особенности разных народов, так и основу душевного родства между представителями разных национальностей. И этой основой становятся общечеловеческие ценности – любовь и память.

Они оказываются очень тесно связаны. Благодаря любви человек остается в памяти близких людей и земляков, как, например, герои рассказов **«Дорогой Нафтале»** (автор – Е. М. Перлова) и **«Война ташкентского кузнеца»** (автор – И. Санеев). Да даже сама способность помнить говорит о духовной зрелости человека очень многое. Причем важно сохранить память о своих корнях и родных людях (один из мотивов рассказа **«Змея без рогов»** Д. Ф. Керимовой) и не предать забвению тех, с кем не связан по крови (**«Поляна памяти»** Л. С. Константиновой).

Конечно, в текстах специальной номинации **«Народы России под знаменем Победы»** тема памяти звучит особенно ярко, хотя не везде она становится главной. Как война вторглась в частные судьбы людей,

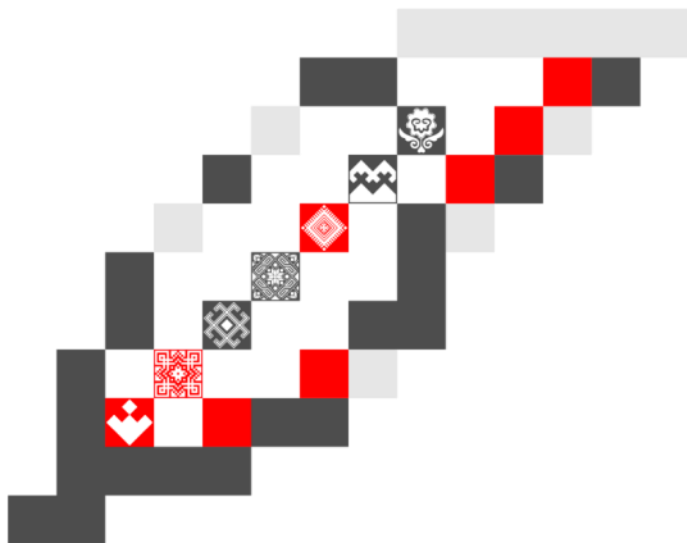

как перевернула их жизнь и изменила характер – вот о чем повествуется в произведениях **«Возвращение»** (автор – Л. М. Аслямова), **«За солью»** (автор – Н. А. Мазий), **«Назову тебя дедушкой»** (автор – М. А. Шафиев) и **«Санитарки»** (автор – Р. М. Кушнер).

Рассказы и повести, представленные в номинации «Основной конкурс», раскрывают самобытность культур, сосуществующих в России. Авторы очень чутки к народному слову, поэтому устная традиция органично вплетается в ткань повествования и преобразуется под пером писателя. Пожалуй, эта черта роднит тексты А. Волковского **«Северная сказка»**, Е. С. Коноваловой **«Сказки бабушки Маши»**, О. А. Нехаева **«Ейным хвостом в ихние хари»**, М. И. Смирнова **«Долгая песня курая»**, Д. А. Федорковой **«Сказки Севера»**.

В каждом произведении очень тонко показаны национальные особенности разных культур, которые кроются в традициях, укладе, языке, фольклоре. Но сквозь эти национальные различия в героях проступает то, что близко любому читателю, – способность любить и быть самоотверженным, стремление жить по совести и трудиться для других. Соединяясь, эти качества образуют скрытую в бабушкиных колыбельных и в мелодии старика-музыканта мудрость. А она остается в сердце читателя, прорастая в одну простую мысль, которую говорила бабушка Илне в повести Д. В. Макурина **«Хасей»**, – «Ты и я, мы дети одной земли».

*Тихомирова Александра Васильевна,
кандидат филологических наук*

**НОМИНАЦИЯ
«ОСНОВНОЙ КОНКУРС»**

ПЕРВОЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на повесть Макурина Дениса Владимировича «Хасей»

Повесть начинается с рождения мальчика Хасея в ненецкой семье (такое имя дал ему шаман, оно значит «идущий на край земли»), а заканчивается свадьбой Хасея, когда он взял в жены полюбившуюся ему девушку Нетке.

Хасей растет прямо у нас на глазах: вот он сделал первые шаги, вот уже поймал первого песца, а вскоре взрослым юношей отправился в тундру в поисках охотничьих земель.

Повесть состоит из отдельных главок, каждая из которых – самостоятельный рассказ. Многие из них написаны с юмором и вызывают читательскую улыбку, какие-то эпизоды лиричны или наполнены философскими размышлениями, нашлось место и поучительной сказке с персонажами северных земель – белым медведем, нерпой, тюленем.

На протяжении всей повести мы наблюдаем противостояние Хасея и шамана (по-ненецки – тадибея), человека хитрого, жадного и порой недоброго. Однако всякий раз коллизия разрешается для главного героя благополучно: лукавые планы тадибея рушатся или

оборачиваются против него самого. Хасей, с душой простой и открытой, умудряется обойти все уловки шамана. Задумав однажды попасть на луну, он получил от шамана наставление, каким путем туда можно добраться (нужно дойти до замерзшего Ямала, там перейти Ледяное море, отыскать Северную землю, на которой самая высокая гора, вот оттуда до луны рукой подать). Однако так далеко Хасею не пришлось идти, его мечта исполнилась, когда он был еще недалеко от дома. Он пошагал по луне, отражавшейся в лужах!

Однако произведение, хоть и имеет мотивы, сходные с теми, которые есть в народных сказках или плутовских романах, многомерно. Герои в нем неоднозначны, они меняются – порой кардинально – и становятся мудрее, они размышляют и ищут ответы на самые важные вопросы (что такое счастье? в чем смысл жизни?). Поэтому простота текста кажущаяся: он оказывается глубоким и вневременным.

Чувства и мысли персонажей автор описывает, используя образы, близкие кочевому народу, который живет в единстве с природой. Переживая смерть родного человека, Хасей думает о себе, как о сломанной ветке, бабушка Илне объясняет, как будущее берет свое начало в настоящем и приводит в пример нельму, которая растет уже сейчас, а выловит ее ненец следующей весной.

Это осознание единства человека и огромного мира, где солнце будет светить и через много-много лет, где голубое небо и бескрайняя тундра всегда рядом, где есть теплое слово и мудрое наставление бабушки, дарит Хасею (а вместе с ними – и читателю) ощущение счастья.

Денис Владимирович Макурин

ХАСЕЙ

Идущий на край Земли

Когда звёздное небо радовало Землю день и ночь, а снега обнимали тундру от края до края, у одной ненецкой семьи родился малыш. Родители назвали мальчика Хасей. Точнее, так его назвал раздосадованный та-тибей. В тот час, когда шаман взял новорождённого на руки, чтобы произнести заклинание от злых духов, Хасей пустил ему ручеёк в рукав малицы.

– О-о-эй! И-ё-эй! – хриплым голосом простонал тадибей. – За твои проделки идти тебе до того места, где встречается солнце с землёй!

Вот это послание в будущее и означало имя Хасей. Хасей – идущий на край Земли. Но родители прежде не слышали такого имени и думали, что раз похожее имя Хаса, это добрый, хороший, красивый, то и Хасей означает тоже самое. Муж и жена согласились с именем, отдали шаману в уплату трёх оленей и попрощались с вредным стариком.

Хасей рос непоседливым ребёнком. Сидя в гнезде из оленьих шкур, он тащил в рот и то, и это, и всякое, и овакое, одним словом всё, что лежало под рукой или само к нему приползало. Когда Хасей встал на четвереньки, мать Нябинэ забивала колышек и привязывала шалуна за ножку, чтобы он не выползал из чума и не дотягивался до огня. Отец Собируй за шалости пошунял Хасея. Бабушка Илне тоже бранилась на внука, а в особых случаях и поколачивала его вицей. И только дядя Тетако, живший в чуме по соседству, никогда не ругал

своего племянника. Он с удовольствием выстрагивал Хасею олешков, песцов или моржей, каждый раз повторяя при этом: «Скоро я помолодею, потом немножко постарею, заведу жену, и у меня тоже родятся мужики, как ты, Хасей».

Первые шаги

Когда Хасей научился твёрдо стоять на ногах и начал делать первые шаги, он вышел из чума. Тут же белая лайка по кличке Нарэй бросилась к маленькому человеку в объятья. Она подскочила к Хасею, облизала ему лицо и начала кружиться вокруг. Хасей поморщился и скривил лицо, язык собаки не был похож на поцелуи матери.

– У-у-у! – сказал Хасей, это означало «уходи».

Но Нарэй не поняла маленького хозяина, ей не терпелось отправиться на охоту, она схватила своего человека за подол малицы и потащила в тундру. Хасей не знал, что такое охота и заревел. Нарэй снова облизала лицо малышу. Он обиделся на собаку ещё больше и попытался убежать от неё.

Десять маленьких шагов отделяли Хасея от чума. Он успел сделать три, споткнулся, о лежащий во мху хорей¹, и падая, ударился об нарты. Большая красная шишка выросла на лбу у малыша. От боли, обиды и несправедливости он залился слезами.

Вечером в гости пришёл дядя Тетако. Нябинэ поставила низенький стол и налила горячего чаю из аро-

---

¹ Хорей – шест, которым погоняют оленей при езде.

матных трав. Хасей возился с игрушкой тюленя. Мужчины сели за стол.

– Хасей, я принёс тебе новую игрушку, – сказал Тетако и выудил из-за пазухи деревянного ошкуя.

Хасей подполз на четвереньках, забрал белого мишку и уполз обратно на постель.

– Хасей вчера ходил. Целую неделю ходил. Зачем снова разучился? – удивился Тетако.

– Надоело, наверное, – ответил отец Собируй.

– Нет! – возразила бабушка Илне. – Ягель у тебя в голове, Собируй! Упал твой сын! Лбом стукнулся. Испугался. Теперь боится снова ходить.

– Бедный, – сказала Нябинэ не то про сына Хасея, не то про глупого мужа.

Тетако повернулся к племяннику, взял его на руки и начал жалеть:

– Охо! Я сегодня же отгоню все нарты за стойбище. Дам тебе свою большую малицу², малыш, и падать будет совсем не больно.

– Его надо снова привязывать, чтобы он не выходил из чума! – выругался Собируй.

– Оставь! – сказала бабушка Илне. – У ребёнка должно быть право на игру. Оберегая его от боли, ты не даёшь ему жить.

Через пару недель Хасей снова делал свои первые шаги, а лайка Нарэй лежала возле чума, прислушивалась к каждому шороху, повизгивала и с нетерпением ждала своего маленького охотника.

---

² Малица – у народов Крайнего Севера: длинная верхняя одежда из оленьих шкур мехом внутрь с капюшоном и рукавицами мехом наружу.

Священные кости

Пришёл как-то Собируй к тадибею жаловаться. Шаман, закотив глаза, бил заячьей лапой по бубну.

– Бум-бурум! Бурум! – звенел бубен.

– О-о-эй! И-ё-эй! – плясал шаман вокруг обновки.
– Я самый хитрый тадибей! Малицу у простака на сушёный лопух выменял. Завтра пимы³ возьму, кашель бубном полечу...

– Много лет жизни, вам светлейший тадибей! – сказал Собируй.

– Много лет жизни! – ответил недовольный шаман.

– Горе у меня... – продолжал Собируй.

– Олешки заболели или опять жена суп пересолила?!

– Не-е-ет! Хуже! У Хасея любопытство растёт. Умствует безразмерно. Говорит, что хочу учиться! Помоги.

– Знаю! – ответил шаман. – Ладно. Своих детей у меня нет, возьму вашего. Нового шамана воспитаю.

В тот же день отец с матерью привели сына в чум к шаману и напутствовали:

– Вот твой новый чум, Хасей. Слушайся тадибея, – сказал Собируй.

– Ладно, – ответил Хасей. – Посмотрим.

– Бедный, – сказала Нябинэ, не то про Хасея ученика, не то про шамана учителя и тяжело вздохнула.

---

³ Пимы – обувь оленеводов севера, высотой до бедра и с завязками.

Все оленеводы каслают⁴ каждую неделю. Ягель заканчивается, олешкам нечего есть, приходится перегонять стадо. Вот и Собируй с женой Нябинэ, матерью Илне, братом Тетако свернули свои чумы, уложили на грузовые нарты свои дома и перекочевали на другое место. Хасей остался с шаманом.

В первый же день тадибей приказал Хасею вымести чум, а сам поехал обирать старого оленевода. Шаман нарвал лопухов и отправился в соседнее стойбище лечить старика от кашля.

– Чум вымети, золу из кострища выгреби, шкуры выхлопай, хворосту собери, чай свари... – наказывал шаман.

– Ладно, – отвечал Хасей. – Посмотрим.

Тадибей сел на нарты, и погоняя тяжелым хореом четвёрку оленей, уехал. Ученик наломал вереска, старательно подмёл в чуме, выгреб золу, выхлопал шкуры. Под вечер подозвал свою любимую лайку Нарэй и других собак, запряг их в легковые нарты и привёз целый ворох хворосту. За службу Хасей бросил собакам кусок вяленого мяса и все кости, что нашёл в чуме.

– Ешь, Нарэй, заслужила! – гладил он свою любимую собаку.

Тадибей вернулся поздно вечером. Разложив новые пимы на столе, шаман начал произносить одно из своих заклинаний приносящих ему богатства. Чтобы удача не отвернулась от шамана, ему понадобились обрядовые кости. Обыскав весь чум, он закричал:

– Хасей, где все костяшки?!

– Собаки съели.

---

⁴ Каслание – кочевье оленьего стада с погонщиками (оленеводами).

Тадибей пришёл в ярость:

– Ты, скормил священные кости, за это будешь сам голодать! Болеть твоему животу! И не спать тебе семь дней! Вон из чума!

– Ладно, – ответил Хасей и вышел из нового дома.

На следующий день от сварливого шамана убежали олени. Вдобавок, у него разболелись зубы, а колдовство и новые пимы, как бы он их не прикладывал к больной щеке, не помогали.

– О-о-эй! И-ё-эй! – страдал тадибей. – Попадись на глаза мне пройдоха Хасей! О-о-эй! И-ё-эй!!! За проделки твои напущу я ужей!

Собаки тем временем отвели маленького человека в тундру, где выросло много черники и морошки. «Собака, однако, а помнит, кто её кормит», – подумал Хасей.

Через неделю родители пригнали стадо, и Хасей вернулся домой.

Каменная жаба

Однажды Хасей поймал кузнечика, зашёл в чум и начал его всем показывать.

– Отпусти, – велел отец Собируй.

– Нет! – заупрямился Хасей.

– Отпусти животное! – рассердился отец.

– Нет! – не уступал Хасей.

– Цок! – крикнул кузнечик, но он был очень маленький и его никто не услышал. – Цвирк-цвирк! – попытался он ещё раз.

– Бедный, – качая головой, сказала мать Хасея не то про кузнечика, не то про мужа, и подлила всем чаю.

– От характер! – всплеснула руками бабушка Илне. – Пожалуй, охотником будет.

После бабушкиных слов Хасей ещё больше загордился своей добычей:

– Хочу ружьё.

– Нет, – ответил Собируй.

– Хасей будет самым лучшим охотником! – сказал Хасей.

– Нет, – отрезал отец.

– Да! – нахмурился Хасей. – Я мужик!

– Нет, – фыркнул горячим чаем Собируй. – ребёнок.

– Да! – топнул ножкой мужик-ребёнок.

– Бедный, – подкинув хворост в костёр, сказала Нябинэ не то про Хасея охотника, не то про его отца Собируя.

– Ладно, – щурясь от едкого дыма, ответил отец. – Будь по-твоему. Схожу за шаманом.

Хасей отпустил кузнечика, а Собируй обошёл стойбище и нашёл шамана. Тадибей окуривал новые нарты вереском.

– Бегайте нарты быстрее ветра! По снегу, по траве привозите богатства мне... – колдовал шаман.

– Много лет жизни, вам светлейший тадибей! – сказал Собируй.

– Много лет жизни! – ответил шаман.

– Сын вырос, однако! Первую добычу в чум принёс, охотником хочет стать. Наколдуй ему удачу.

– Кого же он добыл: гуся, зайца или андатру?

– Нет, совсем маленькое животное. Таракана.

– Будет так! – рассмеялся тадибей. – Три оленя и один песец в уплату.

К обеду шаман был в чуме у Собируя.

– А не мал ли ты для охоты? – стуча в бубен, дразнил тадибей Хасей.

– Нет! – сердился Хасей. – Стоит мне только захотеть, я могу голым животом спать на снегу, ездить верхом на рыбе, бегать на равных с олешками и побороть ошкуя!

Конечно, Хасей не мог спать голым животом на снегу и бегать наравне с оленями, он только так говорил. Но очень уж ему хотелось поскорее стать взрослым и отправиться на охоту.

– Ладно, – сказал тадибей и ухмыльнулся.

Наконец-то сбывалась его давняя мечта избавиться от непоседы Хасей. «Будет тебе шилохвост! – смекал шаман. – Отправлю по дороге без края и конца». А вслух продолжал:

– Как знаешь, Хасей. Но, чтобы стать настоящим охотником тебе нужно отыскать каменную жабу. Раз уж ты таракана добыл, то подстать ему и божество твоё. Для начала отправляйся через всю тундру на родину Нгер Нумгы – великой полярной звезды. Когда придёшь на край Земли, переправься через горловину Белого моря на Кольский. Оставив дрейфующие льды за спиной, ступай на Мурман. Ну, а на Мурмане всякий знает, где искать каменную жабу. Поклонись идолу, оставь подношение и возвращайся.

Три дня и три луны Хасей не находил себе места. Он очень не хотел уходить далеко и надолго. Не хотел расставаться с родителями. Хасей любил лечь и кататься бочком, приминая ягель. Ему нравилось трогать

влажные носы у собак, плевать в лужи, а быть одному не нравилось. Ещё Хасей очень любил, когда перед сном бабушка Илне рассказывала сказки. Но вот уже который вечер его злившая характеристика не давала ему уснуть. Он всё представлял, как отправится к каменной жабе, отыщет её, поклонится и станет настоящим охотником.

Когда застенчивые сумерки опустились на тундру в четвёртый раз, Хасей сунул в мешок вяленого мяса, надел малицу, пимы и отправился на Мурман искать каменную жабу.

Украдкой он вышел из дома. Стараясь не будить собак и оленей, маленький охотник обошёл чум. Лайка Нарэй радостно выбежала на встречу. «Наконец-то они отправятся на настоящую охоту», – думала Нарэй. Хасей замахал руками, чтобы собака уходила, но лайка лишь помахала хвостом в ответ.

Через несколько минут Хасей и Нарэй дошли до конца стойбища и остановились. Прямо перед ними, в небольшой луже, сидела гладкопузая лягушка. Лягушка ловила сонных комаров и ничего не подозревала. Хасей взял её, осмотрел. Лягушка замерла от страха. Хасею тоже было холодно и страшно.

«Вот она моя каменная жаба! – подумал маленький охотник. – Нашёл на самом краю Земли, как и рассказывал шаман». Правда, как поклоняться божееству он не знал.

Хасей покрутил божеество, у лягушки закружилась голова и, кажется, она булькнула: «Ква-тит!» В сказках бабушки Илне жених целовал заколдованную невесту, но Хасей не хотел жениться, поэтому он легонько лизнул её и отпустил обратно на ягель. Лайка Нарэй, глядя

на хозяина, тоже лизнула лягушку. Лягушка не обиделась, она гулко квакнула: «Ква-рашо-то ква-к, а ведь чуть не съели!» Бултыхнулась в маленькую лужицу и уже оттуда наблюдала выпученными глазами.

«Свершилось!» – обрадовался Хасей и побежал обратно. «Ква-кая гадость!» – думала лягушка, провожая взглядом маленького человека и собаку. «И это всё! – расстроилась лайка Нарэй. – А как же охота? Как же медведи, дикие олени и гуси?!»

Хасей забежал в чум, разулся, скинул малицу и нырнул под оленьи шкуры. «Какая она холодная и солёная моя каменная жаба, – засыпая, подумал новый охотник. – На вкус, как обычный гранит».

На следующий день Хасей взял с собой отцовские петли, любимую лайку Нарэй и отправился в тундру: «И не так уж далеко этот край Земли, – размышлял он. – Надо будет у шамана ещё о чём-нибудь расспросить». К обеду Хасей и Нарэй добыли трёх куропаток и вернулись в стойбище, а Нябинэ сварила жирную похлёбку.

Вода и камни

Хасей рос очень любопытным ребёнком, и все об этом знали, и многие страдали, а всё потому, что не всегда находили ответы. Каждый день Хасей выбегал из чума и разглядывал то небо, то землю, любовался тем, как уютно луне в облаках и каким ослепительным бывает солнце. Часами засматривался он на ягоды и грибы, играл с камнями и ветками. Очень скоро Хасей заметил, что олень быстрый, зайцы и лемминги трусливые, гуси и утки несут яйца, а земля простирается без края и конца в любом направлении до горизонта. Хасею непременно хотелось знать, чему служит всякая вещь, и чем

полезна она ненцу, поэтому он никогда не переставал задавать вопросы.

Уже не первая зима минула с того времени, как Хасей появился на свет, и когда вешние воды окончательно проснулись и заговорили на все лады. Когда понеслось со всех сторон журчанье, шёпот и плеск, тадибей пришёл в гости к Нябинэ.

– Садись пить чай, – пригласила Нябинэ, заваривая лечебные травы в кипяток.

– Много лет жизни, хозяйка чума! – поблагодарил шаман.

– И ты, Хасей, сядь и ешь за столом! Ненцы не олешки, чтобы жевать на ходу. – одёрнула Нябинэ сына, и придвинула низенький столик к гостю.

Хасей тут же подогнул ноги и присел напротив шамана.

– Зачем на меня смотришь? – насторожиться шаман. – Чего хочешь?

– Скажи ответ? – спросил Хасей.

– Ладно!

– Песец хитрый, он уже никогда не исправится? Почему он такой?

– Действительно так. Мышь очень умная, песцу приходится быть умнее, иначе он умрёт с голоду, – ответил шаман.

– Я слышал, как ты грызёшься и лаешься с людьми, ты волк или собака? – не унимался Хасей.

– Волк!

– Волк огня боится, как тадибей работы, – рассмеялась Нябинэ. – Значит правда волк.

Хасей дожевал кусок строганины и снова спросил шамана:

– Что лучше: съесть поганку или чтоб змея укусила?

Тадибей обрадовался такому вопросу, как бы он не ответил, всё будет во вред надоедливому мальчишке.

– Надо подумать! – сказал тадибей, напуская важности и тумана, чтобы ещё больше заинтересовать малыша.

– Шт! – шикнула бабушка Илне на шамана, которая только что вошла и слышала вопрос Хасея. – Пустая твоя голова! Чему поучаешь?! Когда человек хочет пить, дай воды, а не камни!

– Змея! – буркнул шаман не то про бабушку Илне, не то отвечая Хасею, и тут же выскочил из чума.

Вслед за быстрой и шумной весной пришло весёлое, всё пронизанное солнцем лето. Тут же по тундре рассыпалась морошка и черника, и как только ягоды налились соком, оленьи люди принялись их собирать.

В один из дней бабушка Илне и Хасей проснулись до того, как солнце заглянуло в мокодан⁵. Они попили крепкого чая, накинули одежды и откинув полог, шагнули из чума.

– Пусть тундра подарит нам добрую ягоду и не слишком злого комара! – сказала бабушка Илне, и они отправились собирать ягоды.

– Первую горсть всегда оставляй Я'Мине, и благодари Мать-Природу за богатый урожай, – учила бабушка Илне.

Собирая и закидывая морошку в рот, Хасей неожиданно увидел спящего ужа. Маленькая змейка

---

⁵ Мокодан – отверстие сверху чума, через которое выходит дым.

свернулась клубком на большой и старой сыроежке. Хасей очень обрадовался находке, и тут же схватил змея.

– Бабушка, я поймал змею! Пусть она меня укусит! – закричал Хасей.

– Нга тебя попутал! – выругалась бабушка Илне. – Люби землю на которой живёшь, отпусти змея!

– Нет! Моя добыча! – заупрямился Хасей и стал убегать от бабушки.

Юный охотник ещё никогда не ловил змей и не разглядывал их так близко. Но бабушка Илне выломала вицу, и грозно размахивая ею, погналась за непослушным внуком.

– Проказливый ребёнок! – ругалась она. – Беспутный комар!

В то время, пока бабушка Илне гоняла Хасея по тундре, из-за холма показалась оленья упряжка. На нартах сидел шаман. Олешки, боясь удара хореем, бежали сломя голову. Хасей тут же смекнул, что можно запрыгнуть на нарты и умчаться от бабушки вместе с тадибеем. Он выбежал на тропу и уже почти дождался упряжки, когда змей выскочил из рук охотника и поскользился по ягелю навстречу к оленям. Олени, завидев ужа, испугались и шарахнулись в сторону. В тот же миг шаман вылетел с нарт и шлёпнулся в лужу. Извалявшись в грязи, он так громко закричал, что во всей округе попрятались даже лягушки.

– Нет избавления от этого беса! – причитал шаман, отряхивая тину с промокшей малицы. – Всю кровь выпил! Все нервы измотал!

– В другой раз дай воды, а не камни! – заступилась за беспутного комара подбежавшая бабушка Илне.

Берёзовая ветка

Когда пришла новая зима, и снег накрыл землю пушистой шалью, Хасей принялся ловить песца. У него это так ловко получалось, что за месяц он добыл десяток добротных шкурок. Слава об удачном охотнике разлетелась на многие стойбища.

Каждый день с восходом солнца Хасей складывал в мешок капканы, надевал широкие лыжи подбитые шкурой оленя и отправлялся в тундру на промысел. На белоснежной равнине он отыскивал одинокие кусты с лёжками зайца или куропаток. Хасей рассматривал их, затем привязывал к кустам капканы, присыпал их снегом, оставлял немного приманки, и, заметая свои следы, уходил дальше в тундру.

Отец Собируй часто наставлял Хасея:

– Важно, чтоб охотник знал, куда летит сова. По науке наших дедов и отцов, капканы надо ставить по её следам.

– Ладно, – отвечал Хасей.

И на самом деле, он часто замечал, где зависает и охотится полярная сова, потом крутится и песец.

Однажды над тундрой зажглись яркие, спелые звёзды, а сквозь прозрачный, морозный воздух до стойбища донеслось пыхтение и какое-то хлопанье.

«Да, – уже засыпая, размышлял Хасей. – Это пыхтит сова. Её старания. Мышь промышляет. А за ней и песец придёт, он тоже мышь любит. Надо утром на север идти, следы искать, капкан ставить».

Проснувшись, Хасей попил горячего чая. Бабушка Илне вышивала рисунок в виде мозаики на его малице.

– Что это значит? – спросил Хасей, рассматривая узор.

– Берёзовая ветка, – ответила бабушка.

– Хороший знак, – улыбнулся Хасей. – На охоту пойду. Ночью сову слышал, она укажет, где песец мышь кует.

– Пусть зверь не окажется умнее тебя, – ответила Илне и подала внуку малицу.

– Да будет так! – согласился Хасей.

Пока он одевался, бабушка Илне украдкой кольнула большой палец иглой, стряхнула капельку крови в огонь и прошептала:

– Я’Миня Мать-Природа, прими в дар жертвенную кровь. Услышь меня и пошли удачу моему внуку...

Хасей вышел в тундру и уже через полчаса нашёл длинную вереницу следов. Это был свежий след песца и обрывался он возле карликовой берёзки. «Эта берёзка принесёт мне удачу, – думал Хасей, присыпая снегом туго взведённый капкан».

Той же ночью, когда тёмная пелена опрокинулась на тундру, а из-за горизонта показалось сонное лунное око, тадибей отправился прятать свои богатства. Он вышел из чума, отошёл две версты на север, нашёл своё заветное деревце и принялся откапывать схрон.

Всякий раз, когда солнце скрывалось на востоке, лишь одна мысль жгла тадибея словно огонь. Оглядываясь, он удалялся вглубь тундры. Старясь не шуметь, шаман раскидывал рыхлый снег, пока не упирался в деревянную крышку. Озираясь по сторонам, он открывал небольшой ледник, наполненный до отказа ножами, кубками, бусами, искусно вырезанными фигурками из мамонтовой кости, песцовыми и норковыми шкурками. Каждую ночь тадибей пересчитывал своё богатство. Он тщательно перетряхивал и перекладывал его, потом

снова закрывал крышку, закидывал снегом, переметал свои следы, а вместо них оставлял путанные следы животных, таяя сушёной лапой песка или зайца.

Но в этот раз шаман не успел откинуть и охапку снега, как на его руке захлопнулся капкан. Он вскочил и крича самые грозные заклинания, побежал обратно в стойбище.

– Что за глупый человек поставил здесь капкан?! Будь ты трижды проклят! – чертыхался тадибей.

Он бежал, падал и выл от боли. Разум шамана помутился, и колдун взывал к нечистой силе:

– Приди, дядюшка паук! Приползи, бабушка змея! Запорхни в чум, тётушка летучая мышь! Ужальте злодея, бока его охладите, за пятки укусите! Это верно Хасей... Он с рождения меня хочет сгубить! Со свету сжить! Мой чум и олешков отобрать! Мои богатства захватить!

На крики шамана из жилищ повыбежали заспанные оленеводы.

– Я нарезал руку и теперь это не чинится! – выл тадибей.

– Бывает, – сказал Собируй, как будто ничего необычного не произошло.

– Бедный, – сказала Нябинэ не то про шамана, не то про спрятавшегося за чум сына Хасея.

– Я сильно прохудился, продырявился, – причитал тадибей. – Без своей любимой руки мясо есть не смогу. Чай буду мимо рта проливать. Я умру...

– Поделом! – ругалась бабушка Илне. – Зачем потревожил нижний мир?! Ты землю рыл, вот дьявол Нга, что есть худшего с тобой и сотворил: правую руку укусил.

– Эа-а-а! – ревел включенный шаман.

Разобравшись чей капкан, ненцы стали шутить и светлеть лицами.

– Молодец, Хасей! Медведя добыл, – сказал Тетако и осмотрел руку шамана.

– Бабушка вышьет тебе новый рисунок – лапу медведя, – смеялся Собируй.

– Ничего, – подбадривал шамана дядя Хасея, и его узкие глаза сделались ещё уже. – У меня есть мазь. Я своих олешкиов много лечу, у них бывает рога боленуют. И тебя вылечим.

В конце концов, Тетако осмотрел рану и обмазал её жиром чёрной утки. После этого он примотал к руке тадибея деревянную дощечку и напоил его горячим Иван-чаем. Через неделю кисть у шамана зажила. Тадибей, как и прежде, проснувшись утром, потягивался, садился в постели и почёсывал свои пятки. А пока шаман шёл на поправку, Хасей научился отличать живые следы от ложных. Он стал лучше понимать их и теперь читал отпечатки животных будто буквы в книжках.

Особенный день

Когда дождь смыл остатки снега, а терпкий запах тундры, вешних вод и сырой земли вскружил головы олешкам, шаман приготовился встречать уважаемого гостя.

Как только в мокодан проскользнули первые лучи восходящего солнца, он принялся хлопотать по дому. Тадибей вымел чум, вынес на улицу оленье шкуры и повесил огромный котёл на очаг. Потом он выбрал самый лучший кусок мяса с косточкой, нарубил его и опустил в холодную воду.

– Хороший будет евей, – помешивая бульон и снимая с него пену, радовался тадибей.

Ему не терпелось встретить шамана из дальнего стойбища. Он уже всё приготовил и даже запряг оленью упряжку, чтобы выехать навстречу гостю, но нужно было доваривать суп. В это же самое время Хасей готовился на последний лёд, чтобы порыбачить.

– Сиг ловится, однако, – сказал он отцу с матерью, складывая махалки⁶ в рюкзак.

– Не ходи! Лёд старый. Провалишься, – возразил отец.

– Нет! Я лёгкий, – начал спорить Хасей. – Сига нельзя упускать. Сам на лёд бросается. С зимой прощается.

– Бедный, – сказала Нябинэ не то про сига, не то про Хасея.

Когда тадибей услышал спор, то решил схитрить.

– Не ходи, Хасей! Южный ветер шептался с тундрой, и я слышал, что лёд пропал. Даже мышь провалилась, – скорбно поведал шаман.

– Ладно, – расстроился Хасей.

– Не горюй. Сегодня особенный день, – одобрительно сказал тадибей. – Я добрый. Я разрешу тебе помогать.

С этими словами тадибей завёл Хасея в свой чум.

– Вот суп. Доведи до кипения и вари ещё столько же, – наказал он.

– Куда потом? – спросил Хасей.

– Ставь куда хочешь! – буркнул шаман и выскользнул из чума.

---

⁶ Махалка – короткая деревянная удочка для подлёдного лова.

– Ладно, – ответил Хасей.

Через час по стойбищу плыл божественный аромат, а на костре бурлил густой суп.

– Сытный евей однако, – радовался Хасей, снимая пробу большой деревянной ложкой.

Когда похлёбка была готова, Хасей потушил очаг и перенёс котёл в свой чум.

– Ешь, отец! Ешь, дядя! У тадибея сегодня особый день, он всех угощает, – выкладывая мясо, приглашал Хасей за стол.

– Нарка вада⁷ нашему тадибею, – нахваливал суп дядя Тетако.

– Ешь, мама! Ешь, бабушка Илне! – угощал Хасей женщин.

– Правда, – соглашалась бабушка Илне. – Настоящий бульон!

– Долгих лет жизни нашему шаману! – нахваливал Хасей тадибея, угощая собак.

После сытного обеда Хасей нарвал прошлогодней травы и вымыл котёл до блеска.

Когда опустились сумерки, и вот-вот должна была взойти луна, упряжка шамана въехала в стойбище.

– Ань дорова⁸! – поздоровался гость с оленеводами.

– Много лет жизни! – поприветствовали оленьи люди.

– Прощу за стол, – поспешил пригласить гостя в свой чум шаман.

---

⁷ Нарка вада – спасибо.

⁸ Ань дорова – здравствуйте.

Увидев пустой блестящий котёл, тадибей удивился:

– Хасей, где мой суп?

– Люди съели, – ответил Хасей. – Тадибей сказал: «Сегодня особенный день. Ставь куда хочешь!»

– Ах ты, глупый ненец! – закричал тадибей. – Ставь куда хочешь в моём чуме, а не людям!

– И собственный язык голодным может оставить!
– громче всех смеялась бабушка Илне.

Следы на луне

Спустя несколько летних равноденствий от рождения Хасея, когда осенний дождь лил с печального неба целую неделю, а на восьмой день, ветер прогнал тучи за горизонт, выглянуло необычайно большое лунное лико. Радость и тоска овладели Хасеем.

– Месяц листопада ушёл, хора пришёл. Звери сменили летний наряд на зимний, – сказал отец.

– Хочу на луну... – печально выдохнул маленький Хасей.

– Нет! – возразила бабушка Илне. – Нум запретил. И всем сказал.

– Я Нума попрошу, он пустит... – канючил Хасей.

– Нет! – отрезала мудрая Илне. – Нум дарует человеку и счастье, и благо, и оленей, и лисиц и всякого богатства, а луну не дарил. Луна для духов и шаманов.

– Собируй, попроси нашего тадибея, пусть уступит своё место на луне, – заступился дядя Тетако.

– Бедный, – сказала Нябинэ не то про отца, не то про сына Хасея, не то про шамана.

– Ладно, – ответил Собируй. – Посмотрим.

В это самое время тадибей камлал⁹, освещая своё новое жилище. Шаман с силой ударил ладонью в бубен, станцевал на одной ноге, встал на четвереньки и пополз вокруг чума.

– О-о-эй! И-ё-эй! – кряхтел под нос тадибей. – Помогли мне духи, которых я знаю и глупость людей! Отобрал новый чум за щепотку сушёной травы! Через год заберу всё стадо, женюсь, припеваючи жить начну...

Когда шаман обползал в седьмой раз, к нему подошёл отец Хасея.

– Много лет жизни, вам светлейший тадибей! – сказал Собируй.

– Много лет жизни! – вставая и отряхивая малицу от сора, ответил шаман.

– Я достаточно чувствую, что Хасею надо на луну и обратно. Уступи ему своё место, пусть идёт, – попросил Собируй.

– Он луну сгубит, – ответил тадибей. – Только шаманы попадают на небо, а непослушный Хасей в подземное царство.

– Я принесу в жертву самое дорогое, что у меня есть, – попросил Собируй. – Белого олешка.

– Ладно, – согласился шаман, его вдруг осенило, что он может отправить Хасея в такие края, откуда ещё никто не возвращался. – И не забудь трёх оленей в уплату.

– Спасибо! – улыбнулся Собируй, и они отправились к Хасею.

---

⁹ Камлание – обряд, который совершает шаман.

В чуме Собируя все ели мясо, и только Хасей сидел в стороне от родни. Он смотрел в мокодан и сквозь ускользящий дым любовался луной.

– Много лет жизни! – приветствовал шаман и ударив в бубен, подошёл к Хасею.

– Много лет жизни, светлейший! – ответили ему.

– Нум добр, всемогущ, всевидящ, но управлять миром предоставил нам шаманам. Я разрешаю тебе на луну, Хасей, хотя сам хотел отправиться туда. – и тадибей снова ударил в бубен. – Но я останусь здесь, посередине – между верхним и нижним миром. А ты ступай пока не дойдёшь до замёрзшего Ямала. Там перейди Ледяное море и отыщи Северную землю. На Северной земле тебя ждёт самая высокая гора вселенной, оттуда ты попадёшь на луну.

– Ладно, – согласился Хасей.

Он сунул кусок варёного мяса в мешок, накинул малицу, натянул пимы, со всеми попрощался и вышел из чума.

Перед уходом бабушка Илне напутствовала внуку: «Ничего не бойся. В какую бы беду ни попал – голову не вешай, ум не теряй. Если будет невмочь, попроси Мать-Природу Я’Минь, она всегда рядом».

Жёлтая луна, как большой шаманский бубен, висела над осенней тундрой. Яркие звёзды усыпавшие небо освещали стойбище. Остроконечные чумы тянулись к Млечному пути с трудом дотягиваясь до него струйками белого дыма. Когда Хасей спустился в низину, а лай собак утих и остался далеко позади, ему стало страшно.

– Я’Минь Мать-Природа, разреши шагать по луне, – прошептал Хасей.

В тот же миг луна подмигнула Хасею и поплыла, отражаясь в лужах. «Луна... Луна... Луна», – шептала дождевая вода. «Хлюп... Хлюп...Хлюп-хлюп...», – размичканный ягель чавкал под ногами. Наконец-то исполнилась детская мечта Хасея, он ходил по луне.

Когда Хасей вернулся в стойбище, шаман отлавливал самых крупных оленей из стада Собируя.

– Зачем, ты, пришёл! – вскипел тадибей, и его аркан пролетел мимо шеи оленя.

– Я исполнил мечту и вернулся домой, – ответил Хасей.

– Ах, ты, маленький врун и глупец! – бесновался шаман, он указал рукой на луну и спросил. – Где тогда твои следы на луне?!

– Так и рыба ходит по воде, а следов не видно, – ответил Хасей.

Сказка

– Отец, дай мне ружьё! – сказал Хасей.

– Нет! – ответил Собируй. – Ты ещё слишком мал.

– Я добываю песка капканом. Сёмгу – махалкой. Куропатку – петлёй. Дай мне ружьё, и я добуду дикого оленя. Я стану великим охотником! – настаивал Хасей.

– Великий, это хорошо, – согласился Собируй.

– Трудно быть маленьким каждый день. Обидно. Я стану больше! Я стану важным! Когда я добуду много оленей, обо мне узнают все. Я буду самый важный ненец в тундре, – начал похваляться Хасей. – Все будут слушаться только меня.

Бабушка Илне сидела возле очага и кормила огонь тонкими ветками хвороста.

– Постой! – сказала бабушка Илне. – Садись! Пей горячий чай, великий охотник. Я расскажу тебе сказку.

– Ладно! – согласился юный охотник. – Я люблю сказки.

– Когда на Земле жил древний, многовековой человек, а в тундре пахло морозным солнцем и снегом. Белый медведь пришёл к ненцу. – начала свою сказку бабушка Илне. – «Плохо мне! – сказал ошкуй. – Я белый. Снег белый. Мои следы на снегу и те белые». «Бог Нум так задумали, однако!» – ответил ненец. «Нет! – начал спорить медведь. – Надоело! Отец был белым. Дед – белым. И у деда дед. А я не буду. Раскрась меня. Я стану не такой как все. Звери узнают обо мне. Я буду самым важным медведем. Все будут слушаться только меня». В это время головёшки в костре дрались и постреливали. «Ладно!» – сказал ненец и залил огонь из котла. Когда ненец измазал медведя сажей, то ошкуй очень обрадовался чёрной раскраске. «Теперь я кажусь свирепее! Теперь обо мне узнает весь Верхний мир!» – хвалился чёрный медведь. Но стоило ему выйти из чума, как на него налетела сорока и вырвала клочок шерсти. «Хор-р-роша подстилка для гнезда!» – радуясь находке, протрещала она на всю тундру. Следом за сорокой прилетела полярная сова, а потом куропатки и полярные воробьи. Даже старый чёрный ворон отхватил от медведя приличный клочок. Злой ободранный ошкуй пришёл к океану. Нерпа и тюлень, завидев чёрного демона, тут же уплыли. Все белые медведи отвернулись от собрата. Он портил охоту. Его было слишком хорошо видно на снегу даже слепому моржу. Чёрный медведь остался один. Он начал голодать, и более слабые волки убили его. Не задирай нос, Хасей. Не гонись за величием, не останешься один.

Будущее

Когда над тундрой нависло грозное молчание, все олени люди поспешили укрыться в чуме. Ещё не успела закипеть вода в котле, а свинцовые капли дождя ихлестали озерную гладь, да так сильно, что на ней появились большущие пузыри.

– Скоро Тетако и Сумси женятся, – сказала бабушка Илне.

Хасей улыбнулся, ему было приятно узнать такую новость. И как радуга не издает ни тепла, ни голоса, но радость от неё разливается по всей тундре, так сердце Хасея получало радость при одной только мысли о том, что его дядя Тетако нашёл жену и у них может родиться сын. Хасей тут же припомнил когда-то сказанное дядей: «Скоро я помолодею, потом немножко постарею, заведу жену, и у меня тоже родятся мужики, как ты, Хасей».

Хасею натерпелось подружиться с будущим братом. Вопрос был только, когда? Когда наступит это будущее?

Хасей призадумался и спросил:

– Что такое будущее? Как его увидеть?

– Оно спрятано в настоящем. – ответила бабушка Илне. – Следующей весной ненец будет ловить нельму, которая растёт уже сейчас. Летом ты будешь собирать ягоды и грибы, которые пробиваются из земли. Осенью бить жирного гуся, которого нянчит наседка. Зимой охотиться на дикого оленя. Семена, что ты видишь, дадут плоды. Снег превращается в вешние воды. А маленький оленёнок-пыжик, что льнёт к важенке¹⁰ станет

---

¹⁰ Важенка – местное название самки северного оленя.

сильным хором¹¹. Ты тоже будущее, Хасей! Ты будешь пасти оленей, охотиться на песца и заботиться о тундре.

Хасей вышел из чума, сел на нарты и посмотрел на выглянувшее солнце. Он зажмурился от ослепительных лучей и в тоже время осознал, что будущее прямо перед ним: голубое небо и бескрайняя тундра – они всегда были рядом. Хасей вдруг понял, что каждое слово бабушки Илне – счастье. Что сегодняшнее солнце и есть самое настоящее будущее. Ведь несмотря ни на что оно и завтра будет светить, и послезавтра, и через много-много лет.

Разные пути

Когда южный ветер выбился из сил и сменился на север, а низкое серое небо обняло тундру морозящий дождём, бабушка Илне тяжело заболела. Липкая хмарь повисла над стойбищем, собаки лаялись и грызлись между собой с утра и до вечера. И пока мужчины каслали, а тадибей гостил у дальних родственников, Хасей и Нябинэ ухаживали за больной.

Многие дни Илне не вставала с постели. То и дело она теряла память, а приходя в себя тихонько шептала:

– Помни, Хасей, оленьи люди, это хозяин земли и воды. Ненец придуман, чтобы оберегать тундру и реки от худых людей и злых духов.

– Беда отступи! – простирая руки вперёд, просила Нябинэ. – Я’Минь Мать-Природа, дай ей свободно вздохнуть! Подари Илне жизнь и силу ветра.

В последний день обессиленная бабушка Илне закрыла глаза и стала молиться за счастье Хасея. Еле

---

¹¹ Хор – взрослый самец олень.

слышно произносила она слова, но её молитва, её тепло и любовь всё же коснулись души внука. По щекам Хасея бежали горькие слёзы.

Когда на мягких лапах лисицы в тундру прокрадась ночь, а круг солнца опустился за холм, и алая полоса горизонта, лишь на мгновение вспыхнув, растаяла не оставив даже искры, бабушка Илне умерла.

Жалобно и уныло завывли собаки. Сердцу Хасея сделалось так больно, что он думал о себе, как о сломанной ветке. Бабушка всегда говорила: «Ты и я, мы дети одной земли». Теперь Хасей понимал это и чувствовал себя оторванным от мира.

Нябинэ положила лёгкую руку на голову Хасею и погладила сына. Она почему-то завела разговор о дожде и снеге, но Хасей не слушал её, он всё цеплялся за ускользающие видения и будто пытался навсегда оставить в памяти доброе лицо бабушки Илне, такое круглое, загорелое, с яркими тёмными глазами и улыбкой – после необычно жаркого лета. «Прости меня, бабушка Илне! – шептал Хасей, вытирая слёзы. – Вот если бы всё повторить... Я бы вёл себя совсем по-другому. И ты бы тогда жила очень-очень долго. И мы бы никогда не расстались. Прости, что часто обижал тебя, бабушка». Постепенно Хасей осознал, что их пути разошлись навсегда, и начал успокаиваться.

Через два дня вернулись мужчины, бабушку Илне одели в лучшую зимнюю одежду, вложили в руки шкуру бобра, закрыли глаза монетами, чтобы она нашла дорогу в загробный мир, зашили в полог её старого чума и похоронили. Рядом с могилой Илне оставили перевернутую поломанную нарту, и её любимые вещи.

– Илне умерла, но её душа зажглась на небе яркой звездой, – попрощалась Нябинэ.

– Ничто не знает конца: тундра продолжение ветра, море продолжение неба, дети и внуки продолжение стариков. Илне всегда будет с нами, – сказал Собируй.

– Как камни растут без корней, так мудрость бабушки Илне будет расти в наших умах, – сказал последнее слово Тетако.

Равновесие

Когда по тундре полоснули арктические ветра, а холод отобрал у лета весь день без остатка, Хасей отправился искать нетронутые уголья для охоты.

– Да не покинет тебя безмятежность и спокойствие даже при встрече с медведем, – наставлял отец Собируй.

– Нум создал зайца, оленя, белку и песца. В ответ бог Нга – волка, ворону и щуку. Помни это и будь осторожен. Проси Нума и Я’Минь Мать-Природу о помощи. Нга не гневи, – напутствовал дядя Тетако.

– Сердце матери в сыне, сердце сына в тундре. Ступай, сынок, – со слезами провожала Нябинэ.

С уходом Хасея опустело и стойбище. Солнце перестало радовать оленьих людей, а луна таяла так долго, что ночи тянулись бесконечно. Затосковал и шаман. В прежние времена тадибей ссорился с Хасеем каждый день для того, чтобы мириться, и всякий раз мирился для того, чтобы снова поссориться. И как мрачный тадибей вносил с собой тьму, так весёлый и добрый Хасей развеивал её светом. Чёрный шаман и светлый Хасей дополняли друг друга, но с уходом юного охотника равновесие пошатнулось, всё стало серым и безрадостным. Шаман перестал выходить из чума и превратился в по-

добие уснувшего филина. Ничто его не радовало, не волновало – старик затухал.

Так прошла осень, а за ней и зима. Но в один из дней Нябинэ увидела, как тадибей валяется в снегу с собаками.

– Собаки ласться, значит, весна идёт. Так мой ум ходит – тёплая погода будет, – сказал довольный шаман.

– Ослаб твой ум, тадибей! До весны ещё месяц, – ответила Нябинэ.

На следующий день показалось ослепительное солнце, а с ним и первые вестники весны – тундровые воробьи. «Правда пуночки прилетели. «Вот и поди с ним! – подумала Нябинэ. – Старый глупый заяц, а погоду знает».

Через неделю вернулся и Хасей. Разом оживились стойбище и тундра. Под палящим солнцем забеспокоились ручьи. Оленеводы начали ремонтировать нарты и готовятся к кочёвке.

– О-о-эй! И-ё-эй! – камлал радостный тадибей. – Весна-весна, наступай поскорей! Гуси летите, заяц линяй, рыба ловись, олень не хромай!

Арктическое дыхание покидало тундру. Месяц тихого снега уступал место месяцу вóрона. Шумливые речки и озёра наполнялись, подпирая лёд упругими спинами. Калейдоскопом разливались жёлтые, зелёные, синие цвета на прогалинах. И только Хасей посреди этой бурной жизни увядал.

Смысл жизни

Хасею было и спокойно, и тревожно. Впервые задумался он над тем, как кончается день, и сменяет звёздную ночь новый день. Каждый вечер Хасей засы-

пал с надеждой и страхом, что мечты не сбудутся. Он будто постигал какую-то неведомую истину, разгадывал тайну земного бытия и в тоже время ничего не понимал, мысль ускользала. Он чувствовал только счастье и жжение в груди. Его влекло к девушке из дальнего стойбища по имени Нетке.

Кочуя по тундре в поисках охотничьих земель, Хасей оказался так далеко, как прежде не бывал ни один из его родственников. Остановившись для отдыха у незнакомых людей, Хасей познакомился с девушкой. Когда они встретились взглядом, на сердце у него что-то стонуло будто чем-то кольнуло, но не больно, а приятно. Юноша разволновался, обрадовался и немного растерялся. Нетке Хасей тоже понравился.

– Ты будешь моей женой! – сказал ей Хасей.

– Ладно! – ответила Нетке.

Глава семейства Вындерко был очень рад такому гостю. «Наконец-то дочь Нетке выйдет замуж, а я получу калым», – думал он.

– Видишь эту палку? – спросил Вындерко у жениха.

– Вижу, – кивнул Хасей.

Отец Нетке достал нож и начал делать зарубки.

– Приведёшь мне столько оленей, сколько зарубок поместится на ней, – улыбнулся Вындерко. – Когда я получу калым, Нетке твоя.

Вындерко очень старался, он не спал ночь. С восходом солнца на палке белело сто зарубок. У Хасея и его родителей не было столько оленей. Хасей забрал палку и вернулся домой.

В груди Хасея становилась тесно для сжатого в ней чувства, оно томило, испепеляло, вырывалось

наружу. Каждый вечер Хасей сочинял стихи: «Добежать, долететь, добраться. В новом мире с ней оказаться...» «Добрый дух любви, помоги моему сыну», – молилась Нябинэ. Тадибей стоял возле чума Хасея и подслушивал.

– Тяжелы страдания. В одном Хасее тысяча жизней горит, – бурчал Тадибей. – Только бы от тоски не умер. Тогда всё пропадёт. Погибнет стойбище. Олешки погибнут. Жизни не будет...

Однажды, пока не растаял снег, тадибей запряг четырёх оленей и отправился сватать Хасея. Две недели пробивался шаман к Нетке. И в месяц, что даёт жизнь всей тундре, он отыскал стойбище Вындерко.

– Нум велик! – приветствовал шаман семью Нетке.

– Пусть бог будет к тебе благосклонен! – ответил глава семейства Вындерко.

– Я нужное дело к вам имею, – сказал тадибей. – Осенью срок свадьбы Хасея и Нетке.

– Хасей ещё лишь хасава нацеки¹², – возразил Вындерко. – У него нет калым! Он глупый мальчик.

– Хасей – мужчина! А ты попадёшь в преисподнюю и сгинеешь в вечных муках, Вындерко, – ответил тадибей отцу невесты. – Что ты хочешь?

– Ветром сыт не будешь! Нужно сто олешков. Новый аркан мне и моему сыну. Малицу и пимы моему деду. Оленьи ягушки¹³ жене, сестре и матери. Хочу нож и легковые нарты. Достань всё, и через год сыграем свадьбу, – закончил Вындерко.

---

¹² Хасава нацеки – мальчик.

¹³ Ягушка (паница) – женская верхняя зимняя одежда. В отличие от мужской малицы имеет разрез спереди.

Целую ночь шаман не спал, ворочаясь в постели, он думал думу, как помочь Хасею. «На что все мои богатства? – размышлял тадибей. – Мне, старому ворону не на что не годно. Детей и внуков – нет. Жены – нет. Только Хасей как сын».

Перед отъездом тадибей зашёл в чум к Вындерко.

– Этой осенью Нетке станет женой Хасея! Слышал! Я сказал всё! – крикнул шаман. – Это моё последнее слово!

– Ладно! – ответил Вындерко. – Посмотрим.

Когда шаман вернулся на родное стойбище, то никого не застал. Оленеводы, спасая стадо от мошки, перегнали его на побережье Ямала. Не раздумывая и не теряя время зря, тадибей отыскал свой тайник. Целый день у шамана ушёл на то, чтобы перегрузить весь свой смысл жизни на нарты. Перевязав покрепче сокровища, он отправился к соседям покупать олешков. День и ночь тадибей объезжал соседние стойбища, пока не выменял нажитые богатства на сто оленей.

В месяц гнездования птиц тадибей привёз выкуп за Нетке. На легковых нартах возвышались перевязанные тюки из отборных песцовых шкурок, пёстрых оленьих ягушек и малиц. Следом подходило стадо из ста оленей. Навстречу шаману вышел Вындерко и его семья.

– Возьми мое всё! – сказал тадибей и протянул руку. – Это калым за твою дочь Нетке.

– Да будет так! – пожал руку Вындерко.

В месяц Малой темноты, когда все стада перекочевали, и олени, отдыхая после долгого пути, без труда добывали ягель под рыхлым снегом, Хасей женился на Нетке.

Он забрал её от родителей и привёл в новый чум. Когда Нетке развела огонь в своём новом доме, по тундре разлетелось камлание шамана.

– О-о-эй! И-ё-эй! – пел, приплясывал на одной ноге тадибей. – Богиня любви, дай Хасею и Нетке много детей!

ВТОРОЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Гребешковой Алины Александровны «Элли-бэлли»

С главной героиней – девочкой Айгуль – мы знакомимся в тот момент, когда бабушка (по-татарски – *нэнэй*) учит ее татарским словам (небо – это *кюк*, а луна – *ай*) и рассказывает сказку о красавице Луне и Солнце. О том, как однажды сильно обиделась Луна, когда после своего чудесного гостинца не дождалась достойного подарка от Солнца, и с той поры каждый раз, завидев старого друга, спешит уйти, чтоб не встречаться с ним.

И в этом маленьком эпизоде автору удается показать нам очень многое. И взаимную привязанность Айгуль и нэнэй, и неповторимую мелодику татарской речи, которую постоянно слышит девочка, когда приезжает к бабушке с дедушкой. Да даже история про расстроившуюся дружбу Солнца и Луны будет перекликаться с основным сюжетом – давняя обида на дочку, мать Айгуль, до сих пор не отпускает деда.

Летняя жизнь в поселке, куда на каникулы приезжает девочка, наполнена множеством разных дел: поход за ягодами, совместное приготовление обеда, поездка на картофельное поле, где надо собирать колорадских жуков. Все это описывается с какими-то запоминающимися

ся подробностями, которые характерны только для детских воспоминаний.

Однако жизнь Айгуль вовсе не идиллична. Она замечает, что дед относится к ней хуже, чем к ее двоюродному брату Артурке, да и сам Артурка ведет себя заносчиво по отношению к сестре, и это нередко задевает ее. Она видит, что после развода отец приходит редко, а когда приходит, то всегда пьян. Однако все эти события не озлобляют ее: чем дальше, тем более зрело ведет себя маленькая Айгуль.

Пожалуй, самое важное, что показано в этом рассказе, – это взросление души. Не только самой героини, но и ее брата. В конце рассказа Артурка берет на себя вину за сломанные часы. Конечно, взрослые понимают, что не всё в его словах правда, но готовы оценить эту самоотверженность. Как мудро замечает нэнэй, «на то они и братья, чтоб в сложную минуту прийти на помощь».

Однако душа, как цветок, может раскрыться лишь в атмосфере ласки и любви, и создать таковую нэнэй удастся. Как в своем саду она ласково гладит белоснежные и бордовые бутоны пионов, так и в отношениях с внуками она источает тепло и дарит любовь. Последние строчки рассказа как раз об этом: «Я тебя люблю – мин сине яратам».

Алина Александровна Гребешкова

ЭЛИ-БЭЛЛИ¹

– Жиляк – ягода.

– Жиляк.

– Окно – тряся.

Айгуль лежит на огромной кровати, задрала ноги на стену и изучает рыжий от заката потолок. Тени деревьев, продираясь сквозь занавески, стелются по комнате причудливыми узорами и фантастическими животными. Крест окна дрожит от ветра.

– А как будет небо?

– Небо – это кюк. А Луна – ай. Знаешь, как твое имя переводится? Лунный цветок. Всё, балакаем², спать пора. Солнце тоже пошло спать.

– Ещё немножко, нэнэй³. Расскажи мне сказку, ну пожалуйста.

– Какую сказку, Айгуль? Ты же уже большая, – смеется нэнэй.

– Любую, какую захочешь, – девочка обнимает бабушку. – Ты же их столько знаешь!

– Тогда ложись удобнее и накрывайся одеялом, закрывай глазки и слушай. Однажды Солнце позвало в гости Луну. Долго думала небесная красавица, чем порадовать друга, с пустыми руками идти нельзя, надо хороший подарок. Посмотрела вокруг и выбрала самые красивые и яркие звезды, положила их на серебряный

---

¹ Баюшки-баю (здесь и далее перевод с татарского языка)

² Малыш, дитя мое.

³ Бабушка.

поднос. Солнцу понравился кучтанач⁴. Они весело провели время, обсудили новости и попрощались. На следующий день Луна пригласила в гости Солнце. Долго думал царь света, а чем порадовать в ответ? Пошел к самому лучшему портному и попросил сшить платье из самых мягких облаков, чтобы подчеркнуть красоту Луны. Но портной отказался:

– Ни один мастер не возьмётся за такое дело. Луна каждый день выглядит по-разному. Сегодня она полная, как шар, а потом начинает худеть, глядишь и вот уже тоненькая, как серп. Как угодишь такой красавице?!

Расстроилось Солнце и отправилось к Луне без подарка. Встретила его небесная красавица с почестями, напоила, накормила. Настало время прощаться. Царь света стал собираться домой. Поняла Луна, что нет для нее подарка, и расстроилась.

– Я хотел подарить тебе платье из самых мягких и воздушных облаков, но портной отказался. Трудно тебе угодить. Ты то полная, то худая. Но чтобы ты не обижалась, я разрешаю тебе собирать мои яркие лучи. Из них ты сможешь сшить по своему вкусу любое платье.

Промолчала Луна, на этом они с царем света распрощались. Небесная красавица так расстроилась, что побледнела. С тех пор перестали дружить Луна и Солнце, а небесная красавица, как только увидит бывшего друга, тут же спешит уйти, чтобы не встретиться с ним. Вот такая история давным-давно произошла, Айгуль.

Девочка уже не слышит, мягкий нараспев голос бабушки усыпляет быстрее любой колыбельной, укачивает лучше любой люльки.

---

⁴ Гостинец.

Солнце еще не проснулось, когда картатай⁵ загремел на кухне посудой. Завтракает он до первых лучей, ужинает, когда царь света уходит, а на его месте появляется обиженная небесная красавица. В семь часов включает радио. Каждое утро и летом, и зимой в одно время.

– Уфтанма, уфтанма, уфтанма⁶, – тянет певец.

Раздражающее радио вещает на непонятном для Айгуль языке. Звуки гармонии навевают тоску, а голоса исполнителей сливаются в одну протяжную песню. Летние просыпания похожи друг на друга, только солнце то бывает, то не выглядывает неделю, тогда над поселком низко стелется серое небо, а это значит, что в огород не идти, за ягодами тоже, но и на улицу не выпустят. Только если пообещать нэнэй что-то сделать, например, помыть полы или почистить минтай, а руки потом в мозолях от неудобно большого ножа и не отмываются – пахнут рыбой целый день до вечернего мытья посуды, которой набирается в раковине до потолка. Это тоже обязанность семилетней Айгуль. Но, если всё-таки улизнуть из дома, то свобода: можно залезть в школьный сад и хрустеть неспелым крыжовником или ранетками, так, что сводит язык и живот, а потом убежать от сторожа – старой женщины с распухшими ногами, ей никогда не догнать их. Можно шлепать по лужам в красных резиновых сапогах, кто не прыгает в море – тот трус! За грязную куртку и штаны заругают, но наказание будет потом. А если же дождь разойдется, то можно переждать в подъезде непогоду с друзьями, которых

---

⁵ Дедушка.

⁶ Не сожалей.

тоже под честное слово выпустили из дома. Сядут на ступеньки в ржавых пятнах старой краски и будут шепотом рассказывать страшилки про черный город, гроб на колесиках, Пиковую даму и гнома-матерщинника. Девочки постарше обязательно схватят в самый волнительный момент кого-нибудь за ногу. Крик, смех поднимется такой, что недовольные жильцы выгонят всех на улицу. Только бы бабушкам не нажаловались!

В основном дети, как и Айгуль, в поселок приезжают на каникулы, многих родители отправляют на всё лето, год за годом. Вот и придумывают ребята себе развлечения, не всегда безопасные. Например, карбид, который мальчишки кидают в лужи и разбегаются, или поджечь тополиный пух. Но больше всего бабушки ругаются за бездомных котят, еда для них воруетя со стола и холодильника, как повезёт: от кусочков мяса и молока, до конфет и ягод, которые съедают сами спасатели, да и не едят кошки сладкое. Но коробки-домики выкидываются, миски с водой переворачиваются, а животные куда-то пропадают. В этой борьбе у детей нет союзников. Бабушки кричат на весь двор одно и тоже: «Глисты и лишай, да мало ли чем они болеют, а ты всё из дома еще тащишь! Расскажу твоим родителям, пусть сами воспитывают».

Пока же картатай ворчит, а нэнэй медленно помещивает манную кашу:

– Когда им еще спать, как не в детстве?

– Неженок воспитываете и лентяев. Поднимай их, на картошку сегодня поедем.

Айгуль горестно вздыхает. «На картошку» – это огромное поле, простирающееся до горизонта, с вонючими жуками и личинками. Нэнэй наливает на дно кон-

сервных банок керосин, насекомые, попавшие туда первыми, складывают лапки и подышают, другие же – упрямая, но обреченная армия – цепляются, ползут вверх по трупам собратьев и по склону банки, пытаются расправить крылья. Девочке их не жалко, она скидывает палочкой насекомых обратно: «Уф, картошку всю пожрёт», – говорит с интонацией нэнэй. Нужно собрать всех до вечера, иначе картатай будет ругаться, а потом еще и лук прополоть. Дядя Дамир как-то поехал с ними и шутил: «Ты почему их не ешь? Белок же, самый чистейший. Ты нанайку попроси, пусть пирожков нажарит из них». От воспоминаний Айгуль тошнит.

– Вставайте, солнышко уже проснулось. Блины готовы. Горячие, ух. Каша манная. Умывайтесь и за стол. Сегодня на поле поедем.

– Еще минуточку, – Айгуль пытается натянуть одеяло на голову, но нэнэй ловким и сильным движением скидывает его.

Блины. Толстые и тонкие. На молоке и кефире. С маслом и вареньем. Такие блины получаются только у нэнэй. Воздушные, будто паруса, в которых Айгуль прогрызает дырочки, а пироги! С изюмом и рисом, картошкой, мясом, яблоками, с золотистой корочкой и узорами по толстым бокам, ломящимся от начинки. Чтобы приготовить лакомство, нэнэй встает до солнца. Пока в огромной кастрюле бродят дрожжи, чистит, режет, варит, а потом взбивает, месит, подкидывает и стучит по белоснежному от муки полотну. Заплетает толстую косу себе и на тесте выкладывает такие же косички.

Айгуль любит просыпаться от густого запаха блинов или пирога, кажется, будто вся мебель, одежда и

кожа пропитываются им, такой аромат нельзя смывать в горячей бане – жалко. Почему-то мама никогда не готовит ничего подобного. Огород. Через несколько часов работы на воздухе любой перекус становится долгожданным и по-особому вкусным: соленое сало с хлебом, вареная колбаса и яйца, зеленый лук. «Ничек эшлясян, шулай ашарсын⁷», – говорит нэнэй, вгрызаясь зубами в огурец.

Сад Айгуль любит больше, там растут смородина, клубника, фруктовые деревья и овощи, а картаи на зависть соседям выращивает маленькие дыни, арбузики и абрикосы. Туда они ездят поливать, париться в бане, в домике стоят кровать, газовая плитка, там можно спрятаться от солнца, это ни огромное картофельное поле, будто с километровыми грядками лука и моркови по краям. Нэнэй в саду выращивает цветы, пока поливает, ласково гладит белоснежные и бордовые пушистые пионы – запах лета – зарыться бы в них с головой, будто шмель или пчела собирать густой нектар. Но нужно таскать воду в огромных ведрах, царапающих ноги, или бороться с колючими сорняками, которые оставляют несмываемые ядовито-желтые следы. Баню Айгуль не любит, после горячего дня приятнее прыгнуть в бочку с прохладной водой.

А если нэнэй сварит на плитке зеленый суп из крапивы, то ехать домой, несмотря на тошноту от усталости, уже и не хочется. Тут же забывается жара, ноющая спина, обгоревшие плечи, черные от грязи пятки, которые станут белыми только к осени. Лечь бы в тени яблонь и терна, чтобы вечер никогда не заканчивался.

---

⁷ Ничек эшлэсэң, шулай ашарсың – как поработаешь, так и поешь (татарская пословица)

После бани нэнэй, с распущенными черными волосами до пояса, перебегает легкой поступью через лужи воды, смеется и делает вид, что ругается: «Ох, Айгуль, какие реки ты разлила, не экономишь воду!»

Девочка завидует ее волосам, тому, как нэнэй легко управляется на кухне и даже непонятному тянущемуся: «Алла бирса⁸». «Вот почему я на мальчика похожа? Вот почему?!», – думает Айгуль, разглядывая короткие рыжевато-пшеничные волосы, смотрит в обрубок садового зеркала и шипит голосом матери: «Вот вырастешь, делай что хочешь, а сейчас по моим правилам живешь». Показывает язык. До школы еще два летних месяца, может, и коса отрастет за это время. Как у нэнэй. А мама посмотрит и передумает стричь, обнимет и скажет: «Какая ты у меня красивая, дочка».

Артурка. В то лето дядя Дамир привез его из столицы на летние каникулы и сказал: «Знакомься, это твой двоюродный брат». А какой он брат, если его Айгуль никогда и не видела до этого? Артурка старше на год, ходит в школу, поэтому считает себя взрослым и задирается: «Я когда вырасту, мне папа машину купит. А у вас есть машина?» Автомобиля в семье Айгуль никогда не было, в огород ходили пешком, а в поселок к нэнэй и картатай добирались с мамой на автобусе около получаса. Потом мама оставляла ее и уезжала обратно в город. А брат-то из столицы и хвалится: и цирк у них есть, и парки аттракционов, и зоопарк, а в зоопарке – верблюды, лисы, медведи и даже волк, который бегаёт кругами по маленькой клетке.

---

⁸ Если Бог даст.

– Я, – говорит, – ни на капельку не испугался, а у него зубы, знаешь, какие! – и руками в стороны разводит.

– Врешь ты всё! Не бывает таких зубов, да и любой испугается волка и убежит, – возмущается Айгуль.

– А ты волка вживую видела?

– Нет, – волков девочка видела только в детской энциклопедии, там было написано, что это прадедушка собаки и живут волки семьями, как и люди.

– Вот не видела и не говори. Я самый смелый в классе, а ты – девчонка и малявка, – Артурка задирает голову. Разговор закончен.

– Уже подружились? – спрашивает дядя Дамир. – Играйте, играйте.

Дядя Дамир месяц бывает в поселке, месяц на севере. У него дубленка с отрубленными лапками песка, которые пугают Айгуль. Когда вечером дядя уходит гулять, он сильно брызгается одеколоном, говорит, что такой аромат тетям нравится, а вот девочку тошнит от запаха, который еще долго витает по всей квартире. Дома дядя ночует редко. Когда он возвращается, нэнэй говорит ему: «Арыдым синнян⁹, Дамир. Никакого уважения». Он что-то бормочет в ответ, но из-за закрытых дверей спальни девочка не может разобрать.

Картатай радуется приезду внука. Он пододвигает ближе к Артурке тарелку с вареной говядиной и картошкой, расспрашивает про школу и смеется. А потом Айгуль моет посуду, а все смотрят телевизор в зале. Показывают комедию, это девочка понимает по хохоту. Ей кажется, что смеются над ней. Слезы падают в тазик с

---

⁹ Устала от тебя.

мыльным раствором. Нэнэй просила, чтобы Артурка помог с посудой, но дядя Дамир сказал: «Он – мужчина, непригоже ему женскую работу делать. Доставай лучше рюмки, отметим с отцом событие».

Картатай пил редко, после двух рюмок его и без того суровое лицо наполнялось злобой. Айгуль пряталась на балконе, где летом можно было переждать грозу, а вот зимой далеко не убежишь. В тот вечер удар кулаком по столу застал за ужином, картатай вернулся из гостей навеселе:

– Ты такая же сволочь, как и твой папашка. Что глаза опустила? Полю иди мой, неряха! Не реви мне тут, инан батаге¹⁰!

Айгуль – дочь от нелюбимого русского зятя, который еще и пьет, но с мамой они уже несколько лет живут вдвоем, а папа заваливается иногда в стельку и угрожает, или же дарит кукол. Мама кричит ему: «Лучше бы денег принес, скотина, обуви у ребенка нет!» Тот мычит что-то.

Папа ненавидит чувашей, татар и башкир. Картатай ненавидит чувашей, башкир и русских. О чем они высказываются вслух, не стесняясь в выражениях. Но почему картатай не любит её, Айгуль не понимает, ведь она тоже ненавидит папу, но скупает по нему. От обиды слёзы текут сами по себе, как девочка не пытается их сдержать.

– Авызны яб, хайван¹¹, – кричит нэнэй. – Алладан курык¹², и Рамадан¹³ собрался держать. Какой ты му-

---

¹⁰ Татарский мат.

¹¹ Закрой рот, скотина.

¹² Побойся Бога.

сультанин, – говорит с горечью, – если ты дитя малое обижаешь?! В чём она виновата?

Когда нэнэй злится или волнуется, то всегда переходит на татарский язык, может, делает это специально, чтобы дети не понимали. Но картатай от ее слов съеживается и будто уменьшается в размерах, молча допивает рюмку и уходит, пошатываясь, спать.

– Это злой алкоголь в нём говорит, кызым¹⁴. Не слушай его. Тыныч йокы¹⁵! Хочешь, я тебе сказку расскажу? Ты же любишь сказки?

Айгуль кивает головой и вытирает слезы.

– Тогда умывайся и ложись. Сегодня на балконе постелю, жара стоит такая, а там хотя бы ветерок дует.

Спать на балконе летом – это блаженство. А можно не спать и смотреть на черное небо, где живёт Луна и звёзды. Нэнэй стелет толстый матрас и накрывает Айгуль теплым одеялом, чтобы злые комары не кусались, которых в посёлке, стоящем на болоте, полчища. Где-то вдалеке слышно, как гудит поезд и переругиваются лягушки.

– Давным-давно в одной деревне, – начинает свой рассказ нэнэй, – жили бабушка с дедушкой. Было у них трое детей, да выросли и уехали в город учиться и работать, приезжали редко и начали забывать родной язык. Смирился с этим картатай. Но одного простить не мог – старшая дочь не послушалась и вышла замуж за человека другой национальности. Как его не уговаривала нэнэй простить дочь, тот ни в какую. «Не бывать ей и ее

---

¹³ Рамадан – месяц обязательного для мусульман поста.

¹⁴ Дочка.

¹⁵ Спокойной ночи.

детям в нашем доме». Смирилась нэнэй, да и с мужем спорить нельзя. Прошел год, у старшей дочери родилась девочка, прислала она родителям письмо с приглашением. «Не поедем», – заупрямился картатай. Не выдержало сердце матери. «Ты, как хочешь, а я хочу детей пови-
дать!» Накормила скотину, наготовила еды для карта-
тая, собрала гостинцы и двинула в путь. Заехала сначала
к младшему сыну, тот учился в университете на инже-
нера. Тот ее встретил со словами: «Эни¹⁶, ты зачем при-
ехала? Нет у меня времени, учиться надо, да и постелить тебе негде». Ничего не сказала нэнэй, оставила
куштанащ и отправилась к среднему сыну. Тот тоже не
обрадовался ее внезапному приезду: «Эни, мне нужно
на работу бежать, у меня дела, езжай к сестре, она всё
равно дома с ребенком сидит». И тут ничего нэнэй не
сказала, отдала деревенские гостинцы и поехала к стар-
шей дочери. Та встретила ее с маленькой девочкой на
руках, которая громко голосила, будто стая собак на лу-
ну. Обнялись женщины, поплакали, ведь давно не виде-
ли друг друга. А внучка схватила бабушка за косу паль-
чиками, не отпускает, крепко держит. Посмеялись:
«Наша порода – упрямая».

– Что же ты не написала? – спросила дочь. – Мне
тебя и угощать нечем. Денег дома нет, муж на заработки
уехал. Только дочку кормлю, а сама почти на сухом
пайке сижу. Подожди, сейчас к соседке сбегая, займу у
нее немного денег и приготовлю ужин.

– Не переживай, кызым, неголодная, я сначала к
братьям твоим заехала, радушно встретили, да и я не с

---

¹⁶ Мама.

пустыми руками к тебе. Вот казылык¹⁷, эремсек¹⁸, соления и курочка, сварим бульон, лапшу нарежем – вот и праздник нам. Только думаю, оставаться мне здесь или в деревню ехать?

– Мама, куда ты поедешь? Живи, сколько хочешь, мы столько не виделись! Я тебе на кровати постелю, сама на диван лягу с малюткой. Как папа? Всё злится?

– Ты же знаешь, упрямец он. Время ему нужно, чтобы остыть.

Так за долгим разговором провели они вечер и легли спать. Но не может сомкнуть глаз нэнэй, ворочается. Разбередилось сердце, обидно стало, что сыновья так с ней поступили. Всегда правде их учила, уважению старших и традиций, а уехали в город и всё забыли. Но что поделаешь, как яблоню растишь, такие плоды потом и съешь. Решила она любым способом помирить картатаю с дочерью. Погостила несколько дней в городе и поехала обратно. Скотину-то надолго не оставишь. Встретил картатаю ее хмуро, вопросов не задает, а нэнэй улыбается и молчит. Не выдержал, спрашивает:

– К сыновьям ездила?

– Ездила, – говорю. – Плохие деревья мы вырастили – без корней. А вот дочь хорошо встретила. Привет тебе передавала. А внучка-то, знаешь, на кого похожа? Да тебе не интересно, пойду грядки полью.

Наступил вечер, картатай ходит из угла в угол, видно, что мучает его что-то. Нэнэй молчит и вопросов не задает. Легли спать. Тут уже сон начал приходить.

---

¹⁷ Колбаса из конины.

¹⁸ Красный творог.

– Так на кого похожа-то? – среди ночи раздаётся. – Не мучай меня. Если на зятя нашего, то пусть не приезжают никогда.

– На тебя похожа, – рассмеялась нэнэй. – Такая же упрямая порода.

Так и помирилась семья.

Нэнэй заканчивает рассказ и поправляет одеяло, произносит чуть слышно, чтобы не разбудить Айгуль, которая уже давно спит: «Наша порода. Эх, кызым, если бы всё было так, как в сказке. Видимо, не простил до конца. Алла бирса¹⁹, вырасти счастливой за нас всех».

– А что такое поле? – спрашивает Артурка за завтраком. Он еще ни разу там не был.

– Поле – это двенадцать соток земли, там растет картошка, морковь и лук, чтобы зимой было что кушать, – объясняет нэнэй. – Ты же уже сильный мальчик? Можешь нам?

Артурку раздувает как индюка: «Конечно, я же еще на каратэ хожу».

– Вот и молодец, малай²⁰, – улыбается нэнэй, – большой помощник в семье – гордость для любой мамы, – смотрит на дядю, но тот отворачивается в сторону. Спрашивает: – А у тебя какие планы на сегодня? Картошку надо окучивать, мы с картатаем не справимся в одиночку, да и ноги в последнее время у меня побаливают, думала лук прополоть, там хоть сидя можно.

– Дела у меня, – огрызается дядя. Допивает чай и уходит.

---

¹⁹ Если даст Аллах.

²⁰ Мальчик, сын.

«Придет, как всегда, к ужину, – злится Айгуль, – Даже чашку со стола никогда не уберет. Хайван²¹». В незнакомое слово девочка вкладывает всю свою обиду.

На поле едут на старом «запорожце», доживающем свой век. Так говорит нэнэй, а Айгуль думает, как же обидно умереть в маленьком поселке, где из развлечения – мечеть, куда ее не берут, но молитву слышно даже в квартире, будто в громкоговоритель; и рынок, где всегда шумно и пахнет специями, молоком и жареными пирожками, бабушки продают зелень и ягоду. Свинину нэнэй никогда не покупает, а вот мама редко, но готовит из нее вкусное рагу, а из ножек – дрожащий холодец. Об этом думает Айгуль, пока они трясутся по пыльной дороге, дождя не видно, значит, опять вонючие жуки и обжигающее плечи и затылок солнце. Артурке же всё интересно, он сидит на переднем сидении и задает вопросы: «А это что? А там?»

Дядя Дамир развелся со своей женой, в поселке он был давно. Айгуль смутно помнила его, когда они приезжали, тогда еще всей семьей, на юбилей картатая. Может, она бы и стерла тот день и Артурку, но они подрались из-за плюшевого мишки. Айгуль ударила его головой об стол, одержала победу, но родственники посчитали, что ее награда – стоять в углу и остаться без праздничного торта. Ее игрушку тоже подарили ему, чтобы он не ревел. Плакса. Как такое забудешь?

Солнце еще не прогрелось, а они уже приступают к работе. «Сколько ни собирай этих жуков, а они лезут и лезут», – думает Айгуль удрученно, куда ни глянь – бескрайнее поле картошки. Она выпрямляет спину, это

---

²¹ Животное, скотина.

тут же замечает картатай и говорит: «Кто не работает, тот не есть. Кто управится быстрее и соберет больше, тот пойдет вечером гулять. Проигравший – сидит дома».

Айгуль быстро складывает жуков в консервную банку, краем глаза наблюдает за противником. Тот не сдаётся – идёт по соседнему ряду. От жары и запаха керосина кружится голова. Движения становятся такими же сонными, как у пойманных насекомых.

– Перерыв, – говорит нэнэй. – Скоро и обед уже, потерпите.

Айгуль садится на кучу выдранных сорняков, лучи не успели их пригреть, и корни еще хранят прохладу земли. Тени здесь не найдешь, поэтому и называют его «полем». После перерыва, а затем и обеда, тянет в сон. Но проиграть – остаться без игр во дворе, и Айгуль вновь отправляется на сражение. К ним присоединяется нэнэй, ближе к вечеру делит свою добычу пополам, между двумя внуками. Значит, гулять на улицу идут оба. Хотя Айгуль хочется, чтобы Артурка остался дома и ревел.

После работы в поле нэнэй украдкой дает деньги на мороженое, чтобы картатай не видел – баловство же. «Балалар,²² держите, заработали», – шутит. И они несутся к киоску с мороженым. Шоколадное эскимо, на обертке которого скачет Салават Юлаев. Артурка рассказывает, что это национальный башкирский герой, огромный памятник которому стоит над Белой рекой. Выбор сложный: ванильное мороженое в вафельном

---

²² Дети.

стаканчике или фруктовый лёд – дыня, яблоко, апельсин.

– Ты что возьмешь? – спрашивает Артурка.

– Я в стаканчике возьму. Давай его? Тогда еще на «Буратино» останется, – отвечает Айгуль.

– Не, мне папа монетки оставил. Много. Плюс еще нэнэй добавила. Я три эскимо возьму, а ты бери, на что хватит. Одно сегодня съем, а другое – тоже сегодня, а может, завтра. А третье...

Он задумывается.

– А третье выкину, или, может, тебе отдать? Хотя, нет, не заслужила, – он смеется. – Хотя, что мне мороженое? Я на велосипед двухколесный коплю. Немного осталось. Если нэнэй будет давать помаленьку... Если не покупать мороженое. Слушай, а может, ты все деньги мне отдашь? Я куплю велосипед, а ты приедешь в гости, я тебя покатаю. Давай так и сделаем!

– Нет, я мороженое хочу, – отвечает Айгуль, чувствуя подвох.

– Давай тогда возьмем фруктовый лёд, а сдачу я пока у себя сохраню. Так надежнее, – не сдаётся Артурка.

– Купим три мороженого, – уверенно говорит Айгуль, – одно отдадим нэнэй. Ты добавишь, и как раз хватит. А папа тебе и так велосипед подарит.

– А бабушки мороженое не едят! – возмущается мальчик. – Зачем ей? Деньги же нам дали, мы заработали. Она, если захочет, ящик купит себе. С тобой не договоришься! Отдавай мою половину.

Айгуль покупает два мороженого в стаканчике, девочка точно знает, что нэнэй любит его, но почему-то никогда не покупает. Артурка же из вредности покупает

три эскимо и тут же съедает. На следующий день падает с ангиной. Нэнэй поит его горячим барсучьим жиром и чаем с матрешкой²³. «Нечего было жадничать. Вот пусть теперь сидит дома. В лес за ягодами его не возьмем», – думает девочка и почему-то вспоминает, как она прошлой зимой везла свою маленькую нэнэй на санках, а та залиvisto смеялась и сваливалась в сугроб, домой они пришли в снегу. Картатай ругал обоих.

У Айгуль есть и русская бабушка Таня. Но ее она видит редко, мама не отпускает в деревню одну, а сама туда не ездит. «Нечего там делать», – говорит. За семь лет виделись пару раз. Каждую встречу бабушка Таня подслеповато жмурится и спрашивает: «Это кто приехал?» Ей отвечают: «Айгулька – внучка твоя». Та радостно бросается обнимать, плачет. Быстро дети растут. В углу деревянного дома над столом стоят иконы. Бабушка объясняет: «Это красный угол. Здесь Христос с Богородицей и Святая Троица. Они хранят нас, дочка». Она смиренно наклоняется и крестится: «Спаси и сохрани, спаси и сохрани...»

Русская бабушка другая. Если нэнэй худая и с черной косой, быстро перемещающаяся в пространстве квартиры, то эта – вся кругленькая: живот, голова в белом платочке, ноги, она медленно катится от прялки к печке, и всё время говорит о Боге: «Он везде: в лесу, в речке, в молоке и воде, в хлебе и на небе. Следит за нашими делами и направляет».

– Бабушка, а Аллах тогда – это кто? – спрашивает Айгуль.

---

²³ По-татарски душица – мятрүшкэ (читается как «мятрюшка»)

– Аллах, внученька, это бог мусульманов. Они его так называют. Имен у него много, и каждый видит его по-своему. Но Бог един. А теперь иди и поиграй с Черным. Я ужином пока займусь, скоро и мама твоя из гостей вернётся.

Живности у бабушки много: куры и петухи, корова с теленком, пёс Черный и кошка Мурка. Черный виляет хвостом, когда Айгуль выносит ему хлеб, облизывает руки и радостно прыгает, потом лезет целоваться. Язык у него шершавый и длинный.

– Всё, Чёрный, – смеется девочка, – пойдем гулять по деревне.

Пёс важно бежит впереди, разгоняет шипящих гусей и лает на проезжающие с диким рёвом мотоциклы. С ним не пропадешь. Спускаются к тоненькой речке, берега которой поросли дикой высокой травой. Всё цветет и пахнет. На дереве пчёлы свили гнездо, жужжат и возмущаются приходу незнакомцев. Чёрный тянет Айгуль за платье в сторону дома. Опасно! Возвращаться надо!

В доме роятся и перемешиваются между собой запахи молока, зеленого лука и еще чего-то очень вкусного. Бабушка открывает печку и достает чугунок.

– А вот и картошка подспела к твоему приходу. Садись за стол. Сейчас будем трапезничать.

От картошки валит густой ароматный пар. Ждать, пока остынет, у Айгуль не хватает терпения, от запаха кружится голова, закидывает одну ложку и обжигается.

– Клади сметанку-то. Быстрее остынет, – бабушка смешно тянет букву «о» и улыбается.

– Бабушка, а почему ты к нам в гости никогда не приезжаешь?

– Да куда я поеду, скотины видела сколько? Их ни на один день не оставишь. Лучше ты почаще приезжай и наподольше.

На следующий день Айгуль с мамой уезжают. Прощаясь, бабушка плачет и крестится: «Ох, помру скоро, больше не увидимся с внучкой». Айгуль бросается к ней и обнимает: «Ты жди, бабушка, я к тебе зимой приеду». Но ни в этот, ни на следующий год мама в деревню не отпустила, а отправила в поселок к своим родителям.

– За ягодами сегодня не едем, – заходя в комнату, говорит нэнэй. – Доброе утро, засони. Будем готовить кыстыбый²⁴. Мне ваша помощь понадобится. Артур, ты как себя чувствуешь?

– Ой, нэнэй, – потягиваясь, отвечает мальчик. – Как же всё болит. Можно я еще посплю?

– А ну-ка, давай температуру тебе померяем, а потом барсучий жир выпьешь.

– Мне уже лучше, – пугается хитрец. – Как я могу тебе помочь?

После завтрака нэнэй дает внукам задание почистить картошку и лук, а сама берется за тесто. Возле раковины не хватает места, и дети толкаются. Артурка исподтишка щипает сестрѐнку.

– Нэнэй, он меня обижает, – жалуется Айгуль.

– Быстро перестали баловаться, а кто будет жаловаться, пойдет полы мыть, – сурово говорит картатай. – Завтра, если погода позволит, за ягодами поедем.

---

²⁴ Традиционное татарское блюдо из постного теста с начинкой.

Картошка варится на огне, потом нэнэй делает пюре. Тесто вздувается на раскаленной сковороде. Как только лепешка готова, нэнэй подхватывает ее и бросает на тарелку, на лепешку кладет пюре и складывает пополам. У Айгуль ответственное задание – нужно смазывать кыстыбый расплавленным золотистым маслом, пока лепешка не высохла. Артурка крутится рядом, но есть пока нельзя, только когда они сядут за стол, нальют свежезаваренный чай со зверобоем и мятой, но перед этим на стол ставится душистый токмач²⁵ с говядиной и зеленью. Бульон уже готов. Нэнэй учит Айгуль: «Вытаскиваем мясо, варим картофель крупными дольками, морковь режем колечками, лапшу я готовлю заранее. На дно тарелки кладем зелень, наливаем бульон с лапшой. А овощи с мясом подаем на одной тарелке, кому сколько надо, столько и возьмёт. Поняла?» Айгуль кивает головой. Девочки должны уметь готовить и убираться, иначе замуж никто не возьмет. От запаха кружится голова, нэнэй, будто волшебница, летает по кухне, ощущение, что у нее множество рук: одной помешивает бульон, другой режет зелень, третьей переворачивает лепешки. Всё у нее получается быстро и вкусно, дома мама никогда так не готовит. Топленое масло стекает по губам и рукам, а мягкое пюре тает во рту. После такого обеда тянет в сон. Картатай не съел ни ложки, говорит, что держит священный пост. «Может, он такой злой, потому что голодный?», – думает Айгуль.

Утром выглядывает солнце. Айгуль и Артурка надевают резиновые сапожки и курточки. Садятся в

---

²⁵ Суп с лапшой.

«запорожец», пока доедут, земля уже просохнет. День будет жаркий. Картатай раздает каждому по корзинке. «Ягоды нужно собирать аккуратно и без веточек. В рот не клади – не есть пришли. Что ворон ловишь? Бабочек никогда не видела? Уф алла каем²⁶!» – каждую минуту раздается в сторону Айгуль, Артурку же картатай наоборот хвалит: «Какой молодец растет! Вот с кого нужно пример брать и не лениться». Девочке обидно. «Нужно собрать больше, чем он», – решает Айгуль. Но как удержаться? Маленькие ягодки так и просятся сами в рот, кисло-сладкие, пахнувшие лесом и полем. Пока картатай не видит, нэнэй берет большую горсть из своего ведра и перекладывает в корзинку Айгуль: «Много не ешь, животик заболит».

Дома выкладывают на пол газеты, а на них – ягоды, теперь нужно перебрать от жучков и травинок, а потом нэнэй сделает пастилу и варенье. Паучки пытаются сбежать под диван, но Айгуль выслеживает их, потом аккуратно стряхивает с балкона на четвертом этаже. Убивать их нельзя – дождь пойдет. А дождя не хочется, опять дома сидеть с Артуркой, а на улице такое солнышко! Горячий июль так и манит пробежаться по пыльным улицам, залезть в кусты сирени, построить штабик, подальше от вечно недовольных бабушек, сидящих на скамейке. Айгулька как-то спросила у нэнэй, почему та никогда не болтает во дворе с подружками:

– Я бы на твоём месте гуляла бы и гуляла на улице. Тебе же не нужно отпрашиваться.

---

²⁶ О боже, ну ты даешь!

– Уф, балакаем²⁷, что мне делать с этими лентяйками, у меня ужин не готов, полы помыть, варенье поставить. Дел полно, а у них одна забота – косточки перемыть соседкам. Ты с ними много не болтай. А никак в прошлый раз, помнишь?

– Ну, нэнэй, это же уже давно было.

– Давно, ага, прошлым летом. Они еще полгода сплетничали. Не болтай лишнего, я прошу тебя, кызым²⁸!

Айгуль вспоминает, как встретила бабушку во дворе, поздоровалась и собиралась бежать дальше за мячиком, но та предложила присесть на скамейку «поговорить со старшими, уважить». Нэнэй тогда впервые кричала на Айгуль:

– Нельзя, понимаешь, нельзя каждому встречному рассказывать о жизни. Ты зачем сказала, что родители в разводе, потому что папа пьет?

– Так они же в разводе.

– А про картатая, что он сторожем подрабатывает?! Какая им разница? Молодец, услужила. Кому от этого хорошо? Злым языкам только!

Айгуль не понимала, разве честность – это плохо? Сами же учат, что врать нехорошо и нужно правду всегда говорить.

– Я тебе запрещаю с ними общаться. Поздоровалась и дальше пошла. А если вопросы начнут задавать, отвечай: «Мне нэнэй запрещает с чужими разговаривать». Всё, не реви, держи пастилу.

---

²⁷ Малыш, дитя моё.

²⁸ Дочка, девочка.

Яблочная, смородиновая, облепиховая. Густая и тягучая, застревающая в зубах. Пастила. Пока сушится на солнце, так и хочется оторвать кусочек, откусить, убежать с ним в темный уголок, пока никто не видит, нюхать, вдыхать аромат, облизывать, а потом долго жевать кислый кусочек солнца.

На следующий день после завтрака нэнэй и картатай собираются в огород морить жуков. Детей не берут. Мама рассказывала Айгуль, что у картатай папа умер, когда надыхался отравы, а так бы жил до ста лет. Нэнэй успокаивает ревушую от страха девочку: «Ничего с нами не случится, посидите дома одни, не шалите».

Сначала играют в домино, но быстро надоедает, находят старые фотографии.

– Смотри, это ты, – говорит Артурка, – тыкая пальцем на девочку в шортиках, – а это тогда кто?

– Это картатай и моя мама. Когда-то он был молодой и красивый и, наверное, мало ругался. А это, наверное, твой папа! – Айгуль переворачивает фотографию и читает надпись, – да, дядя Дамир. Ты его часто видишь?

– Нет, мама не очень любит, когда он приезжает.

– Я тоже своего редко вижу, а если приходит, то пьяный. Взрослые говорят, что алкоголь разрушает семьи, а сами пьют. Вырастешь, поймешь. А может, я уже выросла! – возмущается Айгуль.

– Давай мяч пинать, – предлагает Артурка, – в футбол тут, конечно, не поиграешь. А на улице нам нельзя.

– Нэнэй, если узнает, ругаться будет, – сопротивляется Айгуль, но недолго, – они и не узнают, если мы не скажем. Тащи!

Мяч пахнет резиной, Айгуль подбрасывает его. Тяжелый.

– Смотри, правила такие: один стоит на воротах – вот это кресло, а другой пинает. Я начну, если поймашь, твоя очередь, – объясняет мальчик. – Но ты же девчонка и малявка... – злорадно шипит он.

Айгуль злится, что он опять над ней смеётся, злится на себя, что согласилась с ним играть, но отступить некуда: позади – кресло, впереди – Артурка. Он легко разбегается, девочка падает на палас. Ура! Мяч у нее.

– Теперь ты вставай на ворота. Посмотришь, как мастер будет играть, – говорит девочка.

Артурка недоволен, но что делать, сам правила придумывал. Айгуль кладет мяч на пол, думает, как ударить, чтобы он не поймал, чтобы проиграл, чтобы перестал смеяться, чтобы плакал. Она бьет, а мяч устремляется вверх и летит в стену, на которой висят часы – подарок нэнэй на юбилей от Айгуль и мамы. Они были единственные в магазине, когда девочка увидела их, то уже не могла отойти и замороженно смотрела на резные фигурки, будто парящих над циферблатом, золотистых коней, копытами дрежащих планету. Столкновение неизбежно. Они закрывают глаза.

– Если найдем клей, то никто ничего не заметит, – неуверенно успокаивает Артурка.

– Кккооооонииии, – задыхается Айгуль. – Они отвалились.

– Они же пластиковые, конечно, как иначе. Ты с такой силой пнула, я испугался, что мне в голову попадешь, – Артурка нервно смеется. Глядя на него, начина-

ет смеется и девочка. – Может, тебе в футбол пойти, удар-то сильный, – продолжает он.

Они падают на палас и не могут остановиться – смех переходит в рыдания, приступы икоты, слезы и опять смех. «Будь, что будет», – решает Айгуль. Они возвращают часы на место, ставят сверху коней и договариваются ничего не говорить нэнэй и картатай.

– Смотри-ка, часы остановились, – говорит картатай на следующий вечер, когда все домочадцы сидят за телевизором.

Сердце Айгуль замирает: «Сейчас всё раскроется. Картатай будет ругаться, вновь вспомнит папу и вообще выгонит из дому». Картатай надевает очки и идет на кухню за стулом. Айгуль и Артур смотрят друг на друга исподлобья, будто незнакомцы.

– Так, а это что такое? – спрашивает картатай, в его руках – отломленные фигурки коней. – Это что такое, я спрашиваю?!

Айгуль и Артурка молчат.

– Сюда! Оба! – ревет пожилой мужчина. – Мы для вас стараемся, а вы, как чучка²⁹, гадите, где живёте. Кто разбил часы?

Айгуль и Артурка молчат.

– Если виновный не признается, накажу обоих. Будете дома сидеть, пока родители за вами не приедут.

– Это я.

– Ты?

---

²⁹ Свинья.

– Я это сделал, – выдает на одном дыхании Артур, – мячом нечаянно попал. Айгуль меня отговаривала играть, а я не послушался.

Айгуль смотрит на брата, она хочет признаться, но тот смотрит на нее в упор и повторяет: «Я это сделал».

– Хорошо, что сказал, – говорит картатай. – Нужно уметь брать ответственность. Это мужской поступок. Но без наказания я это не оставлю. Будешь женщинам по дому помогать.

Перед сном нэнэй вычесывает длинные черные волосы деревянным гребешком, они похожи на волны вспаханной земли, на которой она выросла, чью силу впитала.

– Нэнэй, это я часы разбила, – шепотом говорит Айгуль. – Артур сказал, что он, я его не просила.

– Я знаю, кызым³⁰. У тебя же всё на лице было написано, – нэнэй гладит по голове Айгуль, немного помолчав, продолжает: – На то они и братья, чтобы в сложную минуту прийти на помощь. А часы... Не переживай, это всего лишь часы, их в жизни каждого много бывает. А вот любовь заслужить надо. Это самая тяжелая битва. А теперь спи. Тыныч йокы³¹. Пойду посмотрю, как там Артур.

– Нэнэй, ты меня прощаешь? – Айгуль хватается за руку. – Извини, пожалуйста, я не хотела, правда-правда. Я, когда вырасту, заработаю много денег и куплю тебе самые лучшие часы в мире! И мороженое! И всё, что захочешь!

---

³⁰ Дочка.

³¹ Спокойной ночи.

– Я не злюсь, балакаем³². Обещай, что вы дома больше не будете играть, – нэнэй улыбается. – Вырастешь и купишь, а я ждать буду. Закрывай глазки, кызым.

Тихо, почти шёпотом, она затягивает песню. Её голос стирает все страхи, рисует образы полей, лесные ягоды, вот нэнэй перебегает ручейки воды в саду, парит березовыми вениками Айгуль в бане, мыло щиплет глаза, нэнэй залиvisto смеётся:

Элли-бэлли, йом күзеңне, балам,
Йокыңда чэчэкле дала.
Элли-бэлли, балам йоклап ятыр,
Таң нуры сине уятыр.
Йокла, балам, йокла³³...

Айгуль не понимает слов, они прорастают вглубь неё лесными травами и пионами. Они лежат вдвоем на кровати. Крест окна дрожит от ветра, а по стенам, рыжим от заката, разбегаются фантастические кони. Нэнэй учит Айгуль:

– Повторяй. Я тебя люблю – мин сине яратам.
– Я тебя люблю, нэнэй.

---

³² Малыш, дитя мое.

³³ Баюшки-баю, глазки закрывай, дитя мое,
Во сне твоём – цветущая степь.
Баюшки-баю, дитя мое будет спать,
Лучи рассвета утром тебя разбудят.
Спи – усни, мое дитя...

ВТОРОЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Жданова Александра Борисовича «Летний пейзаж с хачкаром»

Рассказ «Летний пейзаж с хачкаром» словно акварельный рисунок – написан тонко и лирично. Повествование охватывает два разных периода жизни главного героя – Михаила. Первый раз мы встречаемся с ним, когда он принимает участие в молодежном фестивале в Армении. Именно там молодой художник познакомился с Ниной – юной скрипачкой, которая во время совместного посещения главного для армян мемориала – Цицернакаберда – сразу уловила, насколько чутко к истории этого народа относится Михаил. Она зовет его присоединиться к поездке, в рамках которой студенты консерватории общаются со стариком-музыкантом Месропом, владеющим мастерством игры на дудуке и знакомым с секретами изготовления этого музыкального инструмента. Именно там, в горах, Нина показала ему свой любимый хачкар – каменную стелу, украшенную ажурным узором, в орнаменте которого присутствует крест: «Хачкары – это наша традиция, наша память, наша боль».

Спустя много лет, будучи уже взрослым человеком, Михаил случайно познакомился и крепко подру-

жился с Арамом, мужем Нины. Сама Нина к тому моменту трагически погибла, но память о ней в душах обоих мужчин продолжала жить. Самым ярким эпизодом во второй половине рассказа становится момент, когда Арам рассуждает о памяти. И, кажется, эти мысли очень близки самому автору. Память пронизывает жизнь человека, связывает его с ближними и дальними – с семьей и родным народом: «Мы многое должны помнить. Иначе нас не будет».

Поэтому столь важное место в тексте занимают творения, созданные одаренными людьми. Это и музыка, в чьей мелодии звучат наигранные когда-то дедушкой Месропом мотивы. И хачкар, вырезанный по просьбе Арама и похожий на тот, который так любила Нина. И пейзаж, написанный Михаилом, – с голубым звонким небом и фиолетовыми скалами. Они подпитывают воспоминания и становятся их хранителями, обретают новую жизнь благодаря слушателю и зрителю, и, словно невидимые нити, связывают людей – живых и ушедших.

Александр Борисович Жданов

ЛЕТНИЙ ПЕЙЗАЖ С ХАЧКАРОМ

1

...И ведь красавицей Нину назвать нельзя, а вот не шла из ума. А особенно её глаза – разные: правый глаз был серо-зелёным с карими крапинками, а левый почти фиолетовым. И это почему-то заставляло мужские сердца биться сильнее. А еще веки у Нины были немного припухшие, и глаза всегда поблёскивали, словно они полны слёз, словно хозяйка их либо вот-вот заплачет, либо уже отплакала. И вся она удивительно была похожа на скрипку: прямая, стройная с небольшой головой гордо посаженной на длинную шею. Поэтому, когда Михаил узнал, что Нина скрипачка, нисколько не удивился.

Нина добровольно взяла на себя роль экскурсовода. Тогда собралась группа молодых художников и музыкантов из России, приехавших на молодёжный фестиваль. Гостям предложили обычный туристический маршрут – Гарни, Эрибуни, Эчмиадзин. Свозили их и в более отдалённые места. Михаила поразила старая, полуразрушенная часовня с тремя ступеньками. К ней вела узкая тропинка, ограниченная с обеих сторон развалинами когда-то мощных стен. И вокруг только скалы, отливающие фиолетовым цветом, небо и небогатая, но яркая растительность. Зелёный, голубой и фиолетовый – всего три цвета, но как богато играли они!

Только после этого, только после того, как новые её знакомые немного прикоснулись к Армении, Нина посчитала возможным отвести гостей к главному мемо-

риалу – Цицернакаберду. И тут Михаил удивил многих. Увидев склонённые над вечным огнём двенадцать пилонов, он спросил:

– А можно, я не пойду туда?

И тут же поправился:

– Вместе со всеми не пойду. Можно мне одному?

Видя недоумение во взгляде Нины, он стал сбивчиво рассказывать. Он уже был здесь, приезжал с родителями подростком, лет пятнадцати. К мемориалу они подошли уже вечером. Темнело. Они стояли у вечного огня под нависающими плитами, мальчик поднял голову. На фоне тёмного неба плиты просматривались уже плохо, но подсвеченные снизу отблесками вечного огня, они, казалось, медленно опускаются на него. И тогда подросток понял всё – он представил себя на дне рва, в который сбрасывают тела убитых и раненых. Он почувствовал себя тем раненым, но ещё живым ребёнком, которого, возможно, тогда, в 1915 году, сбросили в ров и живьём закопали. Он испытал потрясение.

Всю эту историю он сейчас рассказал быстро, торопясь, опасаясь, что не поймут. Но его поняли. Нина несколько раз кивнула и сказала очень тихо:

– Да-да, конечно, можно. Пойдёте один.

И он пошёл, и стоял в молчании перед огнём, и вся группа терпеливо ждала его. А в отношениях с Ниной после этого что-то изменилось. Они незаметно и легко перешли на «ты», словно породнились, и, вспоминая его поведение на мемориале, Нина ещё сказала:

– Ты так почувствовал армянскую трагедию, словно сам связан кровно.

– Возможно, и связан, – ответил он. – У меня мама армянка, хотя живём мы в России.

Нина понимающе кивнула. Вечером, прощаясь со всеми у дверей гостиницы, она задержала свою руку в руке Михаила и сказала:

– Завтра у всех свободный день, нет никаких мероприятий. Мы с нашими студентами едем в одно место. Если хочешь, заедем за тобой, заодно познакомимся с моими однокурсниками. Только вставать придется рано.

Михаил согласно кивнул.

2

Наверное, Нина успела рассказать друзьям о Михаиле, о его вчерашнем поступке. Во всяком случае, когда рано утром он, плох выспавшийся, вползал в ПАЗик, его встретили не настороженными, а, скорее, заинтересованными взглядами. Перезнакомились быстро, и Михаил сел на свободное место. Он хотел было усесться рядом с Ниной, которую знал лучше других, но уловил ее предупреждающий взгляд и понял, скорее даже почувствовал: не стоит этого делать, не в местных традициях сесть рядом с девушкой, с которой познакомился только вчера и у которой, возможно, есть жених. Поэтому он разместился рядом с Эдиком, чернобородым парнем в свитере. Первым делом Эдик поинтересовался:

– Мишик-джан, почему ты только в рубашке? Куртка-свитер – что-нибудь есть? Куда мы едем, холодно будет.

– Есть-есть. Куртка, – похлопал по сумке Миша. – Нина предупредила. А куда мы едем?

– Там увидишь. Одно скажу – к дедушке Месропу едем.

Михаил откинулся на спинку неудобного автобусного сидения. Он планировал подремать в дороге, но за окном мелькали такие удивительные виды, что он достал из сумки небольшой альбомчик, карандаш, примостился, пытаясь на ходу делать наброски.

– Э, зачем не сказал, что ты художник?! Садись сюда, здесь лучше видно, – Эдик пересадил его к окну, а сам занял его место.

И это было кстати. Миша увидел то, чего не мог видеть у себя дома: в небольшой речушке разлеглись буйволы. Из воды торчали лишь их головы и спины. Птицы по-свойски садились на них, буйволы никак не реагировали на эту бесцеремонность, очевидно, считая это ниже своего достоинства, и только изредка величаво поворачивали головы, обозревая округу.

ПАЗик немилосердно трясло: не то что рисовать, усидеть было трудно, но Миша ухитрялся в перерывах между встрясками делать зарисовки. Эдик время от времени заинтересованно заглядывал в альбом.

Автобус тем временем стал подниматься по горному серпантину, и вскоре Михаил ощутил смену климатических зон и понял, насколько прав был Эдик – в салоне становилось свежее. Миша извлёк из сумки куртку и напялил её.

Автобус остановился у сложенного из камня дома. Михаил отметил, что поведение его новых друзей изменилось. Только что в пути они шутили, рассказывали анекдоты, смеялись, а тут тихо вышли и встали на почтительном от дома расстоянии.

Хозяин вышел не сразу. Он медленно приближался, опираясь на массивную, вырезанную из какого-то твёрдого дерева, палку.

– А-а, приехали, детки? – сказал он, добродушно улыбаясь. – И ты, сорванец, здесь, – обратился он уже к Эдику. Все подходили к старику, здоровались, целовали в щёку.

– Нина, детка, иди сюда. Давно тебя не видел, – хозяин был рад каждому. Когда Нина подошла к нему, он тихо спросил, кивая на Мишу:

– Это кто?

– Наш новый друг. Художник. Дедушка Месроп, он хочет вас нарисовать.

– Э! Я кто? Министр? Или знаменитость? Зачем меня рисовать?! – сказал он, сохраняя равнодушие, но чувствовалось, что ему это приятно.

Обрывки фраз долетали до Михаила. Хозяин разговаривал с гостями по-армянски. Вообще-то Михаил считал, что он знает армянский. И мать, и бабушка часто разговаривали с ним, но то был другой язык. Сейчас же он почти не ничего понимал. Нина пришла на выручку:

– Не переживай, я буду твоим переводчиком. Кстати, я сказала, что ты нарисуешь дедушку. Сумеешь?

– Конечно.

Постепенно ему стала понятна сущность всей этой поездки. В группе были студенты консерватории, в основном композиторского и музыковедческого отделений. И поездка была своего рода фольклорной экспедицией. Дедушка Месроп был виртуозом игры на дудуке и мастером, который эти дудуки делает. Будущие композиторы и музыковеды надеялись записать его игру на магнитофон, поговорить с ним. Но брать инструмент в

руки хозяин не спешил. Для начала он подозвал двух парней.

– Эдик и ты, Вагик, приблизьтесь. Знаете, что надо делать? – сказал он, протягивая им удочки. Те понимающе кивнули и побежали к горной речке

– Девочки, – поманил он пальцем девушек, – помогайте моей Ануш. Стол накрыть надо.

Вскоре он раздал поручения всем, кроме Михаила.

– А ты ещё первый раз, ещё ничего здесь не знаешь. Пока походи, посмотри, – всё это он сказал по-русски.

Миша пошёл вглубь двора, надеясь найти какой-нибудь интересный мотив. Сзади подошла Нина:

– У нас есть минут двадцать. Пойдём, кое-что покажу.

Некоторое время они молча поднимались по каменистой тропинке, пока не вышли на небольшое плато, даже холмик, напоминающий перевёрнутую миску с плоским дном. С непривычки Миша тяжело дышал, но сверху открылся такой изумительный вид, что он уже собрался делать зарисовки, но Нина остановила его:

– Нет-нет, я не это хотела показать. Вот смотри.

Она подошла к вертикально стоящему прямоугольному камню, сплошь украшенному изысканной резьбой, но в тончайшей этой вязи легко угадывалось изображение креста. Нина встала рядом с ним.

– Мой любимый, – очень тихо сказала она, осторожно прикасаясь к камню. – Мой любимый хачкар. Хачкары – это наша традиция, наша память, наша боль. В Армении многое – боль. Если хочешь понять Армению, ты должен понять хачкары.

Нина отошла, давая возможность Михаилу увидеть и почувствовать. Ей очень хотелось, чтобы он понял, что именно можно и нужно почувствовать. А Михаила пока больше занимало другое: голубое небо, как и прежде, уходящие вдаль фиолетовые скалы и Нина. Он снова подумал, что Нина очень похожа на скрипку.

– Ну, ладно, – вдруг сказала она, – нам пора, мы слишком надолго уединились Неудобно.

***

Во двор дедушки Месропа они с Ниной подросли вовремя: подготовка к застолью была в полном разгаре. Парни жарили шашлык и форель, пойманную Эдиком и Ваганом, девушки раскладывали на столе помидоры, зелень, хлеб-матнакаш, абрикосы. Сам Месроп сидел в стороне и наблюдал за происходящим, как режиссёр на съёмочной площадке. Миша пристроился неподалёку и делал быстрые зарисовки. На одной он изобразил дедушку Месропа за столом. Из-за плеча заглянул Эдик.

– Рисуешь? А это что, – ткнул он пальцем в набросок.

– Гранаты. Хочу на столе гранаты нарисовать. Колоритный старик – колоритные плоды.

Эдик слегка замялся:

– Колорит – да. Гранаты красивые. Но они больше не для нас, а для наших соседей. Армянский плод – тигран, абрикос. У нас даже дудук делают из абрикосовых черенков. Ты слышал дудук?

– Нет, – честно признался Михаил.

– Завидую тебе. Ты сейчас впервые услышишь, ты откроешь для себя чудо.

А потом было застолье. Немного не таким представлял его себе Михаил по фильмам и книгам. Здесь

веселье перемежалось грустью и тоской, а тосты о предках – редкими песнями. Но и песни большей частью были грустными.

А потом хозяин дома извлёк из кожаного футляра дудук, бережно протёр его бархатным лоскутком, осторожно продул и заиграл. И только теперь, слушая эту мелодию, которая вливалась в него не через слух, а сверху, Михаил, как ему показалось, догадался, что имела в виду Нина у хачкара. И другие слова её вспомнил: «Мы можем казаться обидчивыми, высокомерными, спесивыми, но, поверь, это всё внешнее. Слишком часто нам приходилось скрывать свои мысли и чувства».

В гостинице он успел сделать две работы тушью. Обе протянул Нине при расставании, когда участники фестиваля разъезжались. Нина посмотрела на одну, вытянула руку вперёд, ещё раз посмотрела.

– Это дедушка Месроп? Как хорошо ты его нарисовал. Я передам. Ему будет приятно.

Она взяла в руки второй лист. Посмотрела на рисунок, затем на Мишу, потом снова на рисунок.

– Это ты, – Миша почувствовал, что во рту у него пересохло.

– Догадалась. То ли я, то ли скрипка. Оригинально. Но, Миша, так не пойдёт. Я прошу тебя не влюбляться.

– А что, заметно?

– Немного. Вот и прошу не влюбляться. К тому же у меня есть парень, даже жених. Он тоже должен был ехать с нами, но простудился – купался в Севане. А портрет мне нравится. Я заберу его, можно?

– Он твой.

Арам позвонил внезапно:

– Приезжай. Ашот мне барана проспорил. Шашлык сделаем, посидим, поговорим... Давай, приезжай.

Приглашение ломало все планы Михаила Аркадьевича, и он попытался отшутиться:

– Баран? Зачем тебе баран? У тебя самого целая отара. Для тебя такой выигрыш не повод...

Но Арам перебил:

– Тут дело принципа. Проспорил – пусть привозит. А ты что – приехать не хочешь? – Михаил уловил в голосе друга зарождающуюся обиду. – Не так часто видимся.

– Нет-нет, о чём ты говоришь? Конечно, приеду, – поспешил заверить его Михаил. В конце концов, не такие уж срочные у него дела, а виделись они с Арамом и его друзьями, действительно нечасто, хотя жили в каких-нибудь двадцати километрах друг от друга.

Однако прийти с пустыми руками было нельзя. Михаил Аркадьевич давно знал: каким бы широким и гостеприимным ни было любое закавказское застолье, заявляться без чего-нибудь к столу считалось неприличным. В другой ситуации он, наверное, долго размышлял бы, что именно взять, с чем не стыдно будет прийти. Лучше всего принести бутылку спиртного. Можно, конечно, взять к армянскому столу вина и ли коньяк, но несколько лет назад, когда Михаил познакомился с Арамом и его друзьями, его просветил Ашот, тот самый, что проспорил барана.

– Ты когда-нибудь обращал внимание, как ведут себя наши армяне в ресторане? – спросил он тогда. – Будут долго обсуждать меню, громко читать названия

блюды, причём, с особенной значимостью прочтут какое-нибудь экзотическое название. А потом дружно сойдутся на привычном: закажут шашлык, много зелени и водку.

Поэтому, бросив на заднее сидение своего автомобиля бутылку водки, Михаил спокойно поехал к Араму. Он ехал хорошо знакомой дорогой, обозревал окрестности и вспоминал, как здесь, на одном из этих холмов, он с Арамом и познакомился.

Лет десять назад это было. Михаил писал этюд и вдруг услышал за спиной голос. Человек говорил по телефону. До Михаила долетали даже не слова, а тембр голоса, интонация, но он всё понял и, когда человек, подойдя, поздоровался, Михаил неожиданного для самого себя ответил:

– Барев.¹

Он совсем не удивился, встретив в российской провинции армянина. После внезапного и вынужденного переселения народов, начавшегося в девяностые годы, то здесь, то там в России появлялись национальные диаспоры. Не удивился, похоже, и незнакомец.

– Знаешь язык? Откуда сам? – спросил он по-армянски.

Михаилу пришлось отвечать по-русски, мол, самто он из России, только вот мама была армянкой, потому и язык знает, но немного. Незнакомец протянул руку:

– Арам Аркадьевич. Но можно просто Арам. Ведь мы, похоже, ровесники.

---

¹ Барев – здравствуй (*арм.*)

– Правда? – улыбаясь, протянул руку и Михаил. – Я тоже Аркадьевич. Но можно Миша.

– Договорились. А, знаешь? Давай пошли со мной. С друзьями познакомлю. Дорисуешь потом.

И, не дав Михаилу опомниться, стал помогать ему собрать этюдник, краски...

В этот же день произошло то, что, наверное, и сблизило их окончательно. Арам пригласил нового знакомого в дом. Со вкусом обставленная комната, на стенах гравюры. Внезапно Михаил остановился перед графическим портретом тушью – то ли девушка, то ли скрипка. Такого быть не могло: портрет, нарисованный им в молодости, вдруг встретил его.

– Что ты так смотришь? – услышал он голос Арама.

– Нина...

Арам заметно помрачнел:

– Откуда ты её знаешь?

– Познакомились на молодёжном фестивале. С ней и со студентами консерватории. Мы еще к одному замечательному старику заезжали.

– Месропу?

– Месропу.

– Значит, ты тот самый художник? А Нина моя жена. Я тоже должен был поехать с вами, но простудился.

– А как Нина? Где она?

Арам не ответил и перевёл разговор на другую тему.

Гораздо позже всё объяснил Михаилу Ашот, но при этом предупредил:

– Только ты не показывай ему вид, что знаешь, и не говори, что это я тебе сказал.

Из рассказа Ашота следовало, что Нина погибла. Тогда боевые стычки не прекращались. Никто не знал, почему Нина оказалась в приграничном районе, кажется к родственникам приехала. Она гуляла, и вдруг... Взрыв услышали в деревне все. Прибежали на место. Но что тут можно было сделать? Скорее всего, это была мина, причём, неизвестно, своя или чужая. Арам тогда был в Ереване, когда приехал, гроб был уже закрыт – открывать не стали. Похоронив Нину, Арам перебрался в Россию. Здесь занялся тем, что до него никто не делал: он стал разводить овец.

***

У двора Арама Михаил приостановил автомобиль и посигналил. Всё было почти готово: стол накрыт, от мангала идёт ароматный дым. Ашот открыл ворота, Михаил въехал, поставил машину под навес.

– А-а-а! Здравствуй, брат, – Ашот широко улыбался.

– Здравствуй, Ашот-джан. Вот держи, – Михаил протянул ему бутылку.

– Это что? Водка? Э, зачем?! Смотри: в холодильнике полно! – воскликнул он, но бутылку забрал и отнёс в тот самый полный холодильник.

Все словно ждали именно Михаила, и быстро расселись за столом. Последним подошёл Арам, принёс ещё один стул, поставил рядом со своим. На этот стул никто не сел. Все понимали: это стул Нины.

Обычная неловкость начала любого застолья быстро прошла, и всё потекло так, как и должно было быть. Поднимали тосты, выпивали, аппетитно закусывали.

вали, говорили, смеялись. А Михаил, по обыкновению наблюдал.

Армянская речь – хороший индикатор образованности, интеллигентности и культуры. Она может звучать грубо, отрывисто, гортанно; говорящий может искажать слова настолько, что звучат они пошло. И такую речь не раз слышал Михаил в детстве. Но, чем образованнее, утончённее человек, тем речь его мягче, плавней, тембр голоса становится бархатным, а гортанность превращается в округлость. Так именно разговаривал Арам. При этом он умеренно жестикулировал. И эти жесты тоже были изящны.

Михаил смотрел на его длинные тонкие пальцы – пальцы музыканта, художника, во всяком случае, человека, не занимающегося тяжёлым физическим трудом. Михаил помнил, как он был поражён, узнав, что Арам разводит овец, и сказал о своём изумлении Араму.

– А кому нужен сегодня музыковед?! – с горечью ответил тот. – Кому сегодня нужны все мои изыскания в области музыки для духовых народных инструментов?! За такие исследования сегодня не только платить не будут, их читать никто не будет. Вот если бы я вывел на сцену голых девок и каждой дал бы в руки дудук, тут заинтересовались бы. Ты же сам всё понимаешь.

Потом Арам улыбнулся и сказал:

– Но ты сильно не переживай. Сам я руками ничего не делаю. Я просто сумел организовать дело. Сейчас у нас хорошая ферма. Мы регулярно продаём шерсть и мясо. И я тебе скажу: люди здесь замечательные. Нам хорошо приняли, нам никто не мешает, никто не попытался устроить пожар на ферме, люди работают у нас.

Нас понимают. И мы с тобой друг друга понимаем. Не можем не понимать.

И тут Арам привёл неожиданный довод:

– Мы оба Аркадьевичи. наших отцов звали одним именем, значит, мы должны хорошо понимать друг друга.

Это было десять лет назад.

А сейчас Михаил смотрел на Ашота, на его друзей, видел, как многое изменилось за эти годы. Ашот, как всегда, плохо брит, а щетина на лице стала совсем седой, а морщины на лбу и щеках ещё глубже. У Арама в растительности – аристократическая разномастность. Совершенно седая – в голубизну – голова, а усы и борода пёстрые, почти чёрные, с небольшими вкраплениями седины. Изменились и двор, и дом. Дом стал добротнее, во дворе больше построек всё каменное, качественное, не сиюминутное. Там дальше, в стороне от двора сама ферма, дела идут неплохо. неизменным осталось одно – вечная тоска во взгляде Арама.

Размышления Михаила прервал автомобильный сигнал. Племянник Ашота специально приехал за подвыпившими гостями Арама. Вскоре все уехали, а Михаил остался. Выпил он немного, но решил не рисковать и не садиться за руль, тем более, что Арам сам предложил ему остаться до утра.

Они сидели за опустевшим неприбранным столом, Арам сосредоточенно курил, а потом заговорил, будто продолжил прерванный разговор:

– Есть по-армянски слово такое. Хорошее слово. Для армянина, наверное, самое главное – хишатак, память. Мы многое должны помнить. Иначе нас не будет. Вот смотри: во всей Армении населения в несколько раз

меньше, чем в одной Москве, а в самой стране армян меньше, чем по всему миру. Пока у нас есть память, мы связаны друг с другом. Поэтому мы так много говорим о предках, о столетнем нашем горе, поэтому мы можем ставить перед столом стулья, на которые никто не сядет. Всё это хишатак.

Михаил невольно взглянул на пустой стул – стул Нины, Арам перехватил взгляд:

– Хочешь спросить, почему я перебрался сюда, почему не остался, не мстил за Нину?

– Не хочу. Христианин не должен мстить

– При чём тут христианство? Хотя я человек верующий. Я не видел её мёртвой. Я даже не видел, что было в гробу. Гроб был закрыт, заколочен – у нас так не принято, но я пошёл на это. А раз нарушил один адат, почему бы не нарушить другой. Ты пойми, мстить можно за убитого, а Нина живая для меня.

Арам докурил сигарету. Притушил её в пепельнице и шумно поднялся:

– Пойдём – покажу.

За домом на небольшом возвышении Михаил Аркадьевич увидел вертикально стоящий серый камень, украшенный резным узором. Он сразу узнал этот камень.

– Это же хачкар Нины! – воскликнул он. – Как ты его перевёз?

– Это Ашот. Он сделал по фотографии точную копию. Знаешь, какой он хороший каменщик?! Это сейчас он вынужден просто строить, а на самом деле он каменщик-реставратор. Но кому это сейчас надо?! Хорошо, что хоть иногда бывает у него настоящая работа. Когда в областном центре диаспора ставила церковь,

его пригласили, или вот этот хачкар. А как ему тяжело было работать. Камни здесь не такие, как у нас. Здесь очень твёрдые, почти гранит, но Ашот справился.

Арам обошёл камень погладил его рукой.

– Подожди немного. Я сейчас, – вдруг сказал он и быстрым шагом пошёл к дому.

Очень быстро он вернулся с продолговатым футляром. Он извлек из него скрипку и стал осторожно настраивать.

– Не знал, что ты играешь, – удивился Михаил. – Ты никогда не говорил.

– Повода не было. Конечно, играю. Это я в консерватории учился на теоретическом отделении, а училище я по классу скрипки окончил. Но это особенная скрипка – скрипка Нины. Всё, что у меня от неё осталось, портрет, который ты нарисовал, этот хачкар и скрипка. И хишатак.

Арам заиграл. Это было переложение нескольких народных мелодий, сродни тем, что тридцать лет назад играл студентам дедушка Месроп.

Михаил Аркадьевич слушал игру друга и уже точно знал, что он сделает, когда приедет домой. Дома он достанет из чуланчика, где стоят готовые работы, небольшой старый-старый холст, который он никогда не показывал на выставках, но с которым никогда бы не расстался. Он поставит этот действительно небольшой холст на стул и будет долго смотреть на пейзаж. Он снова увидит звонкое голубое небо, уходящие вдаль фиолетовые скалы, увидит небольшую возвышенность, похожую на перевернутую миску, увидит хачкар, а рядом с хачкаром – фигурку девушки. Девушка удивительно похожа на скрипку.

ТРЕТЬЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Эйснера Владимира Ивановича «Открытый огонь»

Автор рассказа «Открытый огонь» с самого начала подсказывает нам, как будет развиваться сюжет: в эпиграф вынесена цитата из известного произведения О. Генри «Дары волхвов». Вот только действие будет разворачиваться на Таймыре, а молодые супруги – Ястай и Сардана – живут не в мегаполисе, а в небольшом поселке. Однако весной они обычно перебираются из благоустроенной квартиры в чум, древнее жилище северного кочевого народа.

Приближается большой праздник – День оленевода. Он всегда сопровождается соревнованием на снегоходах, а у машины Ястайя пришла в негодность гусеница. Конечно, любящая жена не могла допустить, чтоб супруг рисковал и ехал на кое-как подлатанной резине. Тогда она и решает продать печку-буржуйку соседу по поселку – Ыгыргыну.

Но сердце чума – очаг – будет биться и гореть. Просто согреть любящих будет живой, настоящий, жаркий огонь. И этим мотивом тепла пронизан весь рассказ. Оно исходит не только от разведенного Сарданой огня, но и от людей. Снегоход и буржуйка были пода-

рены дедом Сарданы, купивший печку Ыгыргын готов вернуть ее по первой просьбе, а вернувшийся с подарком Ястайий насыпает оленям соли – «пусть им тоже будет праздник».

Как уже догадался проницательный читатель, Ястайий продал снегоход, чтобы на вырученные деньги купить то, о чем давно мечтала его жена.

И такая жертвенность героев обязательно будет вознаграждена: автор дает понять читателю, что впереди их ожидает чудо. И пусть привычный антураж святочного рассказа в этом произведении отсутствует, ведь действие происходит весной, однако остается главное – ощущение приближающегося волшебства и зримое торжество тепла и настоящей любви.

Владимир Иванович Эйсер

ОТКРЫТЫЙ ОГОНЬ

«Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им».

(О. Генри «Дары волхвов»)

Сардана вогнула палки в снег, отвязала лыжи и немного постояла у входа в чум, шевеля горячими от быстрой ходьбы пальцами. С чего начать? С печки или с камней очага?

Сама мысль о том, что ей, хозяйке, придётся убрать из чума его сердце, печку, показалась кощунственной. Тяжело вздохнув, прошла к тыльной стороне жилища и стала копать снег. Очистив восемь крупных, овальных камней, откинула полог, шагнула внутрь и прижмурила глаза, привыкая к полумраку, после ослепительного блеска апрельских снегов.

Посредине чума, стояла печка-буржуйка на специальных коротких ножках, чтобы грела воздух снизу, чтобы не жечь зря дрова.

Благородным цветом старого олова отливали её бока и верхняя площадка, на которой свободно умещались кастрюля, сковородка и чайник.

Ни горелого бока, ни пятнышка ржавчины, как бывает у жестяных буржоек. Да и быть не могло: печка была сварена из листов жаростойкой нержавеющей ста-

ли, имела прекрасную теплоотдачу, не давала пятен окалины и блестела как новая!

Добрый мастер приварил внутри пластину-отсекатель пламени, а в трубу вставил заслонку. Так можно регулировать тягу, экономя дрова, а кто жил в тундре, где нет леса, знает цену и щепочке. Не печка – чудо! Предмет зависти всех оленеводов окрестной тундры.

С тяжёлым вздохом Сардана вынесла своё сокровище «ногами вперёд» на улицу и взялась за лопату, чтобы выкопать ямку для очага.

Ну, а мы глянем окрест и объясним читателю, что, собственно, происходит.

С невысокого холма, где стоит чум, далеко видно белую ленту реки Мурутамы, рассеянные по широкой долине редкие деревца лесотундры, горстку остроконечных чумов на низком левом её берегу и посёлок домов на тридцать на крутом правом.

На заснеженном русле, мельтешат человеческие фигурки. Там ставят палатки, размечают дистанции гонок, там, на загодя замороженном в лёд высоком столбе, укреплены новенькие бокари, высокие, до паха, сапоги из оленьего камуса¹, награда тому, кто завтра сможет забраться на этот столб и снять их.

Завтра – День оленевода.

Девушки и женщины выложат на длинных столах, людям на погляд, жюри на оценку, своё рукоделье: одежду и обувь из оленьих шкур со вставками из меха

---

¹ Камус – шкура, снятая с ног оленя. Очень крепкая и стойкая на износ.

песца, волка и росوماхи, искусно вышитые бисером унтайки², пояса, рукавицы и шапки.

Молодые мужчины станут состязаться в силе и ловкости: в борьбе, в беге, в прыжках через нарты, в метании маута³ на шест, в бросании топорика на дальность, в гонке на оленьих упряжках и в гонке на снегоходах. В этот день парни высматривают себе невест, а девушки поглядывают на парней. В этот день принято жечь костры и обмениваться подарками.

Старый чум Бульчу, деда Сарданы, в котором сейчас живут молодожёны, уже лет десять как не разбирали и не переносили на новое место. Вся семья перешла жить в посёлок, где в домах центральное отопление и отпадает забота о топливе.

Всю зиму древнее жилище кочевников пустовало. Сардана и Ястапий уходили туда жить лишь весной, ко времени отёла оленей, чтобы защитить телят и важенок от волков.

Два года назад Бульчу нашёл под речным обрывом бурного, часто меняющего русло, ручья Фа-Бигай, труп странного животного, вымытый сильным течением из вечной мерзлоты, и сообщил об этом начальству.

Вскоре вертолёт привёз представителей международной экспедиции «Mammuthus». Трое рослых, крепких мужчин погрузили мумию небольшого мамонтёнка в вертолёт, руководитель «испедиции» щедро заплатил Бульчу и призвал оленеводов внимательно осматривать места их кочевий на предмет важных для науки, находок.

---

² Унтайки – сапожки из камуса, богато изукрашенные вышивкой бисером.

³ Маут – аркан из оленьей кожи.

На вырученные деньги патриарх семьи купил подарки для молодых: Ястapiю – снегоход, Сардана – «вечную» печку.

Надо ли говорить, что этим же летом местные жители тщательно обследовали берега окрестных водоёмов, а проворные мальчишки обшарили даже каменистые осыпи Оленьего хребта, хотя на картинках мамонты были изображены крупными слонами, а не горными козлами.

Пожилые люди говорят, что мамонты – это такие большие земляные крысы, которым создатель всего сущего, Нилыта-Нуо, определил жить в земле и рыть в ней «рогами» ходы, чтобы и корни растений могли наслаждаться свежим воздухом и весенним дыханием трав.

Если же такая крыса нечаянно прокопает ход до речного обрыва (что бывает крайне редко) и высунет голову наружу, – тут же и погибает. Привыкшая жить в темноте, не выносит она яркого света.

Прошло два года. Краска на снегоходе облупилась, капот помялся, ветровое стекло лопнуло и Ястapiй скрепил его медными скобами. Но больше всего пострадала гусеница: потрескалась от морозов «морозостойкая» резина и разлохматилась по краям, а на днях изношенная чёрная лента и вовсе порвалась.

Со слезами на глазах смотрела Сардана, как Ястapiй, не поднимая глаз на жену, сшивает гусеницу капроновой бечёвкой.

Завтра день оленевода. А всё ещё нет у неё подарка для мужа. Ястapiй всегда один из первых в гонке на снегоходах, но выдержит ли старая зашитая гусеница бешеной скорости и ударной нагрузки во время прыжков на сугробах?

Установив камни в земляной ямке в таком порядке, как помнила с детства, хозяйка чума торопливо встала на лыжи – пора в посёлок!

Резчик по мамонтовой кости, бывший матрос рыболовного сейнера с побережья Восточного океана, на Таймыре оказался неведомо как, но быстро обзавёлся якорем в виде многодетной семьи. Носил он звучное имя Ыгыргын, но откликался и на Ыы.

Дверь в его мастерскую представляла собой раму из стволиков лиственницы обтянутую оленьей шкурой. Дверными петлями служили голенища от старых валенок, а ручкой верёвочка. Покрутив её в руках, Сардана постучала лыжами друг о друга.

– Открыто! – сообщил «восточный человек».

В помещении жарко пылал очаг, Сардана, поздоровалась, сдёрнула пришитые к рукавам рукавицы и присела на корточки у огня.

Ей вовсе не было холодно, но как, увидев огонь, не протянуть к нему руки, как не попросить помощи у Худуо Хонке, духа огня, всегдашнего помощника человека?

«Добрый дух, жаркий Дух, Дух радости и домашнего очага! О, ты, согревающий жилища и сердца человеческие! Сделай же так, чтобы не рассердился на меня муж мой, Ястайий, чтобы понял и простил!»

– Дорогой Ыы, ты хотел печку – забирай.

Ыгыргын глянул гостье в лицо, отложил в сторону оленью фигурку, над которой работал, и тоже присел у огня.

– Муж знает?

– Нет, но сердиться не будет. Так моё сердце говорит. У нас есть дедушкин очаг. Вот как твой.

- Сколько?
- Не знаю. Надо... Надо чтоб хватило на гусеницу.
- Согласен. Пойдём купим и я отвезу тебя на своем снегоходе.

Когда подъехали к чуму, Ыгыргын занёс покупку внутрь, убедился, что над очагом свешивается котёл на цепи, а рядом стоит низенький столик. – Соседка! Открытый огонь – это лучше, чем печка, это у нас, тундровиков, в крови, это радость!

– Зачем же печку купил? – Жена. Её не переговоришь, не перескороговоришь, не перевыскороговоришь!

Сардана рассмеялась:

– От детей нахватался?

– Ну. Придут со школы и стрекочут, кто быстрее. Хошь не хошь заразишься! – резчик по кости шмыгнул носом и скуластое лицо его вмиг превратилось в озорную мальчишескую рожицу.

Хозяйка чума облегчённо вздохнула: напряжение отпустило её. Недаром олениводы говорят: Ыы – белый шаман, однако!

– Запомни, соседка: если вдруг что – я печку верну!

Не ответила, лишь крепко пожала мастеру руку. Как только уехал, разожгла огонь.

Пламя нагрело камни. Дым, сначала стелившийся понизу, быстро отыскал путь наружу. Хозяйка нарубила оленины и положила в котёл над костром. Упала на оленинью шкуру у очага, раскинула руки в стороны, как делала в детстве, и стала смотреть на дымовое отверстие, зияющее ярким пятном в центре перекрестия жердей.

Когда догорали дрова, бабушка Нагэ, помещала на угли крепкую корягу или листовенничный пень, они горят медленно, дают мало дыма, но держат жар.

В чуме воцарялся волшебный красноватый полумрак, а через дымовое отверстие, подмигивали звёзды. Самое время для сказок и таинственных историй. И вспомнила внучка сказку бабушки Нагэ.

«Вначале не было звёздочек, а был просто синий купол, как бывает в «городских» палатках. И была война в небе: создатель Вселенной, Нилыта-Нуо с войском добрых сил, сражался с Харгы, духом зла, и войском его. Пускали стрелы, бросали копья и пробили полог неба во многих местах. Сквозь дырки стало видно ТОТ СВЕТ, ведь там, куда уходят наши души, всегда светло и нет ночи, как у нас, на земле.

Победив врагов, Нилыта-Нуо встал на лыжи и прогнал их остатки за горизонт. С тех пор светлая полоса на небе так и называется: Лыжня Бога. И когда смотрят люди на звёзды, вспоминают о величии Нилыта-Нуо, Хозяина Вселенной».

И, наверное, заснула Сардана, потому что услышала вдруг скрип шагов и хорканье оленей, а такого быть не могло: Ястапий всегда приезжал на обед на бодро рычащем снегоходе. Хозяйка едва успела положить гибкое колесо гусеницы на видное место, как вошёл хозяин.

Сказать, что у Ястапия вытянулось лицо – ничего не сказать. Глядя на очаг, мужчина застыл у входа, затем медленно повернулся к жене:

– А где... Тут же печка стояла...

– Я продала, чтобы купить тебе подарок. Глянь туда! Новенькая! Резиной пахнет! Я помогу тебе установить её и, может быть, ты завтра будешь первым!

– Так-так, значит печки нет? А я...

– Ястай! Мы заработаем на рыбалке и отложим немножко. Продадим с десятков оленей. После паводка поедем смотреть Фа-Бигай. Может, найдём мёрзлого мамонта или красивые «рога» и купим новую печку, а пока хватит и очага. Очаг – это радость. Мы оба выросли у открытого огня. Вспомни детство, Ястай!

Мужчина, улыбнулся. Помял, поднял, потряс гусеницу.

– Хороша! Жаль, поменять не получится. Пойдёмка!

На широких нартах лежала квадратная картонная коробка и ещё одна плоская, длинная.

А где же снегоход? Почему муж приехал на оленях? Но Ястай сделал вид, что не заметил вопроса в глазах жены. Сняв груз, он молча протянул ей нож, распряг оленей и насыпал им в нарты немного солёной сороги. Животные стали с жадностью грызть мёрзлую рыбу. Соль – лакомство для оленей. Пусть им тоже будет праздник.

Сардана разрешила перевязки на самой большой картонке и не могла сдержать возгласа восхищения: перед ней был «титановый уголок»: три невысоких посудных шкафчика на крепких ножках отливали мягким серым цветом выпавшего на закате снега. В среднем шкафчике оказался плотный прозрачный пакет: ложки-плошки-поварёшки и прочая кухонная мелочь.

Во второй картонке был набор походных кастрюль «пять в одной». Объёмом от литра до пяти, все они

умещались в большую, наружную, крышка которой служила сковородкой.

Те самые кастрюли, которые видела Сардана в хозмаге осенью в городе: титановые, с двойными стенками и толстым доньшком, в таких сосудах пища готовится быстро и не пригорает.

Мысленно хозяйка примерила их к печке: в маленькой соус, в средней каша, в большой суп. Но титан... И двойные стенки... Это безумно дорого! Даже вспомнить страшно сумму, что была написана на ценнике в магазине.

Откуда у него такие деньги? Куда «коня» подевал? И почему повернулся спиной и переминается с ноги на ногу?

Неожиданная догадка перехватила дыхание и защипало в глазах. Но северянки редко плачут. Тронула мужа за рукав

– Ястай, ты...

– Да. Продал. Буровики взяли. Мотор и ходовая ещё хорошие, а гусеница... на одну их зарплату можно три купить.

Молодожёны долго смотрели друг другу в глаза. Совсем так, как смотрели, когда только начинали дружить. Затем оленивод обнял жёнушку и прижал её к себе.

Обычно в таких случаях посторонним попадает соринка в глаз. Так было и здесь, а когда удалось её удалить, оказалось что Ястай и Сардана уже сидят у очага и перед ними, в деревянном блюде, дымятся куски ароматной оленьей грудинки.

Открытый огонь бросает блики на молодые счастливые лица и рисует тени предков на стенках чума.

Очаг весело стреляет угольками. Это хороший знак: гости едут. Да и как не быть гостям в День оленевода?

Остаётся лишь поведать читателю, что великий Нильта-Нуо как раз в тот день (и совершенно случайно) пролетал над чумом деда Бульчу и заметил в нём молодую пару. Обрадовался огню их сердец, вслушался в разговор и спросил у служебного духа:

– А скажи-ка, мой верный слуга, какой нынче прогноз по мамонтам? Служка глянул в свой талмуд:

– Есть ещё один на ручье Фа-Бигай. Но далековато от берега. А большое половодье по плану лишь через пять лет.

– Усилить снегопады! Да поднимутся воды, да изменится русло и лохматый слон покажет свой бок уже в гусином месяце этого года!

Вот и вся история об открытом огне и титановом уголке.

**СПЕЦИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ
«ЗА ПОЭТИЧНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ
ТРАДИЦИЙ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ»**

Федоркова Дарья Алексеевна

СКАЗКИ СЕВЕРА

Север – край далекий, суровый, с долгой снежной зимой, бескрайней тайгой и тундрой, с болотами, полными морошки, с полянами мелких луговых цветов. Красота у Севера своя, неброская. Описать словами ее невозможно. Вот солнце в мороз утром красное встанет и на несколько минут даст отсвет на все вокруг чудесный – это видеть надо. Или летом день всю ночь длится, темнота не настает, и душа поет по ночам – такое почувствовать только можно, слова тут не годятся.

Народ на Севере своенравный: ушел он в эти места в давние времена. Кто спрятался от царской воли, кто оберегал свою веру, кто лучшую долю искал в необжитых местах, богатых рыбой и дичью. И потому готов терпеть северный человек непростую свою судьбину, лютые холода да скудные урожаи. Только, чтоб его не трогал никто и указов, как жить, не давал. Народ упрямый, своевольный, но и на выручку прийти всегда готовый. Сердцем открытый. А уж если душа северного человека развернется, то удержу не знает!

Про утицу не живую, но плавающую

Жизнь на Севере испокон веков связана с лесом. Дерево считается главным материалом. Избы, повозки, колодцы, лодки, домашний инструмент – много чего из дерева делается. Оно и крышу над головой дает, и тепло в дом приносит.

Умельцы-резчики, которые из любой чурки удивительную вещь сделают, в каждой деревне имелись. И избу украсят орнаментом, пусть скромным, но добротным, и деревянную игрушку вырежут для мальчика, и утицу из капа смастерят. Кап для домашней утвари особенно хорош, поэтому используют его часто. Найти этот нарост на дереве в лесу сложно, обработать плотный материал – еще труднее, зато миски и солоницы, кружки и ковши выходят – загляденье! В несколько раз отшлифованные, гладкие, теплые, с узором, плавно растекающимся, маслом пропитанные для особого, мягкого блеску. Красота, одним словом!

Мастер Михайло с капом чудеса творил! Его утицы не то что на губернаторском, на царском столе стояли с соленьями да вареньями! К работе резчик подходил основательно. Долго ходил по лесам, искал подходящий кап, долго присматривался к наросту: какую форму имеет, на что похож, какую утварью станет, какого зверя отобразит. За зверьми Михайло в лесу наблюдал: изучал повадки и движения, выбирал позу точную и выразительную. Только потом приступал к работе.

В один из походов в лес случилась с Михайлой удивительная вещь: набрел он на огромную пушистую березу, у разветвления корней которой вырос крупнейший кап. Высотой с баню! Мастер глазам своим не поверил, что в природе такое может быть! Выходит, может. Ходил вокруг да около, примерялся. Как такую

машину в деревню доставить? Что сделать из нее интересного? Думал-думал, да и придумал! Ждать пришлось, правда, до зимы, пока снег не выпал!

А до этого времени Михайло соорудил волокуши, прочные, широкие. Как снег лег на землю плотно, Михайло собрал мужиков и отправился с ними в лес. Полдня только отпиливали кап от дерева, потом свалили его на волокуши и потащили по снегу в деревню. Работал Михайло до весны, на другие заказы не отвлекался.

А весной, как река вскрылась, а берег от снега избавился, спустил Михайло на воду утицу размером с добрую лодку. Ребяшня со всей деревни сбегалась на чудо такое посмотреть! Утица ладная, легкая и гладкая, на солнце медовым цветом отливает, по воде идет бегло. Все лето детвора на ней по реке каталась, удержу не зная. Так и вышло: мастеру – хвала и почет, а ребятишкам – забава!

Про бересту, что от боли спасает

Северный человек на выдумку горазд! Любому природному материалу применение найдет! Вот, казалось бы, береста – для чего пригодна? Только огонь разводить? Не тут-то было! Идет она и в строительство, и в сапожное дело, рыболовные снасти из нее делают и женские головные уборы. Да и много для чего еще береста пригождается! В кудах – небольших плетеных корзинах – женщины хранят украшения и разные рукодельные вещи. Туеса заполняют крупой и мукой или наливают в них квас, пиво, молоко. Ягоды и грибы собирают в пестери: большие и маленькие или заплечные. Или вот еще удивительная берестяная вещь для хозяйства: бутыль-горлатка, в которой любой напиток долго сохраняет прохладу и свежесть. Но не только этим сла-

вится береста, есть у нее еще одно необычайное свойство!

Головная боль – самая привязчивая. Как вцепится, не отпускает. Женщины на селе порою страдали от нее, лежали хворые по домам, мучились. Пока не открылся секрет: любой головной убор из бересты снимает головную боль! Наплели женщины себе целебных ободков, разными узорами их украсили: и красиво, и полезно! Всю головную боль свою спрятали в берестяные пестери, крышками закрыли, глиной для верности обмазали и унесли в глухой лес, спрятали под деревьями, чтобы ни одна живая душа не нашла. А про головные боли забыли совсем, как будто их и не было! Вот какой чудесный материал – береста!

Про половики домотканые

Северный народ вполсилы делать ничего не умеет, все с размахом у него выходит. Решили на праздник кашу варить – варят в огромном котле, вся деревня ест неделю. Рыбный пирог пекут – кулебяку – семь столов в ряд ставят, чтобы поместился. И всякое дело так: с песнями, шутками, на широкую ногу!

Собрались женщины тканые половики делать. Северные половики – узкие и длинные, ткут цветные полоски рядами, выходит, будто дорожка полосатая. Старинные ткацкие станки были огромные, занимали половину комнаты. Полдня уходило, чтобы только нити в них заправить, наладить к работе. Нынче станок легко разместить на столе, можно половику и вовсе из старых вещей сшить, разрезав их на полоски. Сначала-то женщины половики делали только для дома, чтоб полы дольше чистыми оставались. Ну а потом азарт их взял: кто самый длинный половику сделает!? Вопрос нешу-

точный! И пошло-поехало! Домашние дела заброшены: дети босые-неумытые по деревне бегают, суп не сварен, каша вчерашняя в горшках засохла, мужики ходят голодные, злые. Но женщины ни на что внимания не обращают, знай себе ткут. Дорожки в избах уже не помещаются, дак их выносят на улицу и рядами стелют, чтобы лучше было видно, чья длиннее. Ночей не спят, дни напролет ткут: как кусок готов, несут его на улицу и к своему половику подшивают.

Так женщины увлеклись, что до самого города дорогу из половиков выложили. Идти удобно: мягко, грязь ноги не пачкает, одно удовольствие прогуляться, на природу посмотреть, чистым воздухом подышать. Губернатору про эту дорогу доложили, решил он сам проверить ее на комфорт. И так ему понравилось, что дошел он до самого села. «Женщины, – говорит, – молодцы! Рукодельницы! Хвалю!» И пожаловал каждой по почетной грамоте. Женщины довольны, грамоты в избах на стенку повесили. «Вот, – тычут своим мужикам, – глядите, на какие рекорды мы способные!»

А половики еще все лето и осень лежали, пока их в свежем снеге не почистили и на зиму не убрали. Городские модницы в лаковых сапожках до того времени в село ежедневно променады совершали. Восторгались природными видами, оставались в избах отдохнуть, попить травяной чай с шаньгами. Так что село через эту тканую дорожку туристскую популярность получило, а женщины за свое мастерство – почет и уваженье!

Про сарафан, который черта приманил

Одежда на Севере – вещь ценная, особая, со своим смыслом. Сколько труда надо вложить, чтобы только рубаху сшить! Если все по старинному обычаю делать,

надо ткать ткань на деревянных станках, в отварах ее выдерживать для придания цвета, скроить вещь, по фигуре подогнать да сшить. Поэтому к одежде отношение бережливое. Если вы в старинном северном доме на чердак подниметесь и увидите там развешенную ветошь – не пугайтесь! Это обычай такой: выбрасывать вещи нельзя, другому человеку отдавать – тоже, это как часть себя потерять! Вот и висят они на чердаках, истлевают и уносят с собой истории хозяев.

Считается, что связана одежда с человеком и его судьбой. В рваной и грязной одежде ходить – плохой знак, можно беду на себя накликать или болезнь. А можно и вылечиться! Вот какой случай произошел с одной девкой на селе.

Девка Агнюшка ленивая была, сил никаких нет! Матери не помогала, дом не убирала, скотину не кормила и за одеждой своей толком не следила. Целыми днями только и сидела на лавке перед домом и щелкала семечки. И такая вредная и упертая была девка! Никто не мог заставить ее хоть чуток поработать. Уже тогда было понятно, что черт с ней захочет свои шутки шутить. Пока она только в грязном да рваном ходила – черт к ней подступиться не мог. Но Агнюшка заленилась совершенно! В одну из ночей сарафан свой скинула у кровати, да так вывернутым наизнанку и оставила, в сундук не убрала. Сама спать завалилась. Вот тут-то черт и решил побаловаться! Сарафан на себя нацепил и ну скакать по комнате, танцевать. Агнюшка проснулась, глаза от страха тарасит, а черт знай себе хохочет да прыгает вокруг ее кровати. Еле как девка до утра дожидка, такого страху натерпелась!

«Вот, дура! – ругала ее утром мать. – Лентяйка! Кто сарафан оставляет на ночь вывернутым? Почему в сундук не убрала, от нечистого не спрятала?»

Агнюшка лишь заикалась от страха. И на следующую ночь сарафан убрала, но черту это было все равно, он сарафан в свое владение получил и мог достать его из любого места. Так и стал приходить каждую ночь, в сарафан рядиться и Агнюшку мучить. Через неделю девку было не узнать: не спала, не ела, говорить от страха не могла. Мать решила: что-то надо делать, посоветовалась со старухами. Забрали они злосчастный сарафан, унесли вечером глубоко в лес, и там на ветках засохшей осины оставили, чтобы истлевал и нечистого больше не манил. Черт в избу ночью пришел, покрутился, сарафана не нашел. Вокруг избы обернулся – не учуял ничего, разозлился, но делать нечего, оставил Агнюшку в покое.

Первые дни девка отоспалась немного, пришла в себя, а потом как подменили ее: избу метет, воду носит, на огороде работает, ни на минутку не присядет. Мать с отцом не нарадуются на нее! Хозяйкой Агнюшка стала. А главное: одежду свою на ночь всегда в сундук убирает и на замок закрывает!

Про весну, которая хотела в куклы играть

Весна в том году все никак не наступала. Вот уже апрель на дворе, а тепла нет как нет. Солнце днем печет, снег твердеет, подтаивает, птицы звенеть начинают, а к вечеру метель откуда ни возьмись, закружит и спутает все планы. Или вовсе мороз ударит да и постоит несколько дней. Девтора вся извелась долгу зиму на печи сидеть, хотя на волю, вдоль ручьев прыгать да на солн-

це носы греть. Решили весну прикликать. Как? Делать куклы-веснянки.

Собрались дети в избе у рукодельницы – бабы Марфы. Раздала она им ярких лоскутков и ниток, показала, как сделать круглую головку веснянки, как платочком ее обмотать или косу из ниток пришить, как платью попышнее накрутить и передник к нему приладить. Чем ярче веснянка – тем жарче и веселее будет лето, чем длиннее и толще ее коса – тем длиннее летняя пора. Ребятишки старались, ленты в косы веснянкам вплетали, пыхтели, аж языки от усердия высовывали. Смастерили веснянок целую гору!

В первый солнечный теплый день вышла детвора гурьбой на главную улицу села и давай с куклами играть, весну зазывать. Одних кукол яркими лентами на ветки дерева привязали, других в первых лужах на нитке водили, третьими просто играли, четвертых девицам дарили на счастье и удачу! Веселилась ребятня весь день, хороводные песни-веснянки пела: «Весна-красна, что ты нам принесла? – Красно летечко!», пока солнце не зашло. Праздник был на все село!

Весь следующий день солнце светило бойко, снег топило, поля теплом заливало. И следующий день также, и после. Пришла весна в суровые северные края! Прогнала зиму! Приняла дар!

Про варежки узорные

Варежки да чулки – традиционные вязаные изделия на Севере. Зимой без них никуда! Мастерицы вяжут их не простыми, а узорными, разноцветными! Шерсть прядут сами, обычно овечью, сами же ее и окрашивают настоями разных трав, добиваются оттенков сочных. Как говорят – вещь должна радовать теплом, удобством

и ярким цветом. А то на Севере и так серо да бело всю зиму, хочется глазу чем-то порадоваться.

Вяжут обычно вечерами зимними, долгими, когда уже все работы по дому сделаны, а время осталось еще. Вот и в один из таких вечеров, когда метель в окошко грустные мысли задувает, в одной избе начала хозяйка Серафима варежку вязать, да что-то призадумалась, петь много набрала, не заметила. Потом и вовсе сон ее сморил, оставила работу, спать пошла. А у хозяйки пять девок: одна другой бойчее. На следующий день, пока Серафима весь день по дому крутилась – коров-овец накормить, обед сварить, избу вымести, снег со двора убрать – дочки ее по очереди брались за вязание. Одна чуток повяжет, пойдет матери помогать, другая несколько рядов сделает, во двор выбежит, третья к вязанию свою руку приложит и так дальше.

Вечером Серафима баню топила, не до вязания было, и на следующий день дела нашлись. Девки-озорницы тем временем все варежку вязали да вязали. Только спустя три дня открыла хозяйка свой сундук с рукодельем и охнула! Сразу поняла, кто тут напроказничал! Ох, девки, баловницы! Что натворили! – начала ругаться Серафима. Но потом огромную варежку вытщила, осмотрела: вещь хороша, связана добротной, ровно, узор соблюден. Не стала больше ругаться. А девки хохочут: Добрую варежку мы тебе связали, мама! Надо еще вторую такую смастерить!

Думали-думали, под что такую огромную варежку приспособить, да и придумали! Закинули на полати вместо перин и одеял. Малые три девки как раз в варежку поместились! Тепло и удобно, как в спальный мешок залезли! Так всю зиму в комфорте и проспали, а сны им приходили яркие и легкие, как узоры на варежке.

Про карту меховую

Выделкой оленьих шкур и шитьем меховым занимались в основном оленеводы. Хорошая одежда на Севере в первую очередь нужна, чтобы защитится от морозов лютых и ветров. Девушек учили шитью сызмальства. К свадьбе каждая шила из оленьего меха малицу, пимы, сумку. Работы – море необъятное: материал подобрать, орнамент придумать, сухожильные нити приготовить, да и украсить мех бисером, вышивкой золотой. Не всякая девка шитью такому научиться могла. Но, коли хочешь удачно замуж выйти – будешь учиться и шить. Истории разные на Севере случались. И самый видный парень брал обычную девушку в жены, потому как она рукодельем своим от беды его спасла.

Так по Данилу сохли все девицы в округе: парень высокий, статный, любо-дорого посмотреть. Всякую мог в жены себе взять, хошь первую красавицу, хошь модницу, хошь зажиточного оленевода богатую дочку. Над приданым каждая трудилась: шила, вышивала, нити и мех подбирала. Наста была из семьи простой, небогатой. Красотой не блистала, зато характер у нее был покладистый, а руки золотые. Давно ей Данила нравился, вот и решила она ему подарок сделать: сшить из кусочков меха карту окрестных мест. Каждое поле, каждое пастбище отдельным кусочком меха отметила, дороги золотыми нитями выложила, приметные места и деревья бисером вышила. Глянешь на карту – сразу поймешь, куда путь держать.

Отправлялся Данила в дальнюю дорогу, подарок Насты принял, с собой взял. Да застала его в пути метель-пурга, с дороги парень сбился, до позднего вечера плутал. Ночь Данила в тайге ночевал, меховым полотном укрывался, холод его не брал. А по утру по карте

дорогу нашел, да домой воротился. Посватался к Насте на следующий же день:

– Спас меня твой подарок от верной гибели: теплом согрел и на верную дорогу вывел. Не забыть мне твоей доброты, выходи за меня замуж!

Вот так обошла простая девушка писаных красавиц да богатых дочек, счастье свое благодаря уму да умелым рукам устроила!

Про горшок глиняный, заговоренный

Глиняную посуду на Севере делали почти что в каждой семье. Не на продажу, а в собственное пользование. Обычно занимались этим женщины пожилые, знающие секреты ремесленные и передающие их из поколения в поколение. Посуду делали из местной глины; размачивали ее водой, толкли ногами и добавляли песок. Лепили дно спервоначала, а сверху на него глиняными жгутами стенки накручивали по спирали, да руками их выравнивали. Потом обжигали в печи. Или ставили на глиняную лепешку деревянную чурку и обмазывали. После чурку вынимали аккуратным образом или сжигали.

Знахарка Авдотья жила на окраине деревни, знала старуха разные заговоры, травы собирала, настои лечебные делала. Горшок у нее был заговоренный, своими руками вылепленный. Бросишь в этот горшок щепку – будет он полон каши, травинку какую положишь – наваристые щи в нем появятся, воды нальешь – превратится она в молоко или в сур. Горшок Авдотья берегла, доставала только в трудные голодные времена, никому о нем не рассказывала. Но вот поселилась недалеко от нее в ветхом домишке большая семья, отец у них болел тяжело, мать с пятью ребятишками мыкалась. Пожалела

их Авдотья и горшок им в подмогу дала, только велела никому о нем не сказывать.

Можно ли утаить что на селе? Трудно, ой трудно. Вредная баба Надька про горшок прознала, силу его волшебну подсмотрела. Лень ей самой было готовить, она горшок и выкрала у бедняков, на голод чужую семью обрекла. Довольная Надька целый день на перинах лежит, горшок за нее и варит и парит. Только от Авдотьи ничего не укроется! Ах, воровка, ленивая баба, – ругала она Надьку. – На чужое доброе позарилась! Научу тебя, как у простых людей хлеб последний отбирать! И поменяла Авдотья заклинание на волшебный горшок свой.

Надька с той поры, что в горшок ни бросит, все невкусно да порчено выходит. Молоко скисшее, каша – зубы сломаешь, суп горький или протухший. День так прошел, другой, заругался муж на Надьку: что творишь, жена, со свету меня сжить хочешь, отравить? Схватил в сердцах горшок да и выкинул с крыльца. Надька и слова поперек сказать не успела.

Забрала Авдотья свой горшок, заклинанию прежнюю силу вернула, да и отдала обратно в бедную семью. А там уж радости было! Спасла их Авдотья от голода! Снадобий им дала, мужа лекарственными сборами на ноги поставила. Долго ли коротко, зажила семья хорошо. А горшок они Авдотье вернули: Спасибо за все, но другим может теперь больше в нем надобности. Жили они дружно и в достатке, а Авдотью никогда не забывали, за доброту ее благодарили.

Про птицу сказочную, костяную

Резных дел мастер Василий из кости и оленьего рога мог самые разные вещи сделать: пороховницы, со-

лонки, расчески, игольницы, наперстки... Узоры наносил он острым ножом, линии выводил четко, затейливые орнаменты придумывал. За красоту и прочность любили его изделия и в соседних селах, и в городе.

Полюбилась ему девушка из села – Ульяна – умница-красавица, не все руки мастерица. Умерли у нее родители год назад. Осталась она в родительском доме одна. Работы по хозяйству много, Ульяна из сил выбивается, чтобы все успеть: коров с утра подоить, на луг вывести, обед сварить, воду из колодца натаскать, на огороды выйти, баню к вечеру истопить. Столько заботы девка на себя взвалила, тут и заболеть-слечь недолго!

Вырезал Ульяне в подарок Василий из кости птицу дивную. Белые крылья узорные, тонкой резьбой украшенные, клювик узкий, полупрозрачный, на головке хрупкие перышки, как корона.

– Вот тебе, девица, подарок, – мастер вручил Ульяне птицу. – Птица непростая, сказочная. Подвесь ее в избе под потолок, жизнь твоя на лад пойдет, дорога твоя в лучшую сторону переменится.

Поблагодарила Ульяна за подарок, повесила птицу, как велело было. И правда: жизнь ее с тех пор легче стала, чудеса в ней появляться начали. Выйдет Ульяна утром во двор, а дрова уже наколоты и в поленницу ровно положены, ведра стоят, полные воды, трава покосена и в кучи собрана. Или вечером к дому возвращается с огородов, а коровы с луга пригнаны, ждут ее, дожидаются. А у крыльца в ведре окунь плещется, будет, что на ужин запечь. Удивлялась Ульяна, птицу дивную за помощь благодарила.

Осенью посватался к ней Василий, на что она согласие свое дала. Зажили они дружно и счастливо! И хоть давно поняла Ульяна, кто помогал ей все лето,

птицу из-под потолка не сняла. Каждое утро слова добрые ей говорила и перья резные гладила: Спасибо, птичка, что привела ты в мой дом главное счастье!

Про северные ткани крашеные, набивные

Ткани на Севере женщины делали красоты необыкновенной. Узоры разные на них выводили, мягкость материи придавали да блеск. Над каждым полотнищем работали долго: сначала собирали цветы, листья, лишайники даже, грибы и коренья. Все, что обладало веществами красящими и давало оттенок. Отвары готовили. Потом ткань протравливали квасцами, закрепляли цвет щелоком. Рецептов своих секретных женщины никому не выдавали!

Но вот очутился на селе как-то раз купец заезжий, столичный. Тканями нашими северными долго восхищался, кругами вокруг полотен бегал, руки бабам целовал. Женщины наши к такому обхождению не привыкшие. Смушались, да и кой-чего рассказали купцу о том, как ткани такие ценные получать. Купец все в книжонку свою записывал, строчил. Мужики видят, какое тут дело разворачивается неблагодарное, купцу сказали строго: хочешь ткани – покупай и езжай обратно в свои столицы! Ну что, купец заплатил монетой, ткани забрал и в город обратно отчалил.

А там у столичных модниц наши северны ткани огромный фурор произвели! Расхватали все подчистую! Особенно хорошо ушли материи с рисунком набивным, многоцветным, с растительными орнаментами. Городские щеголихи требуют тканей еще на модные фасоны, грозятся купцу! А тому заработать хочется, но платить деревенским ой как неохота. Наварил купец бурды какой непонятной по своим записям, процентно соотно-

шенье не выдержал, да ткани в протраве подпортил. Продать-то он их продал, да только платья из этой материи прямо на барышнях расходиться стали да разваливаться! Конфуз, да и только! Скандал вышел на всю округу! Вконец опозорился купчишко!

Но столичные франтихи прознали, откуда он первые ткани привез, да и сами в село поехали. Материй на новые наряды у мастериц набрали, да еще заказов оставили! Тем и закончилась история: женщинам нашим деревенским – благодарность, а щеголихам городским на радость – модные платья достались!

Про инструмент музыкальный, охотничий

По примеру прадедов-дедов Андриян выбрал промысел охотничий, непростой, от удачи да знания зависящий. Охотник он был быстрый, меткий, умелый. Какую хошь дичь мог подманить и подстрелить. Только в какой-то момент удача отвернулась от него, и уже несколько недель приходил Андриян домой с пустыми руками. Беда для семьи самая настоящая!

По ту пору стреляли как раз рябчика. Но рябчик просто не давался, дразнил Андрияна да улетал, хитрил. Как подманить к себе упрямую птицу? Долго думал Андриян, и вот какая мысль к нему пришла! Чтобы заполучить рябчика, охотник вырезал из сучка еловой ветки свисток-манок и, подражая свисту птицы, начал ее заманивать. Звук инструмент давал высокий и протяжный, самое то. Немного времени прошло, подлетела на свист жирная самочка! Тут-то и попалась она Андрияну! Смекалкой и упорством вернул он себе охотничью удачу.

Стал Андриян к каждому выходу в лес такой свисток изготавливать: то из елового сучка, то из пера крыла и плечевой косточки лесной или водоплавающей ди-

чи. Каждый раз инструмент выходил у него все краше и замысловатее: то с узором, то с прорезным орнаментом. Звук получался чистый. Молва о том быстро пошла по округе, стали и другие охотники просить у умельца свистки-манки. Так и прославился Андриян на северной стороне, как охотник удачливый и резчик умелый!

Про льва и львицу сказ-небылица

В некоторых селениях северных жили и работали мастера старообрядцы-беспоповцы и скрытники. Держались они своей веры, тайное знание хранили строго. В просторных домах зажиточных крестьян и купцов в тайных кельях работали: ткали, вышивали бисером, переписывали старинные книги и писали иконы. Учились скрытники в скитах Каргопольских, а потом знание свое приносили в другие северные земли.

Молодой скрытник Федор, только-только живописному делу обучившийся, приехал в наше село. А купец один богатый аккурат поставил себе да своей молодой жене новый дом. Задумал он дом украсить, чтоб был как пряник расписной! Так что нанял он Федора в работники, а сам с молодой женкой укатил в круиз заграничный аж на полгода!

Федор за работу взялся рьяно. Эскизы сперва наперво начертил, дом весь линейкой обмерил, да и сюжет определил небанальный. Раз хочет купец один такой дом расписной на всю округу, будет ему сюжет! – решил Федор, и порыв свой творческий сдерживать не стал. Работа спорилась. Прошло полгода. Воротились из заграничного путешествия молодые, с шиком в деревню въехали и к крыльцу родному подкатили!

Встал купец перед домом своим, смотрит на роспись и глазам своим не верит! Фронтон украшен фигу-

рами геометрическими, ветвями и цветами, посередине лев и львица расположились! На карнизе орнамент из ромбов цветных, навесы расписаны рисунком растительным.

– Это что за невидаль! – Взревел купец.

– Из-зображенья стилиз-зованные, орнамент геометр-риз-зированный... – со страху начал заикаться мастер.

– Чтооо! – У купца аж глаз от напряженья дергаться начал.

– Тише-тише, голубчик, – подлетела к нему молодая жена. – Очень же красивая роспись. Что ты волнуешься? Нервы, нервы-то побереги.

Купец запыхтел, гнев свой на усмиренье направил. Федору тут промолчать бы, но он под горячую руку добавил:

– Я еще единорога изобразить хотел...

– Кого!? Единорога!!!

Гнался купец за Федором через все село, хорошо, что у мастера ход был легкий и быстрый, это его и спасло. Однако со временем успокоился купец, к росписи на дому привык. Да уж больно хвалили на селе рисунок, даже заезжий люд восхищался львами. Так что пошел купец с мастером на мировую, извиненья свои принес и сполна работу его оплатил.

Про традицию, что из века в век передается

Тяжела жизнь человека на Севере: то осенние ветры воют не по-хорошему, то зима пугает голодом, то лето холодными дождями полнится, то в темные ночи все детские страхи стучатся в двери. Но на то и стоек северный человек, что держится он силой духа да памя-

тью предков, знанием, что передается от отца к сыну. Не страшны никакие тяготы, когда спиной – сотни лет привычного уклада, традиций и давних сказаний. Вольно живется человеку на Севере, легко идет он по белой припорошенной снегом земле и тишина разливается по речным берегам.

Андрей Волковский

СЕВЕРНАЯ СКАЗКА

В некотором царстве, в некотором государстве случилась однажды беда. Не пришла в свой срок Весна. Неделя за неделей проходит, а солнце по-прежнему тусклое, нежаркое; снега не тают; не звенит капель; не пробиваются из-под земли первоцветы.

Объявил царь, что тому, кто Весну вернёт, полцарства пожалует. Собрались во дворце мудрецы, силачи да богачи: совет держать. Да только всё никак на поиски весны не отправятся: днями напролёт советуются да планы обсуждают.

А зима всё не уходит. Мёрзнут люди, мёрзнут звери, мёрзнет вода подо льдом и даже огонь в очагах начал замерзать.

На севере царства жил да был мальчик-пастушок, Мэмыл. Пас он пушистых северных оленей и к холодам был привычен. Но холодам да темноте своё время, а весне да солнышку – своё. А тут день за днём, неделя за неделей темно да студёно.

И решил мальчик пойти искать Весну сам. Простился с семьёй, оставил стадо на младших братьев, а с собой взял только Оленя Кривые Рожки, неказистого да мелкого.

Кто знает, где Весна прячется, почему не является людям? Отправился мальчик к Мудрому Тюленю, покровителю рода.

Шёл три дня и три ночи. Мороз его кусал-кусал, ветер с ног валил-валил, метель путь путала-путала, а всё шёл Мэмыл со своим Оленем. Добрался, наконец, до

берега моря, большого-пребольшого и всего покрытого льдом.

– Эх, как же мне найти Тюленя? – задумался мальчик.

Олень Кривые Рожки выскочил на толстый лёд, стукнул копытом трижды – появилась прорубь.

– Позови Тюленя, – молвил Олень Кривые Рожки. – Ты из его роду-племени, он на твой зов приплывёт.

Поблагодарил мальчик друга, сел на краю у самой проруби и давай Тюленя звать.

Вот появилась над водой гладкая серая макушка, потом черные круглые глаза, а затем усатая морда.

– Гэт, гэт, кто это меня зовёт? – спросил Тюлень.

– Это я, Мэмыл! Пришёл к тебе, Мудрый Тюлень, Весну искать!

Тюлень прижмурился огорчённо и сказал:

– Жаль, Мэмыл, не могу я тебе помочь. Не знаю, где Весна. На дне моего моря её нет. Ступай к Белому Медведю: он царь всех зверей на суше – может, он знает?

Подарил Тюлень мальчику на прощание свой ус: мол, понадоблюсь – призови, и уплыл.

Пошли мальчик с Оленем Кривые Рожки вдоль берега. Шёл три дня и три ночи. Мороз его кусал-кусал, ветер с ног валил-валил, метель путь путала-путала, а всё шёл Мэмыл со своим Оленем.

– Знать бы, где Белый Медведь обитает, – вздохнул мальчик.

– Да мы пришли уже, – ответил Олень.

Пригляделся Мэмыл: и верно – впереди дворец ледяной. Белый как снег, вот и не увидел мальчик сразу.

Зашли они во дворец и нашли Белого Медведя.

– Гэт, гэт, кто это ко мне пришёл? – поднялся им навстречу хозяин замка, огромный как снежная гора.

– Это я, Мэмыл! Пришёл к тебе, могучий Медведь, Весну искать! Мудрый Тюлень сказал, что ты знаешь, где она.

– Явился в мой дом без спросу, ещё и вопросы мне задаёт! – нахмурился Медведь. – А вот возьму да и съем тебя!

Страшно стало мальчику, но он виду не показал.

– Нельзя меня есть, могучий Медведь! Если я Весну не найду, не выйдут на солнышко играть твои медвежата. Переведётся род медвежий, да и все остальные сгинут – некем править будет. И некому.

Призадумался Белый Медведь.

– Правду говоришь, человек! Я и сам чую, что неладное творится. Пора и медвежатам из берлог вылезать, и нам уходить от большой земли подальше, да всё холодно. Ищи весну, человек!

Подарил Белый Медведь мальчику на прощание клочок своей шерсти и велел о Весне спросить Хитрого Песца: он, мол, всюду бывает, везде шныряет, всё знает.

Хитрого Песца искать не пришлось: отправил Медведь за ним из дворца быстрокрылых крачек.

– Етты, человек! – поздоровался Песец. – Что тебя привело в наши края?

– Я ищу Весну, Хитрый Песец. Мне сказали, ты можешь знать, где она.

Песец задумчиво почесал за ухом, а потом сказал:

– Знать-то я знаю, но просто так не скажу. Разгадай мои загадки. Угадаешь – расскажу, где Весну искать. А нет – тогда заберу я твоего оленя!

Не желал мальчик Оленя на кон ставить, да по-другому Песец не соглашался.

– Не бойся, – сказал тогда Олень, – попроси только со мной советоваться, когда угадывать будешь.

На том и порешили.

– Вот моя первая загадка, – молвил Песец. – Ходит-бродит, а следов не оставляет?

Призадумался Мэмыл, стал с Оленем совет держать:

– Может, это лодка? По воде ходит, а следов не оставляет!

– У Песца лодки нет. Может, это рыба? Она в воде ходит, а следов нет.

Мэмыл и говорит:

– Рыба!

– Вэрин, вэрин! – кивнул Песец. – Угадал! Вот тебе вторая загадка: языка нет, а охотнику всё расскажут. Что это?

Мальчик у Оленя спрашивает:

– Как думаешь, друг, может, это верные собаки? И про врага предупредят, и дичь найдут, и злого зверя отпугнут.

– У Песца собак нет. Он и сам охотник: запахи вынюхивает да следы читает.

– Запахи быстро улетают, а следы долго остаются, – рассудил Мэмыл. – Это следы!

– Опять угадал, – кивнул Песец. – Вот тебе третья загадка: в каком камушке сердце бьётся?

Растерялся Мэмыл, не знает, что и сказать. Олень Кривые Рожки осторожно толкнул его в бок и говорит:

– Маленькое, твёрдое, а внутри живое. На что похоже?

– Яйцо! – закричал Мэмыл.

– Эх, не видать мне оленя, – вздохнул Песец. – Что ж, слово есть слово: ты загадки мои разгадал – вот тебе мой совет: ищи Весну у старой Ы’льян, хозяйки снега, ветра и холода.

На прощание подарил Песец мальчику волшебное слово, которым можно этого хитрого зверя призвать.

Отправился мальчик в самое сердце севера, где жила старая Ы’льян, хозяйка снега, ветра и холода. Шёл три дня и три ночи. Мороз его кусал-кусал, ветер с ног валил-валил, метель путь путала-путала, а всё шёл Мэмыл со своим Оленем.

Наконец, выросла перед ним ледяная гора, что и на дом огромный похожа, и на скалу.

Постучал Мэмыл в ворота, тотчас открылись они. Дошёл мальчик до самой большой комнаты, а там сидит старая Ы’льян, его дожидается. Одежда на ней из снежного меха, убор головной льдинками искристыми расшит.

– Я пришёл за Весной, – смело говорит Мэмыл.

– Что ж, у меня Весна, вот и ключ от её темницы, – кивнула старая Ы’льян, – Не хочу покидать мир. Сначала здесь навеки поселюсь, а потом и на южные земли отправлюсь. Не освободить тебе Весну, мальчик. Уходи-ка ты домой, пока цел.

Грозно хмурится хозяйка снега, ветра и холода. Замерзает Мэмыл. Олень Кривые Рожки ближе прижался, греет. Вспомнил тут Мэмыл о доме, где так же мёрзнут младшие братишки да родители. А вокруг соседи мёрзнут, и не только в их селении, во всём огромном царстве.

Обнял Мэмыл Оленя, согрелся и сказал:

– Не дело это: Весну в плену держать. Я до самого Солнца дойду да подброшу дров, чтобы оно разгорелось сильнее. Не оставлю Весну здесь, так и знай.

Рассердилась старая Ы'льян. Видит: не отступится мальчишка. И решила: запугать не удалось, так по-другому от него избавлюсь.

– Ладно, смелый ты, мальчик. Давай так уговоримся: я тебе три задания дам. Выполнишь их, забирай Весну. А нет, так замёрзнешь до самого сердца.

Согласился Мэмыл.

– Вот первое тебе задание: посчитай, сколько рыбы в большом северном море! Времени тебе на это – пока не занесёт снегом чёрный валун у меня во дворе.

До моря далеко, но есть у Мэмыла ус Тюленя! Выскочил мальчик из дома Ы'льян, ищет, где бы воду найти, чтоб Тюленя позвать. Тут Олень Кривые Рожки отскочил в сторонку, стукнул трижды копытом. Смотрит Мэмыл: прорубь!

– Здесь под снегом и льдом озеро пряталось, – говорит Олень. – Зови скорее Мудрого Тюленя.

Бросил Мэмыл в воду ус и позвал покровителя рода. Явился на зов Тюлень, выслушал мальчика, важно кивнул и ушёл под лёд.

Глядит Мэмыл на валун: наполовину его занесло. Валит снег, валит. Того и гляди скроется!

Когда от валуна осталась только самая верхушка, выплыл из проруби Тюлень, вручил мальчику волшебный свиток. А на том свитке все рыбы нарисованы, и возле каждой значком обозначено, сколько таких рыб в большом северном море.

Поблагодарил Мэмыл, помчался к старой Ы'льян быстрее ветра. Протянул ей свиток.

– Вот!

Заскрипела зубами старая Ы'льян, да делать нечего: свиток тот самым морским повелителем Тюленем отмечен – значит, правда в нём о рыбах от первого до последнего слова.

– Ладно! Вот тебе второе задание: очисти от сугробов озеро у меня во дворе. Хочу полюбоваться его гладким льдом. Он для меня краше всего на свете. Верни тебе на это – пока не занесёт снегом серый валун у меня во дворе.

Вышел Мэмыл во двор: снегу на озерном льду – выше самого Мэмыла, выше его отца, выше самого высокого человеческого жилища. Это сколько же силушки нужно, чтоб весь этот снег убрать?

Бросил он наземь клочок медвежьей шерсти и позвал Белого Медведя. Не успел опомниться – вот и царь всех зверей на суше.

– Чего тебе? – ворчит Медведь.

– Вот, – отвечает Мымэл, – что нужно сделать, чтобы Весну выручить: очистить от снега это озеро.

– А, это дело нехитрое, – отвечает Медведь. – Только отойди-ка подальше. И оленя своего забери.

Мэмыл с Оленем отбежали и спрятались за холмом на берегу ледяного озера. Сидят да поглядывают, что же Белый Медведь делать будет?

А Медведь отошёл на край озера, встал на задние лапы – огромный-преогромный! – да как дунул на озеро. Весь снег тут и разлетелся в стороны. И на Мэмыла с Оленем немало снега упало.

Пока они отряхивались, Медведь призвал гагар, сапсанов да белых сов, чтобы птицы своими крыльями отгоняли падающие снежинки от ледяной глади.

Глянул Мэмыл на серый камень: наполовину его занесло снегом. Пошёл он к старой Ы'льян. Та в окно

глянула: и верно, чисто на озере, гладко, только птицы вокруг летают. Значит, сам Белый Медведь мальчишке помог.

– Етток, вот тебе третья задача. Рыб ты быстро посчитал, посчитай теперь звёзды на небе! Времени тебе на это – пока не занесёт снегом белый валун у меня во дворе.

Улыбается старая Ы'льян: не справиться с этой задачей ни Тюленю, ни Медведю, ни самому мальчишке.

Вышел Мэмыл во двор, посмотрел вверх, а звёзд на небе видимо-невидимо. Хоть всю ночь считай, хоть неделю, хоть целый месяц – не справишься.

Прошептал мальчик волшебное слово – явился перед ним Хитрый Песец.

– Что стряслось? – спрашивает.

– Велела мне старая Ы'льян посчитать звёзды на небе.

Песец посмотрел на небо, почесал задумчиво за ухом и сказал:

– А звёзд там столько же, сколько снежинок на берегах большого северного моря.

– Правда? – удивился Мэмыл. – Ты так быстро и звёзды, и снежинки посчитал!

Песец усмехнулся:

– Нет, не посчитал. Кто же их все посчитает?

– Но Мудрый Тюлень всех рыб в своём море сумел посчитать, – возразил мальчик.

– Он в море правит, там его царство, значит, всё-не всё, но многое ему там ведомо.

– Тогда, может, старая Ы'льян тоже знает, сколько у неё снежинок на берегу моря.

Песец кивнул:

– Наверное, знает. Но она не знает, сколько там, наверху, звёзд. Это никому не под силу, даже ей.

Сказал – и был таков.

Делать нечего, пошёл Мэмыл к старой Ы'льян.

– Ну, – говорит она, – сдаёшься? Замерзнуть тебе тогда насмерть в моём царстве! Сколько звёзд на небе?

– Столько же, сколько снежинок на берегах большого северного моря! – заявил Мэмыл.

– Не может такого быть! – закричала старая Ы'льян.

Выскочила из своего жилища, задрала голову и давай звёзды считать.

– Одна... Две... Три...

Ждал-ждал Мэмыл, когда она посчитает, да не дождался.

Олень Кривые Рожки ему и говорит:

– Видимо, долго старая Ы'льян звёзды считать будет, а мы с тобой пока Весну найдём.

Снял Мэмыл ключ с пояса хозяйки снегов, а она и не заметила: знай, всё приговаривает:

– Тысяча триста пять... Тысяча триста шесть... Тысяча триста семь...

Ходили они по дому старой Ы'льян долго-долго, пока Олень чутким носом не почувал тонкий аромат цветущих луговых трав.

Мотнул рожками в правую сторону:

– Туда нам идти надо.

Так и нашли Весну.

В коридоре перед большущей дверью снег и лёд подтаяли, запахи трав и цветов голову кружат, слышно, как стучит капель и чирикают птички. Отворил Мэмыл

дверь, а оттуда теплом повеяло да светом ярким так ослепило мальчика, что он зажмурился.

Почуял только, как кто-то коснулся его макушки, от чего Мэмылу враз тепло да весело стало. А потом услышал:

– Спасибо!

Открыл глаза, а Весны и след простыл.

Пошли Мэмыл с Оленем домой, и всюду видно: Весна пришла. Исчезают сугробы, наливается ярко-голубым сиянием небо, поют-заливаются птицы.

Красота!

А старая Ы'льян так и считает звёзды: не пытается больше Весну запереть, потому в свой черёд все сезоны и приходят. Как собьётся Ы'льян со счёту, сердится, тут повсюду метели да бураны случаются. Как устанет, так вздохнёт печально, и повсюду снег валить начинает.

Царь же с богачами, силачами да мудрецами спорили-спорили, почему весна пришла, да так и не решили ничего. Велел царь по всем краям искать того удальца, который Весну вернул, и Мэмыл о тех поисках да награде в полцарства слышал, да только зачем ему полцарства, когда у него и так всё есть.

Динара Фикретовна Керимова

ЗМЕЯ БЕЗ РОГОВ

*Не страшно в старости
есть пустой хлеб –
страшно есть его одному...*

Дедушка Магомед

– Ассалам алейкум, отец! Далеко до Дуруштула?
– Ваалейкум ассалам! Дуруштула? Так нет его дав-
но.

– Знаю, мне бы место отыскать.

– Поезжай прямо. Метров через четыреста район-
ный центр будет, Тпиг. Там люди знают.

Поблагодарив седовласого чабана, ведущего своих
блеющих подопечных на пастбище, я поехал в Тпиг.
Тпиг – центр Агульского района. Я бывал там в детстве
с родителями, гостил у родственников. Агульцы все
друг другу родственники. Маленькая национальность,
каждый член которой гордо несет свое аутентичное со-
знание по жизни и пытается всеми силами доказать свое
превосходство над лезгинами¹. Агульский язык входит в
группу лезгинских и немного напоминает язык-
прародитель, но большинство современных агульцев –
носители большого самолюбия, задеть которое можно
фразой «Агульцы – это те же лезгины». Я к этому всегда
относился легко, без огорчения, а вот мои родители или,
скажем, двоюродные братья, будто свирепые коршуны,
бросались на «бессмертного» болтуна и силой не слова,

---

¹ Лезгины – еще один народ, населяющий Дагестан, одна из пяти титульных наций.

но корпуса доказывали свою непричастность к Лезгистану².

Я вообще отличался от своих родных. Это не значит, что я был лучше или умнее, просто я был другой. Неправильный парень по местным меркам. Учиться пошел на филолога («Вая, на юрфак баллов не хватило?» – смеялись соседские пацаны), женился на русской однокурснице («Кяфир!»³ – это уже определение, данное тетками со стороны отца), работал копирайтером («Кем?!» – все вышеназванные).

Мое «неудавшееся» воспитание заставило родителей устремить свои строгие педагогические (они у меня учителя в своей собственной частной школе) взоры на младшего брата. Он окончил школу без троек, учиться пошел на экономиста, а невесту за него выбрал женский семейный совет (мама, тети, их хорошие подруги) – троюродную сестру из Дербента. Она пока в девятом классе, но ведь и он еще студент. Брата все устраивало, потому родители были счастливы: хоть один сын удался!

Мне же свадьбу родители сыграли нехотя. Приглашенных было человек шестьсот (а как же, Дагестан...), и все с моей стороны. Ира, моя избранница, воспитывалась в детском доме, и поздравить ее пришел только этот самый детский дом: директриса, воспитатели и друзья по группе. Помню, сколько я бился за Иру: сначала с ее кавалерами, потом со своими родителями. Я, конечно, понимал маму: невестка – не мусульманка, не скромница, платок не носит, юбки короче туник моих двоюродных сестер, да еще и родилась неизвестно от

---

² Лезгистан – общее наименование всего лезгинского.

³ Кяфир – неверующий (пер. с араб.).

кого. Но я был непреклонен. Это мой выбор, и, благо я сам зарабатывал себе на жизнь, предки дали добро. Я хотел обойтись камерным торжеством в местном ресторанчике, но горский выпендрож родни таки перенес все в огромный банкетный зал с живой национальной музыкой и всякими кушаньями из разряда «не хуже, чем у других».

Жить мы решили отдельно. Не представляю, что бы было, если бы мама и Ира оказались под одной крышей. Еще на старших курсах я вложил заработанный грант (проект был по науке, потому почти все деньги вошли в зарплатный фонд) в каркас и уже к двадцати пяти годам обзавелся собственной малогабаритной двушкой. Мебель помогли купить мои, все остальное приобреталось каждый месяц с полочки. А в прошлом году привычный ритм жизни нарушило самое важное событие в жизни каждой любящей пары. Человек родился! Человека назвали Адамом, и священные писания тут совершенно ни при чем. Просто имя пришлось по душе всем. В Дагестане с этим строго: нельзя просто взять и назвать ребенка так, как хочется маме или папе. Одобрение должно быть получено от двух предыдущих поколений. Нам в этом плане повезло, поскольку обычно имена внукам достаются по наследству от дедов. Брат старшей сестры моего отца оказался настолько плодовитым, что оба имени – Магомед и Шкафутдин – отошли к моим старшим племянникам. Я по-детски любил обоих дедушек, но их имена мне категорически не нравились. Первое – самое распространенное в наших краях и потому не самое любимое, а второе принесло бы моему потомку кучу неприятностей в любом сообществе (в детстве задразнить могут и не за такое...).

Ира ушла с головой в материнство, мои родители стали проявлять симпатию к невестке, подарившей им внука. В наших краях это своего рода посвящение. Если ты невестка не только по закону страны, но и по закону гор (с позволения новых мамы и папы), ты становишься дочерью. Все праздники и просто выходные, помолвки четвероюродных племянниц из Дербента, покупка золота и шуб будущим невесткам в Хасавюрте (еще один обязательный обряд) – во все эти действия ты обязательно вовлечена и этим осчастливлена. Может, и хорошо, что моей супруге с почти пятилетним стажем удавалось не вступать в этот клуб гарцующих горянок. Во всяком случае, я был рад, что она все та же веселая рыжая однокурсница, с которой я познакомился на лекции по риторике и которой совсем не нужны лабутены и пандоровские браслеты с шармами.

По старой доброй кавказской традиции переехавшие в города горцы остаются до конца своих дней преданными поклонниками настоящей сельской еды. Овечий сыр, сметана, сушеное мясо – самые желанные угощения на столе. Эти самые продукты готовятся аж за полгода по индивидуальным заказам лучшими фермерами своих районов. Вот и у нашей семьи был такой – Джавед-адар⁴. Он еще троюродным братом матери приходится. В этом году везти сыр и мясо из села предстояло мне. К этому времени я уже мог отлучаться с работы по своим делам на день или даже на два, потому что успел войти в долю с директором своей рекламной конторы, и доход мой стал стабильно высоким. И вот я ехал в Тпиг, чтобы оттуда попасть на родину своих праотцов

---

⁴ Адар – постфикс, букв. дядя.

Дуруштул – аул, который стерли с карт лет тридцать назад ввиду массовой миграции населения в города.

Надо сказать, наш районный центр оказался весьма обустроенным и выглядел не хуже городского. Отремонтированные здания, хорошие автомобили, люди в галстуках. Один из таких, одетый по канонам управленческого строя, остановился у входа в администрацию и стал изучать свои ботинки.

– Ассалам алейкум, земляк! Мне бы в Дуруштул добраться.

– И тебе здоровья! На виноградники приехал? Кишмиш, изабелла, хатми? «Ухас чехир хин васе ягIа»⁵, – затянул популярную местную песню мой собеседник.

– Нет, я в этнографическую экспедицию, – решил отшутиться я.

– Вах, Шурик что ли? – рассмеялся он громко и раскатисто.

– Почти (а здесь забавный народ), только я не за тостами. К Джаведу за мясом приехал.

– Да, в городе такого нет... Ты агулец? Не из Буркихана? На Салмана похож. Сын его?

– Нет, я из Махачкалы. Дед был из Дуруштула. Эльмутдин.

– Не знал его. Я Алибек из Буршага.

– Приятно познакомиться. Алибек, может, Вы мне объясните, как добраться до Джаведа?

– Конечно, сынок. Пойдем сначала в кабинет. Угощу чаем с инжировым вареньем. Любишь инжир? Уродился в этом году. Пятнадцать трехлитровых балло-

---

⁵ «Ухас чехир хин васе ягIа» – «Сегодня мы напьемся».

нов жена закрутила. Куда деть, не знаем. На работу беру, угощаю гостей из столицы.

– А много приезжает?

– Проверяющие, в основном. Не дают главам спокойно работать в поле, бумажки им покажи!

– Вы глава района? Простите, не узнал.

– Пустяки. Я ж не Тарлан Мамедов⁶, чтобы меня узнавать, – громче прежнего рассмеялся он.

Мой собеседник оказался очень остроумным и веселым человеком. Мы проболтали часа два. Удивительно, как отличаются главы на разных уровнях. Казалось бы, глава района – серьезный начальник, мог бы и сослаться на занятость, отправить к своему заму или вообще ко всем чертям (я через такое проходил в городской мэрии). А тут меня и выслушали, и накормили, и делом помогли. Да, люди в селах проще. Нет, они просто люди, и это в них первично, а не удостоверение и прилагаемый к нему чиновничий апломб.

Я рассуждал об этом, пока мы шли к Джаведу. Да, именно шли, потому что в горах дороги любят стопы, а не колеса (местная поговорка). Минут двадцать пять – и нас уже встречала ухоженная сакля, раздававшая свои теплые, пряные ароматы всему селу. Хозяин дома – человек по-сельски розовощекий и улыбочивый – сразу проводил нас в дом за уже как положено накрытый стол. Горка со сладостями, домашнее варенье, большая тарелка для перекуса: огурцы, помидоры, всякая зелень, домашний сыр. Отказаться от трапезы в доме горца – значит нанести ему страшную обиду. Моя городская привычка отвечать «нет, спасибо» на приглашение к столу здесь была бы неуместна, потому я присоединил-

---

⁶ Тарлан Мамедов – народный артист Дагестана.

ся к агульскому застолью и, надо сказать, не пожалел. Такая простая еда понравилась мне гораздо больше той, которую подают в наших махачкалинских ресторанах. Овощи пахли грядкой, сыр – свежим молоком, а чай – самыми ароматными травами кавказской земли.

Дядя Джавед уговаривал меня остаться на ночь (по обычаям агульцев, да и всех горцев, в доме всегда должна быть готова комната для приема гостя в любое время суток). После такого обеда и вправду хотелось отоспаться в горах. Сон в ауле – самое большое наслаждение для горожан. Есть даже поверье, что воздух в горах – живой дух, погружающий людей в сон и крадущий плохие воспоминания. То ли оттого, что я не был злопамятным, то ли из-за обещания, данного жене, вернуться в тот же день, я решил ехать сразу обратно. Переданный мне Джаведом груз еле поместился в багажнике: высушенный барашек, четыре круга сыра, несколько банок с маслом и сметаной и приятный бонус от главы в виде двух банок инжирового варенья.

– Всех благ, сельчане! Здоровья в ваши дома! Будете в центре – обязательно заходите. Адреса – рабочий и домашний (я дал свои визитки).

– И тебе, сынок. Приезжай в отпуск с семьей. Агул не Сочи, конечно, но мы тоже умеем культурно отдыхать!

Глава расхохотался в уже привычной для меня манере и дружески потрепал меня по плечу. Мои провожатые слали мне пожелания доброй дороги, пока автомобиль не свернул на трассу. Странно, в городе все заканчивается сразу, как только ты садишься за руль. Никто уже не тратит слов и времени на проводы и пожелания. А надо ли? Черт его знает... Пустяк, а приятно.

Через час я припарковался на ближайшей автостанции, откуда в центр ездили маршрутки. Взяв бутылочку воды, я решил постоять немного, отдохнуть перед почти трехчасовой поездкой. Ко мне подошел водитель одной из пассажирских газелей, мы разговорились. Меня всегда поражала коммуникабельность водителей общественного транспорта. Они могут часами рассказывать тебе о своей семье, проблемах, планах, не спросив даже твоего имени. Вот и этот транспортник стал жаловаться на холодность молодой супруги, ее непослушание родителям и ему. Я внимательно выслушал этого беднягу (по сельским меркам это и вправду трагедия), посоветовал не злиться на супругу, поговорить с ней. Озадаченный моим предложением, он минуту сердито смотрел на меня (видимо, ждал, что я одумаюсь и посоветую поколотить непокорную). Так и не услышав от меня ничего «толкового», он попросил помочь – довезти до города человека. В его маршрутке сидела старушка, а везти одного пассажира в город было невыгодно. Я посчитал такую просьбу вполне выполнимой и согласился. Мой новый знакомый, радостно припрыгивая, помчался к своей газели.

Уговорить старушку сесть в машину к незнакомому человеку оказалось делом непростым. Сначала она отрицательно кивала головой, потом ругалась, даже тростью грозила, но в конце концов сдалась. Нехотя она подошла к моей машине.

– Салам! Садись, мать. Я не бандит, не бойся. Довезу до места назначения быстрее, чем эта таратайка!

– Къацѝра хІа деве Миссиѝарин курцѝул⁷, – еле слышно проговорила она.

Я прекрасно понял смысл сказанного, но, как говорится, назвался груздем...

Поехали... Старушка все больше молчала, на мои редкие вопросы отвечала односложно и неэмоционально. Я только узнал, что ее зовут Шуайнат, она едет к сыну, которого не видела два года. Он уехал, открыл какую-то жилконтору в Махачкале, женился там, скоро внук родится. Обыкновенная история. Я таких много знаю. Мне, конечно, хотелось узнать, почему сын не приехал ни разу за два года навестить мать, но моя попутчица не была настроена на диалог, да и я хотел просто побыть в тишине. Мой путь пролегал между горами и морем, между высотой и глубиной, между устремленностью вверх и желанием погрузиться вниз. Мысль об этом все больше захватывала меня и уводила в философствования. Этот глубокий духовный порыв прервало банальное чувство голода.

Копаться в сумках из села мне не хотелось, да и есть эти припасы было не с чем (хлеб-то я забыл). По дороге в аул я заметил одну чудушную⁸, к ней сейчас я и подъезжал. Через минут пятнадцать я получил наивкуснейшие горячие лепешки с творогом и мясом. Мы с бабушкой Шуайнат перекусили в машине и поехали дальше. После этой совместной трапезы она как-то иначе стала ко мне относиться, сама рассказывала о

---

⁷ Къацѝра хІа деве Миссиѝарин курцѝул – букв. как щенок, который не растет. Так говорят о несерьезном человеке, который ведет себя как ребенок.

⁸ Чудушная – кафе, где готовят чуду. Чуду – кавказские лепешки с начинкой.

жизни в селе, об умершем давно муже-чабане. Говорила она на русском неплохо, иногда разбавляя свою русскую речь агульскими репликами. Я ее понимал, я и сам примерно так говорил, только с точностью до наоборот. Когда мне приходилось общаться с бабушками и дедушками на родном языке, я вставлял в родную речь русские слова. Звучало забавно, иногда мне даже аплодировали. Думаю, дело было не в моем искусстве оратора, а в том, во что в конечном итоге выливалось это двуязычное говорение.

– А почему твои родители уехали в город? – неожиданно спросила Шуайнат.

– Уехали учиться, потом остались. Как обычно бывает.

– Нет, не так отвечаешь. Институты кончили, почему не вернулись?

– Ммм... Не знаю. Понравилось там жить. Удобно, развлечения есть, условия для жизни лучше. Многие родственники перебрались в город. Потом я родился.

– А эти родственники вам помогают? Тебе помогают?

– Если попросить, конечно, помогут. Наверно... Я не прошу обычно. Сам привык все делать.

– Змея без рогов.

– Что? Я не совсем понял. Змея без рогов?

– У агульцев есть легенда про етти кърдаш – рогатых змей. Если кто-то попытается убить одну из них, остальные будут преследовать обидчика всю его жизнь.

– Загадками говоришь, Шуайнат-абав⁹. Я-то тут при чем?

---

⁹ Абав – постфикс, букв. тетя.

– Сплоченные, говорю, были змеи. Люди теперь не такие... В городах. В селе получше.

Я придумался. В городах, пусть и в таких небольших, как у нас, уже давно перестали волноваться друг о друге. Помощь подразумевала обязательную просьбу, долгое обдумывание и непременно ожидание ответной благодарности. Что-то сломалось в нашем сознании. Чем дальше мы уезжали из аула, тем меньше нам хотелось знать, что происходит за пределами нашей, обязательно небольшой (не больше четырех человек) семьи.

Всю оставшуюся дорогу моя попутчица спала. Разбудил я ее уже на въезде в Махачкалу. Довольно быстро добравшись до дома, в котором жил ее сын, я решил донести багаж до двери и передать мою землячку лично в руки потомка. Мы поднялись на второй этаж девятиэтажного монолитного дома и позвонили.

– Кто там? – спросил тонкий женский голос.

– Это я.

– Мужа нет дома. Приходите вечером.

– Фатима, дахь! Зун э!¹⁰

Было слышно, как хозяйка заметалась по квартире. Через минуту дверь открыла молодая женщина в темном хиджабе¹¹ с испуганным взглядом. Она поприветствовала свекровь и пригласила ее войти. Я, как обыкновенный таксист, выполнивший свою сверхзадачу, молча спустился и уехал.

Утром я решил проехаться на маршрутке до работы. Сутки за рулем заставили меня иначе взглянуть на

---

¹⁰ Фатима, дахь! Зун э! – Фатима, открой! Это я! (Пер. с агульского.)

¹¹ Хиджаб – одежда, покрывающая женщину с головы до ног.

важность общественных пассажирских перевозок. В последний раз я шел так месяца три назад. Тогда и машины-то еще не было своей. Помню, каждое утро встречал бабушку, сидящую у входа в поликлинику. Она продавала то цветы, то ягоды, то джурабы¹². Было заметно, что вся эта продукция – дело ее трудолюбивых рук. Выглядела она всегда опрятно, но взгляд был отчужденным и почти несчастным. Она казалась мне самым одиноким человеком на свете. Каждый день я думал, что непременно что-то куплю, но всегда откладывал. То денег не было, то настроения, а порой просто спешил. Однажды я подошел за букетиком для жены и обнаружил, что в кармане нет наличных.

– Мать, а тебе на карту перевести можно деньги?

Реакция была очевидной. Продавщица улыбнулась и покачала головой. Она и в банке-то, наверно, не была никогда... Сегодня я был настроен решительно. Весна – значит, она сидит с нарциссами или сиренью. Возьму все! Поставлю в кабинете, пусть радуют глаза и носы моих коллег. Я выходил из дома такой довольный, что жена даже пошутила, а не к любовнице ли я иду. А я просто шел к одной, почти незнакомой старушке, будучи уверен, что тыщонка в моем кармане сделает ее жизнь лучше. На месте, где обычно сидела моя старушка, оказались две румяные торговки зеленью. Я спросил, где их предшественница. Оказалось, ее уже два месяца никто не видел.

– Умерла, кажется. Я вчера мимо ее дома проходила, там хозяева новые.

---

¹² Джурабы – вязаные носки.

Через пару месяцев на пороге моего агентства появился Алибек, тот самый глава района. Он приехал в республиканский минобр по делам школы и решил меня проведать. Мы поговорили о наших общих знакомых, семьях. Я рассказал ему о бабушке Шуайнат, которую вез из района.

– Я ее привез к сыну. Как она, не знаешь?

– Умерла твоя попугчица. Сразу после Уразы¹³ хоронили.

– Как же? А где? Тут, на городском кладбище?

– Нет, она ведь почти сразу в село вернулась. Старухи перед администрацией шептались, что сын принял нерадушно. Вот она и вернулась, а через месяц умерла. Хорошая была женщина. А дом какой был у нее! До последнего дня облагораживала свое жилище. Белила, красила... А огород – урожай был на зависть всем молодым соседкам!

– А что с домом теперь?

– Сын продал дом богатею из Дербента. Он тут хочет фермерское хозяйство организовать. Скупает дома. Пока только двое согласились. Остальные на него с вилами бросаются.

– Расстроили Вы меня, Алибек-адар. Я жене про эту старушку все уши прожужжал, хотел в гости пригласить... Она тпигская была?

– Соседка Джаведа. Дуруштульская.

– Моя сельчанка, получается... Все забываю, что села больше нет.

---

¹³ Ураза-байрам – мусульманский месячный пост и следующий за ним праздник.

– Только на карте, сынок. Пока хотя над одной саклей поднимается дым от разведенного в ней очага, село живет.

Пешая прогулка до дома располагала к размышлениям. Две старушки, два разных человека, случайным образом оказавшихся в поле моего зрения. Они не были близкими мне людьми. О чем речь, я их почти не знал, но... В глубине души я понимал, что они ушли навсегда. Не так, как уходят любимые многими: со слезами, венками, семейными вечерами воспоминаний с изучением многочисленных фотоальбомов. По-другому. Возможно, оставив много хорошего после себя, но не оставив тех, кто это самое хорошее вспомнит. Я и сам был не самым лучшим внуком (сейчас я это по-настоящему осознал), но и в тридцать я помнил вкус бабушкиных пирогов, рассказы деда Магомеда о голодном военном детстве. Эти сакральные фрагменты не стирались из памяти, сколько бы всего нового и замечательного ни происходило в моей жизни. Моя память принимала ровно столько, сколько я сам желал сохранить. Но как же этого было мало...

Говорят, жизнь умершего продолжается в памяти живого, а что, если живой не захочет помнить? Вот и этот день когда-нибудь сотрется из моей памяти, оставив после себя только привычку хранить во внутреннем кармане куртки пару купюр и легенду о змеях, так и не сумевших сохранить свои рога.

Елена Семеновна Коновалова

СКАЗКИ БАБУШКИ МАШИ

Облетали последние листья с деревьев, устилая мягким разноцветным ковром замшелые лесные тропинки. Лес исподволь готовился к долгому зимнему сну. Да и то верно, отдохнуть и ему надо, сил набраться к новой летней поре. Тихо и пустынно вокруг, ни птиц, ни зверей не видно.

«Прощай, батюшка-лес... Бог даст, переживу зиму и приду по весне. Благодарствую за щедрость и милость твою, за красоту и ласку...» – шелестел осенней листвою негромкий голосок хрупкой старушки, которая неспешно выбиралась из чащи на лесную дорогу, ведущую к селу. Вдруг послышался за её спиной заливистый свист, внезапно поднялся сильный ветер, и зароптали, зашумели могучие сосны и разлапистые старые ели. Обернулась бабушка Маша, да так и обмерла: седовласый старик исполинского роста в белой расшитой марийской рубахе и светлой шляпе шёл за ней следом, возвышаясь над деревьями, и оглашая округу хулиганским свистом. Ветер развеивал его длинные волосы и белую бороду, а во рту у старика была глиняная трубка размером с детскую люльку, которой он попыхивал время от времени. И поднимался над лесом синий дымок, который тут же смешивался с бегущими белоснежными облаками. «Видно дух лесной сам решил попрощаться», – подумала Мария и в пояс поклонилась старику. И пошла дальше, больше не оглядываясь, но чутко прислушиваясь к переливчатому свисту. До самой опушки проводил лесной дух старушку. Шумел на окраине леса сосновый бор, давным-давно посаженный

руками Марии. Здесь и прекратился свист. Оглянулась бабушка Маша – пропал старик, лишь клубится дымок над соснами...

Долгую жизнь прожила Мария. И добрую её половину провела в лесу, который был ей мил и дорог, и отвечал взаимной любовью, щедро одаривая грибами и ягодами, лечебными травами и густым мягким мхом, который собирала бабушка сельчанам на постройку новых рубленых домов. Много лет прошло с тех пор. Давно уж нет её на этом свете. Но стоят деревянные избы в округе, держит бабушкин мох домашнее тепло в их стенах. И стал ещё выше красавец-бор на лесной опушке. А в памяти внуков слышится загадочный голос бабы Маши, зимними вечерами на тёплой русской печке в полумраке и тишине рассказывающей то сказки, то были о лесных и речных жителях, о Георгии-Победоносце и ужасном змее, о таинственных местах и священных деревьях. А меня, как когда-то Марию, лишь покроются нежной зеленью деревья, словно неведомая сила тянет в лес. И наткнувшись на усыпанную спелой ягодой полянку или дружное грибное семейство, я вспоминаю свою бабушку, ни капельки не сомневаясь, что тут без неё никак не обошлось, потому что она сама превратилась в добрую лесную старушку. Только знают об этом немногие, а теперь и вы будете знать.

Встреча с лешим

В стародавние времена зимы в наших краях были студёными и снежными. Однажды у одного крестьянина подошли к концу запасённые на зиму дрова – съедала их печка вдвое больше из-за долгих трескучих морозов. И пришлось Семёну собираться в лес за дровами, а в помощницы взять дочку старшую Милю. Много было

детишек у Семёна, да старшие-то всё девки! Пока запрягали Серко – лошадку серую с серебристой гривой и хвостом, смышленная Миля сбегала к бабушке Маше за благословением. Перекрестила баба Маша девочку да такое напутствие дала: «Много в зимнем лесу всякой нечисти хоронится, если потревожите кого – трудно будет домой воротиться. Вот тебе, внучка, три сухарика и рябиновый прутик, авось пригодятся».

Закутал Семён дочку в овечий тулуп, посадил в сани, и поехали они на большую полянку, где ещё с осени были заготовлены берёзовые дрова. Резво бежит Серко, и мороз его подгоняет, и короткий январский день торопит. Вот, наконец, и до места добрались. Высокие сугробы намела зима, еле выкопали дрова из-под снега. А когда погрузили тюльки в сани, встала лошадка как вкопанная, и ни с места. Только ушами прядает, да глаза таращит на большой дряхлый пень, который дровами был завален с осени. Может, тяжело Серко, слишком ноша велика? Скидали половину дров обратно в сугроб, а всё по-прежнему. Что только не делал Семён, как только не уговаривал лошадку, даже выругался пару раз – всё впустую! И на шажок не сдвинулась. Тут и вспомнила Миля бабушкины слова и смекнула что делать. Достала из кармана сухарики и положила на пень со словами: «Прости нас, мужичок – лешачок, что потревожили тебя. Отпусти нас домой, а я тебе сухариков вкусных оставлю». А потом рябиновым прутиком над санями взмахнула. И Серко вдруг побежал, словно кто-то невидимый скатился с воза, и груз стал невесомым. Уже на ходу запрыгнули в сани Семён с дочкой, и помчались в село быстрее ветра. А леший полакомился ржаными сухариками и снова в пень забрался. Теперь до весны никто его не потревожит.

Улетевшее озеро

Давным-давно, когда не было ещё на свете машин, и в будни люди ходили босиком, а в праздники в лыковых лапоточках, случилась эта история.

Сразу за околицей села возле небольшого лесочка под названием Поломка, лежало небольшое озеро. Чистой и прозрачной, как слеза, была в нём вода. И плескалось рыбы в озере великое множество: и крупной, и средней, и помельче – со сверкающей на солнце серебристой чешуёй. На ранней зорьке умывались девушки озёрной водой, смотрелись в его гладь как в зеркало, и становились ещё краше и пригожее. Рыбаки, доплыв до середины озера на лодках-долблёнках, умудрялись черпать рыбу сплетёнными из ивовой лозы корзинами, и каждый раз приносили домой богатый улов. Любили своё озеро сельчане, да не сумели уберечь. Однажды расположился на его дальнем берегу цыганский табор. И принялась одна цыганка в кристально чистой воде пелёнки грязные стирать. Не ведала, видно, что не принято в наших краях заповедные воды загрязнять, и в озере можно было лишь полоскать постиранное бельё. Потемнела озёрная гладь, стали волны сердитые о берег биться, а перед рассветом поднялось вдруг озеро вместе со всей живностью в небо и улетело неведомо куда. Проснулись сельчане и не увидели его. А там, где были берега, лишь камыш зелёный качается. Он и сейчас растёт на прежнем месте, переговариваясь с ветром и тоскуя о давно минувшем. Ждёт, наверное, что вернётся озеро обратно, устав скитаться по белу свету.

На Кокшаге-реке

Долго ждали сельчане возвращения озера, да так и не дождались. И пришлось им ловить рыбу на дальних реках. Лишь узкие извилистые тропы вели через заливные луга и заросшие кустарником чащи к их заветным берегам. Ходил рыбачить на Большой Кундыш, Большую Кокшагу, а иногда и на Пайбулатовское озеро, и Семён. Загодя, зимними вечерами, вязал он прочные рыболовные снасти из конопляных ниток, готовил крепкие деревянные жерди, мастерил жестяной короб под рыбу. И с первой зелени до поздней осени занимался рыболовством. Уходил из дома на закате, чтобы глубокой ночью в тёмных водах спящей реки ловить наёмтом задремавшую рыбу. Лишь доверху наполнив короб добычей, выбирался Семён на знакомую лесную полянку и разводил костёр, чтобы самому согреться и снасть обсушить, да и передохнуть перед обратной дорожкой. А вернувшись на рассвете домой, вываливал улов в большие миски – рассмотреть при дневном свете сколько прожорливых щук, жирных налимов и линьков, золотистых краснопёрых окуней попало, да пятащихся раков-усачей в чугунок собрать; и ложился прикорнуть на часок перед новым днём, полным хлопот по хозяйству. А рыбой дальше занималась жена с дочками. И почистить её надо, и посолить, и ушицы душистой сварить, и рыбник румяный испечь.

Немало загадочного и необъяснимого приключалось на ночной Кокшаге. Однажды, в очередной раз придя на реку, и в кромешной темноте погрузив в воду наёмт, услышал Семён тонкий девичий плач, доносившийся откуда-то издалека с другого берега. Прислушался рыбак: сначала тихо, а потом всё громче и громче, ближе и ближе звучал высокий и нежный голос. И пока-

залось ему, что слышится плач уже на этом берегу, и движется кто-то невидимый по воздуху в его сторону. Споро вытащил Семён свой тяжёлый намет и в черёмуховые заросли схоронился. Да и вовремя! Прямо на том месте, где он рыбачил, оборвался плач, а потом снова послышался, тихий и жалобный, и быстро стал удаляться в сторону деревни Пайбулатово. Перекрестился рыбак и бегом побежал на поляну огонь разводите. Обогрелся и потихоньку в себя начал приходить от пережитой жути. Да не тут-то было! Вдруг почувствовал Семён на себе чей-то взгляд. Снова волосы под картузом зашевелились, сердце в пятки закатилось, но сумел он пережить свой страх и обернулся. А из темени смотрят на него два горящих зелёных глаза. «Сгинь, нечистый дух!» – ругнулся Семён и бросил в ту сторону рыбёшку – как раз под рукой оказалась! И тут послышалось урчанье и чавканье. Взял рыбак горящую головню и пошёл на край поляны, а там – лисёнок рыжий, голодный, рыбку доедает. С тех пор и подружились они. А на утренней зорьке встретил Семён мужика знакомого, переправившегося на лодке с другого берега, который и поведал ему, что накануне, в полдень, утонула на реке девушка из его деревни. Толи плавать не умела, толи водяной в омут затянул, толи с горя утопилась.... Видимо и слышал рыбак на ночной Кокшаге, как душа её бедная плачет.

Старый знакомый

Много чудес и загадочных историй случалось в наших краях, а таинственные хозяева водоёмов и оврагов, дремучих лесов и топких болот, нет-нет, да и давали о себе знать: то грибника в трёх соснах запутают, то гуляк припозднившихся напугают. В дубравах, борах и

рощах издавна водились лешие и лесные духи (аты-тютя, аты-папа), в реках и озёрах – водяные (выт-оза) и русалки (выт-ийä), в избах – домовые (пöрт-оза), в банях – банники (пан'ы-тютя, пан'ы-папа) и банные бесы (панигä), которые чаще подшучивали над человеком, но при случае и напугать до смерти могли. Однажды под вечер собрался Семён за грибами в Поломку, а за ним и дочка следом увязалась. Небольшой лесочек, словно островок посреди поля, рос совсем недалеко от Покровки. Хоть и сумерки сгущались в лесу, а грибов насобирали целую корзину: и красноголовиков, и подберёзовиков, и боровичков белых, и лисичек рыжих. Передохнули они на полянке, и домой направились, да и пора уже – закатилось солнышко за дальний лес, и ещё сумрачнее стало вокруг. Повеяло от земли прохладой ночной, и едва заметными в наползающем тумане стали лесные тропинки. Идут-идут грибники, а лесок никак не кончится, всё края не видать. Но тут деревья расступились и оказались они... на знакомой поляне, откуда домой недавно собирались. «Заплутали чуток, дочка. Ничего, сейчас выберемся...» – сказал Семён, уверенно направляясь в нужную сторону. И вдруг послышались со всех сторон разные звуки: то свист и ауканье, то жуткий хохот и хлопанье в ладоши, то заунывная песня без слов и нарастающий шум ветра в вершинах деревьев. «Леший не свой брат, переломает все косточки не хуже медведя», – пробормотал грибник, вспомнив байки о злых проказах лесной нечисти, взял Милю за руку и шагнул прибавил. Однако, спустя какое-то время, они снова на том же месте оказались. А потом ещё и ещё... «Что же делать будем?» – растерялся Семён, а напуганная девочка вспомнила вдруг, что баба Маша советовала, когда леший по лесу кружит и домой не отпускает.

Нужно одежду верхнюю и шапку наизнанку вывернуть и переобуться – левый сапог надеть на правую ногу и наоборот. Прощения у лесовика за поздний визит попросить и за дары лесные поблагодарить. Так и сделали. А когда Миля бабушкин оберег от лешего – очищенный от коры сучок липы (лутовку) из кармашка достала, разом всё стихло. И очень скоро уставшие грибники дома оказались, живые и невредимые. Снова помогла им бабушка-ведунья.

Ночером¹

Немаленьким было село Шапта и прежде, а с тех пор, как примкнула к нему деревня Покровка, стало ещё больше и протяжённее. Деревянные, крытые соломой избы деревеньки стояли в самом низу косогора, на котором раскинулось село. Близость ли лесов сказывалась, изначально ли таинственными были эти глухие места, но здесь чаще, чем где-либо ещё, происходили страшные, а порой и жуткие истории. Большой пологий овраг разделял Покровку с её окраиной – Сәмәтом. На самом краю оврага – Настиной горке – стояла избушка, такая же ветхая, как и её хозяйка – одинокая тихая старушка Настасья. Сразу за Настиним домом деревенская тропинка спускалась в овраг и бежала дальше через Сәмәт в лес. Но мало кто отваживался поздним вечером или ночью ступить на тропу в этом месте. Когда-то давно на горке кровушка невинная пролилась – случайным выстрелом был застрелен молодой сапожник. И с тех самых пор, время от времени, припозднившегося путника стали хватать за ногу чьи-то невидимые сильные руки, и тот, с трудом вырвавшись, и испытав непередаваемый

---

¹ Ночер – время с вечера до глубокой ночи

ужас, бежал с криками о помощи к людям. И каждый, кто когда-то испытал это, спустя какое-то время, покидал белый свет через нечаянную гибель.

Начинался овраг у затянутого зелёной тиной нижнего пруда, а заканчивался в поле за березняком, или березником, как издавна говорили в наших краях. Именно оттуда, со стороны большого леса, чаще всего в полнолуние, появлялся в тёмном небе огненный змей, от которого во все стороны разлетались горящие искры. Но как только ребяташки, переборов страх, и вооружившись палками, с громкими криками: «Рассыпья! Рассыпья!!!», бросались бежать в его сторону, как он растворялся в ночи, оставляя лишь стойкий запах серы в воздухе ...

А ещё по ночам в разных местах оврага или рядом с ним показывался людям чёрный карлик – его жуткий хозяин. Под сенью высоких белоствольных берёз, росших рядом с оврагом, в праздничные дни народные гулянья проходили, а по вечерам влюблённые пары прогуливались. Однажды поздним летним вечером в березнике одна из таких парочек ворковала. Девушку звали Ниной, она была из Покровки, а парень её – рыбак Василий из деревни Пайбулатово. Чтобы увидиться со своей любимой, неблизкий путь пришлось преодолеть Василию. Поэтому всё никак не хотел он распрощаться с девушкой и домой её отпустить. Прохладны и темны августовские ночи, небо звёздами усеяно, а вокруг темень непроглядная. Захотел Василий обнять дрожащую от холода Нину, чтобы согреть немного, а она вдруг отпрянула от него и домой заторопилась, словно и не слышит слов его ласковых. Да и парень вдруг притих, сжал её руку и в молчании до дома родительского проводил. Девушка на прощанье даже не оглянулась и

птичкой-синичкой за калитку упорхнула. А Василий пустился домой в обратный путь. И долгим, и страшным он оказался. Вначале надо было пройти через всё село, потом мимо сельского погоста, расположенного на самой высокой точке косогора, а дальше дорога шла по полям и перелескам до Кокшаги-реки. И весь путь, то у чьих-то ворот, то за кладбищенской оградой, то на пенёчке между деревьями мерещился Василию чёрный карлик, которого увидел он, когда Нину под белой берёзой обнять хотел. Был невысокий человечек чернее самой ночи, и таким ледяным ужасом и могильным холодом от него веяло, что стало Василию страшно, как никогда в жизни. Но ничем не выдал он свой страх перед девушкой, и ничего не сказал об увиденном, чтобы не напугать её.

И пока бежал Василий по полям и лесам, всю дорогу молитву Иисусову творил: « Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного... », а других-то молитв он и не знал. На лодке через Кокшагу Василий уже на рассвете переправлялся, всё ещё не веря, что домой добрался.

А Нина поутру поведала родным, что гуляя в березнике, увидела страшного карлика, который был чернее самой ночи. От охватившего её ужаса, Нина даже дар речи потеряла и с Василием об увиденном ни словом не обмолвилась. Встревожились Нинины родные из-за случившегося и бабушке Маше обо всём рассказали. А она над девушкой молитвы прочитала и водицей святой её окропила. Как знать, если бы и над Василием были прочитаны святые слова, может и не случилось бы с ним несчастья. Не прошло и месяца, как утонул рыбак Василий на Пайбулатовском озере. Поговаривали, что лодку его на середине озера русалки раскачали, а потом

и вовсе перевернули. А как на самом деле было – неведомо.

Чёрный карлик бывает и во сны к людям пробирается, особенно перед тем, как несчастья случаются. Смеётся и кривляется жуткая нечисть, словно радуясь тому, что с кем-то плохое должно приключиться. А чтобы не пускать карлика в свои сновидения, нужно вспомнить, как поступала мудрая бабуля: набить подушку шишечками хмеля, а в изголовье веточку можжевельную повесить. Убежит тогда карлик, не солоно хлебавши в свой овраг, и плохого уже не накарает.

О диконьких

Еле приметная речка Лакса-карем, которая в жаркую летнюю пору почти пересыхала, вытекала из большого леса совсем недалеко от опушки. Но её воды вместе с талым снегом и дождями хватало, чтобы пополнить деревенский пруд свежей влагой. Русло речки представляло собой пологий овраг, который также называли Лакса-карем. Поле, лежащее сразу за оврагом и тянувшееся к дальней окраине леса под названием Руш-огол (Русский угол), имело дурную славу. Говорили, что если кто-то оказывался в этих местах пешком или на лошади после захода солнца, то до самой утренней зорьки плутал по полю. Путник всё шёл и шёл, ехал и ехал, а дорожка никуда его не выводила. Так и кружил, бедный, по полю, пока от усталости не падал. А всё потому, что проходила здесь невидимая людям тропа Диконьких. Диконькие (Кужы-Ўп) – это белые люди с длинными волосами, раза в два выше человеческого роста. Жили они своей жизнью, изредка показываясь людям и среди бела дня, чаще всего в образе высокой молодой женщины в красивой марийской рубаше и го-

ловном уборе-сороке. Говорили, что не раз слышали их голоса у лесной речки Пекнор-карем, где даже в самый солнечный день темно и сумрачно. Боялись сельчане встречаться с таинственными Диконькими, хотя вреда они людям не приносили, а порой даже предупреждали о грядущих несчастьях. А во время войны Диконькие следом за мужчинами ушли на фронт, чтобы помочь нашим воинам одолеть врага. Долго ещё по полям и лесам слышались причитания и плач их женщин.

Случилась памятная встреча с Диконькими и у бабы Маши. Однажды среди ночи бабушку громкий стук в окно разбудил. Не удивилась она столь позднему гостю, ведь в любое время дня и ночи со всей округи шли люди к ней со своей бедой и просьбами о помощи: то заговорить боль зубную, то снять испуг, то вправить пупочную грыжу младенцу. А то просили псалтырь над покойником почитать. Никогда старушка не отказывала и с молитвами помогала каждому. Вот и на этот раз на просьбу помочь роженице, сразу откликнулась. Вышла баба Маша во двор, а там – тройка прекрасных белых лошадей с богатой кошёвкой. Вдруг послышался голос из темноты: «Помощь твоя, бабушка, нужна, только Бога не поминай...» Долго её по полям и лесам везли, наконец, остановилась тройка у большого крепкого дома. Вошли в избу, а на длинной лавке лежит молодая очень высокая женщина. Помогла ей баба Маша разродиться, ребёночка приняла. А тот, кто привёз, спросил, чем её отблагодарить. Ответила бабушка, что ей, мол, ничего не надо, всё у неё есть. Тогда хозяин дома баблю с собой в клеть позвал, где, открыв кованный железом сундук, зачерпнул из него горсть серебра и высыпал в карман её тулупчика. Повезли старушку обратно на тех же лошадях белогривых. Пролетали мимо засне-

женные деревья и кусты, поля и овраги. Вот и село, наконец, показалось. Но тут петух закукарекал и... разом всё пропало. Очнулась баба Маша на сугробе перед своей избушкой, а тройки и след простыл! Перекрестилась бабушка и в избу заторопилась. «Привиделось, видно...» – подумала она, но когда тулупчик скидывала, зазвенели в кармашке серебряные монетки. Сложила их баба Маша в берестяной туесок, да и закопала потом в подполье. А в каком месте – запомнила. А может, и не старалась вспомнить. Чужие деньги счастья не приносят.

Красная корова

Небогато жили люди в нашем селе, может поэтому и верили, что в окрестностях немало серебра и золота схоронено, надо только знать, где и как искать их. А порой случались удивительные встречи с зарытыми сокровищами. Ведь они, особенно с наложенными на них заклятиями, никогда не лежат спокойно в земле, а всегда своей «зачарованной» жизнью живут. То привидятся в виде чудаковатого крестьянина, скатывающегося летним погожим днём на деревянных санках по склону Толшевинского оврага, то покажутся у речки Вершачки в образе старого солдата царских времён. Но чаще всего являлись клады в тёмных и влажных оврагах Кумкарема (Три оврага, Три реки), так назывался дремучий лес между Шаптой и Большим Шудумом. Бывало, заблудится грибник, кружит по лесу до сумерек и вдруг увидит синий огонёк среди деревьев, кинется в ту сторону, надеясь выйти к людям, да не тут-то было! Вдруг послышится жалобный стон и плач, и, подойдя поближе, остолбенеет человек от лиха окаянного – синим пламенем горит череп человеческий! И убежит он в

страхе великом от этого места, не подумав даже, что зарытый клад к нему вышел. Не так-то просто увидеть и забрать заговорённое богатство, ведь охраняют его духи недобрые. Но и с ними можно справиться, если набраться смелости и начертить на земле круг острым ножом, окроплённым святой водой. Затем свечку восковую зажечь и произнести: «Четыре апостола-евангелиста, хранители Божьих тайн – Матфей, Марк, Лука, Иоанн, – очистите сие место от наложенного на него заклятия». Тут и пройдёт наваждение. Останется только в полном молчании выкопать богатство и домой идти, ни в коем случае не оглядываясь назад.

Однажды в зимний солнечный день показался клад будущей жене Семёна Ксении, которая в то время маленькой девочкой лет шести была. А случилось это так. Играла Ксения на улице и вдруг увидела за оградой среди снежных заносов зелёную лужайку, на которой мирно паслась красная корова. Обомлела девочка от увиденного, и бегом в избу за родителями! Выбежали они посмотреть на чудо, а никакой коровы и нет, да и лужайки тоже. Кругом сугробы белоснежные лежат, далеко до весны желанной! А не поверить девочке нельзя, очень уж она расстроилась, что корова пропала. Да и взрослым понять надобно, откуда она взялась и куда исчезла. И тут к ним Мария заглянула. Выслушала историю и сказала, что явилось Ксении сокровище заговорённое. А ей надо было, не говоря ни слова, взять палку и легонько ударить корову. Золото сразу на снегу и рассыпалось бы! Ведь оно в образе коровы на солнышко погреться из глубин земных выходило. А сейчас неизвестно куда провалилось. Разве что заговор может помочь отыскать его. И ведунья прошептала волшебные слова: «Заря-зоренька, зорька ясная, укажи ты мне путь-

дороженьку к кладу-золотцу, что лежит в местах мне неведомых, за бугром-холмом средь долинушки». Может быть, клад до сих пор лежит на прежнем месте и ждёт, что найдётся храбрец и выкопает его. А заговор вы уже знаете....

Проделки нечистой силы

Больше всего нечистая сила любит тёмное время суток, когда под прикрытием ночи творит она свои недобрые дела, или просто безобразничает и пугает беспечных полуночников. А если застанет путника ночь в нехорошем месте, то беда! Ступишь, ненароком, на след чёртова копыта, и долго будешь болью в ноге маяться. И ни один лекарь не поможет. Останется одно – найти знахарку и травницу, которая сможет бесовскую напасть одолеть. Но не каждая из них возьмётся за такое дело – очень уж начинают черти по ночам беспокоить, ломаясь в избу через окна и подполье, кривляясь и пугая страшными звуками, и даже пытаясь своими острыми рожками угол дома поддеть. Свят, свят, свят....

В одну из зим младшая дочь бабы Маши Рая вышла замуж в деревню Малый Шудум. Приехали они с мужем Иннокентием на худой лошаденке за приданным в дом родительский. Уже в сумерках погрузили в сани пару овечек со связанными ногами, подушки с периной и другой нехитрый скарб, и затемно в обратный путь тронулись. Когда, проехав мимо сельского кладбища, свернули на дорогу, ведущую к деревне Тимаево, в морозном воздухе послышался весёлый перезвон бубенцов – навстречу им неслась тёмная повозка, запряжённая в тройку вороных лошадей. Едва успели свернуть на обочину, чтобы пропустить её и не столкнуться! В санях было много седоков, которые громко разговаривали,

смеялись, и светили по сторонам фонарями, свет которых так ослепил молодожёнов, что ничего и никого разглядеть им не удалось. «Почта, видимо, припозднилась», – подумали молодые и дальше поехали. Вдруг через какое-то время «почта» повернула обратно и очень скоро обогнала их. А потом ещё и ещё раз. В отличие от их неторопливо бегущей лошадки разудалая тройка проносилась мимо словно ветер, с ног до головы обдавая их снежной пылью. И всё также разносился окрест звон бубенцов и громкий смех, а неведомые пассажиры жёлтыми фонарями светили во все стороны. Когда перепуганные путники, творя Иисусову молитву, подъезжали на такой же испуганной лошадке к Тимаеву – пехухи запели, и бесовская тройка, в очередной раз нагонявшая их, исчезла, словно её и не было. Тихо и спокойно стало вокруг. И ярко-ярко засверкали на небе звёзды – Небесная дева Юмоньдэр вышла пасти своё звёздное стадо.

Огненный змей

Не раз в наших краях змей огненный людям являлся. То показывался в форме большого искрящегося шара над дорогой, ведущей от деревни Лужанка до деревни Марийская Толшева. То пролетал над селом в виде снопа, горящего огнём негаснущим. А называли его по-разному: Вогленный, Толувер, Огненный Змей. Если полюбит Вогленный девицу, то прилетит к ней ночью через печную трубу и предстанет перед ней молодцем красоты неписаной. «Не любя полюбишь, не хваля, похвалишь», – говорили раньше о таких. А покинет её змей – зачахнет дева в тоске и кручине, света белого не видит, сушит, сушит себя, сердешная. И никто не возь-

мётся такой девицы ни отчитать, ни заговорить, ни отпоить.

Раз одной вдове по имени Маня Петиха, сильно затосковавшей о погибшем на войне муже, огненный сноп через трубу в избу влетел. Рассыпался перед ней и обернулся мужем её, таким как при жизни – и лицом, и фигурой, и одеждой – не отличить. Обрадовалась жена несказанно и с той поры повеселела. Долго соседи понять не могли, что же с ней случилось? А потом заметили, как в темноте светящийся сноп, от которого искры во все стороны разлетаются, прямо на крышу её избёнки слетает. Как-то вдова радостной вестью с бабой Машей поделилась, которая сразу смекнула, что за «муж» прилетает к ней по ночам, но прямо ничего не сказала, а научила женщину уронить что-нибудь под стол, когда угощать будет дорогого гостя. Вдовица так и сделала: уронила, будто случайно, ножик, и когда полезла за ним, то увидела у «мужа» вместо ног копыта, а выбравшись из-под стола, и рожки в волосах разглядела! Перекрестилась несчастная и молитвочку запела, а нечисть крестного знамения с молитвами очень боится. Закружился Вогленный юлой, завизжал поросёнком и вылетел в двери, которые сами собой распахнулись перед ним. А потом так ударил по углу дома, что стены задрожали, снег скатился с крыши, и стёкла во всех окошках треснули. На следующий день спозаранку прибежала Маня Петиха к бабе Маше, узнать, как же Вогленного больше в дом не пускать. И бабушка ей подсказала: перед тем часом, как змею быть – насыпать на загнеток снегу, собранного в крещенский вечер. Как будет змей поганый в трубу спускаться – тут же и найдёт гибель свою. Так и было сделано. И незванный гость с тех пор перестал тревожить женщину.

Удивительно, но однажды огненный змей добрую службу людям сослужил. Дочка бабы Маши Рая была ещё отроковицей, когда вместе с подругой, такой же проказницей, забралась за яблоками в сад к сельскому кузнецу. Чужие-то яблоки всегда слаще своих! Услышал мужик, что кто-то его яблоки ворует и зашумел, заругался, что знает, мол, кто по чужим огородам шастает и всё родителям их расскажет. Испугались девочки и побежали из сада – только пятки босые засверкали! И стало им очень стыдно перед кузнецом, а ещё больше перед родителями за свой поступок. Лучше сквозь землю провалиться или сгинуть в чужой стороне, чем с таким позором домой вернуться – решили юные воришки, обливаясь слезами раскаяния. И побрели к чернеющему вдали лесу. Только прошли березник, как откуда ни возьмись, со стороны Поломки огромный огненный шар появился и в их сторону над полем льяным полетел, рассыпая искры. Испугались девчушки пуше прежнего и, не разбирая дороги, домой побежали. А дурные мысли мигом из отчаянных головушек выветрились! С той поры на чужое уже не заглядывались.

Кереметище

В старину жители нашего края православия не знали, но у народа мари была своя вера, свои боги и священные рощи – храмы под открытым небом, где они и молились. Священная роща или кереметище – это «божий лес», где запрещалось трогать даже поваленные деревья и топтать траву. Это заповедное место, где обитает дух-Кереметь. На вершине Толшевинского бугра, в сторону деревни Вершаки, до нынешних времён сохранилось древнее мольбище – небольшой круглый лес посреди поля, который по неведомой причине за свои гра-

ницы не разрастается. Давно никто не молится под сенью старых деревьев, не участвует в жертвоприношениях. Никогда здесь не ступит нога охотника или грибника, никто не ломает ветку и не сорвёт цветочка, а лесную чащу не потревожит эхо ребячьих голосов. Строго соблюдается запрет предков не беспокоить сакральное место. Словно застывший памятник язычеству возвышается черемисская святыня, с немым укором взирая на окрестности, издали видимая путнику, с какой бы стороны он не шёл.

...Ходили наши предки в священную рощу только чистыми, помывшись в бане, и надев белую одежду из домотканого холста. Брали с собой особо испечённые хлеба с узором, блины марийские-команмелнӓ, мёд и домашнее пиво из солода и свёклы, и жертвенных животных, чаще всего белой масти. На поляне обрызгивали барана, быка или гуся водой, если вздрогнет живность, стяхнёт с себя брызги, значит, Кереметь принимает жертву. Если же нет, то обряд на другой день переносили или другое животное «предлагали». Шкуру, кости, перья, рога и внутренности в огне сжигали. А мясо в огромных котлах, подвешенных на жерди, на кострах жертвенных варили. После этого во главе с жрецом-картом молиться начинали, становясь на колени, кланяясь всем телом до земли и воздевая руки к небу. А потом принимались за трапезу. Полагали крестьяне, что во всех полях и лесах, оврагах и водоёмах, избах и других постройках обитают свои божества. Поэтому и умиловить их старались, принося жертву покровителю рода-Кереметью. Весной на молениях просили Великого Бога Кугу Юмо и Богиню земли Влӓнтӓ-Ӓвӓ, Бога полуденного солнца Кецӓ-Юмо и Бога ветра Мардыж-Юмо от засухи и болезней посева защитить, обещая по-

сле уборки богатые жертвы. А осенью за урожай благодарили, о здоровье и благоденствии родных молились, ничуть не сомневаясь, что усердные молитвы и щедрые дары доходят до божеств. Сильна была вера мари в могущество природы, поэтому всегда с великим почтением совершали они свои обряды и соблюдали обычаи.

Но кроме кереметища, у каждой семьи в давние времена было своё сакральное дерево – берёза, липа, дуб, рябина или ель, возле которых также молились и приносили подношения. Деревья воспринимались как живые существа, покровители рода, хранители жизненной силы. Марийцы считали, что священное дерево связывает людей и богов. Корни – это мир предков, ствол – мир людей, а ветви – мир покровителей, которыми управляет Куго Юмо. Верили наши предки, что все растения и деревья речь человеческую понимают.

Одно из священных деревьев росло в Покровке сразу за огородами, где начинался березник. Это была огромная древняя ель, с широкими нижними ветвями, которые словно исполинские руки тянулись к её макушке. Даже в ясный солнечный день мрачной и зловещей казалась она сельчанам. И все старались подальше обходить дерево, боясь даже ступить в его тень. Говорили, что по ночам к ёлке местные колдуны ходят, просят злого Кереметя на людей и животных болезни и напасти насылать. А Кереметь их жертвы принимает, просьбы выполняет. Много недоброго в округе случалось, а спилить жилище коварного Кереметя никто не решался. Тяжёлой болезнью или беспамятством могла обернуться для нарушителя запрета даже сломанная еловая ветка. Как-то раз один молодой человек, посчитавший, что все беды у него от чьего-то колдовства, прибежал к ёлке с топором, и громко крикнув: «Пропади, Кереметь!» – изо

всех сил по стволу ударил. Отскочил топор, даже кору не поцарапав. Тогда он второй раз ударил – то же самое. И в третий раз ударил юноша.... Сорвался топор с рук и в ногу его вонзился. А на стволе заповедной ели алая кровь выступила...

Много лет прошло с той поры. Сказывали, что однажды во время грозы в дерево молния ударила, и стало оно потихоньку засыхать. А ещё по ночам какой-то хромой мужик носил к нему вёдра с солёной водой и под корни выливал. Как было на самом деле, неизвестно. Но ёлка высохла. И долго ещё высилась тёмной громадой на фоне белоствольных берёз, всё так же воздевая свои засохшие костлявые ветви к небесам. А потом на землю рухнула. До сих пор лежит покрытый лишайником священный ствол на том месте, даже после своей гибели наводя ужас на прохожих. Можете и сами посмотреть.

Иван Кугуза

Так бы и оставались маришцы до сих пор язычниками, продолжая поклоняться Матери-природе, солнцу и воде, божествам и духам, но после многочисленных «черемисских» войн Марийский край был присоединён к Российскому государству, а народ мари обращён в веру православную.

Как-то раз крестьянин из Кäkшән-Мари (село Шапта) по имени Иван Кугуза собрался в лес принести жертву покровителю рода Кереметю. По пути к заветному месту показался вдруг Ивану среди деревьев свет необыкновенный. Испугался мужичок, но все-таки подошёл поближе и увидел – исходит сияние от иконы православной. Это был образ Покрова Пресвятой Богородицы. Понял Иван, что пора ему оставить языческие

обряды и веру новую принять, что он вскоре и сделал вместе со всем своим семейством. А на месте чудесного явления иконы срубили жители села небольшую часовню. Потом в селе выросла деревянная церковь. А со временем возвели и каменную. Трёхпрестольный Владимиро-Богородицкий храм назвали в честь самой почитаемой и самой древней русской иконы – заступнического образа Богоматери Владимирской. Уже больше века на высоком шаптинском бугре стоит прекрасная белая церковь, с устремлёнными к небу синими куполами и крестами – хранительница веры православной. А кирпич на строительство храма в овраге у небольшой речки Шудумки между деревнями Новосёловка и Комаровка выделывали. Но, даже став христианами, мариинцы свои обычаи и традиции не забывали, потому что всегда чтили предков и их древнюю веру.

Прасковья

Жили-были когда-то в нашем селе три сестры, Дарья, Евдокия и Прасковья, рано оставшиеся без родителей. Пришла пора, и старшая Дарья вышла замуж в деревню Лужанка, а Евдокия с мужем Григорием из деревни Кирымбаево и сестрицей Прасковьей остались жить в родительском доме. Когда началась война с фашистским врагом, проводили старшие сёстры мужей на фронт, а повзрослевшую Прасковью на оборонные работы в далёкую Москву. Долгих два года не было весточки от младшенькой, но однажды в морозный зимний день сёстрам страшная весть прилетела – погибла Прасковья на работах, попав под поезд, а сыночка её маленького в приют детский сдали. Оставив троих деток на Евдокию, а дом на соседей, собралась Дарья в дальний путь. На похороны она не успела, но в бараке, где

жила Прасковья, отдали ей вещмешок и документы сестры. С Божьей помощью неграмотная и никогда не бывавшая в городе женщина сумела отыскать приют и трёхмесячного Витеньку увидела. Но забрать его с собой не решилась – слишком долгую и трудную обратную дорогу предстояло осилить, а младенец был ещё очень мал.

Вернувшись домой, положила Дарья тяжёлый вещмешок в чулан, так до сих пор и не заглянув в него. Много забот накопилось, и уставшая, измученная горем Дарья, забыла о привезённой из города поклаже. Но.... она напонила о себе сама. Вечером, покормив детей нехитрой снедью, уложив их спать, помолилась Дарья перед иконами о муже своём – воине Михаиле, о любимых сёстрах и деточках, и в крепкий спасительный сон провалилась. Но среди ночи проснувшись от смутного беспокойства, вдруг услышала в тишине, как за стенкой в чулане кто-то ходит. Явственно и громко звучали чьи-то шаги. Страшно стало Дарье, но не было сил встать и прогнать воров. Перекрестилась и снова уснула. А в наступивший день даже не вспомнила о ночном происшествии. И снова после полуночи Дарью шаги в чулане разбудили. И были они ещё громче. Вспомнила Дарья прошлую ночь, зажгла свечу и, решительно взяв в руки ухват, направилась в чулан. Но там никого не было. Всё лежало на своих местах. И тут взгляд Дарьи остановился на вещмешке Прасковьи. «Завтра разберу вещи», – прошептала Дарья и в избу вернулась. А днём, развязав мешок, увидела в нём валенки Прасковьи, с отрезанными поездом ногами. Поняла Дарья, что будила ночами Прасковья, чтобы валенки быстрее обнаружили, и ноженьки её похоронили. Что и сделали вскоре сёстры. А

Витеньку долго искали после войны. Но смогли узнать лишь о том, что усыновили его в Москве хорошие люди.

Семён и Ксения

Когда Семён женился на первой в округе певунье и рукодельнице Ксении, надумал он строиться по соседству с родительским домом. Глубоко в душу ему запали слова свадебной гостьи (сўян-вāты), когда она, протянув молодым рябиновую ветку с кистью спелых рубиновых ягод, озорно улыбнувшись, пожелала: «Пусть деточек у вас народится столько, сколько ягод на этой веточке!». Как тут не задуматься о своём гнезде? Во всём Семёну помогала работающая и сноровистая жёнушка. Однажды, расчищая участок, наткнулась она на поваленный ствол вековой берёзы и начала его топором от веток очищать, чтобы потом с Семёном на дрова распилить. Тут откуда-то Ошвуй-кова (старушка-Светлая голова) – деревенская знахарка родом из-под Шаранги, где издавна рождались люди силы, появилась, и укоризненно покачав головой, проговорила: «Эх, поторопилась ты, молодушка, с берёзой. Не надо было трогать её до поры...». И ушла, ничего не объяснив. Поняла Ксения, что берёза была священной, но, отогнав тревожные мысли, продолжала трудиться....

Родились у них четыре дочери, следом сыночек долгожданный Василёк, которому суждено было прожить на белом свете только тридцать дней. А потом милостивый Бог ещё троих сыновей и двух дочек дал. Необыкновенной доброты и душевной щедрости Ксении хватало на всех: на своих ребятишек и соседских, на нищих и юродивых, на стариков и немощных. Скромная и терпеливая, каждому находила она ласковое слово и добрый совет, помогая, чем могла, творя явные и тай-

ные милостыни. И все в округе любили её, старались ответить теплом и заботой. Освещая добром и светом своей души тяжёлые крестьянские будни, о своих бедах она никогда не говорила, никому не жаловалась на съедающую её болезнь, смиренно принимая недуг, как наказание за когда-то потревоженную берёзу. Предчувствуя скорый свой уход, об одном молила Господа – дожждаться из армии сына старшего Колюшку. А когда пекла в русской печи ржаные пирожки с мясом, всегда выносила один с пылу-жару на улицу и, переломив его, оставляла повыше на изгороди. И просила попутный ветер запах свежее испечённой домашней выпечки до сыночка донести, чтобы не голодно и не тоскливо ему было в пустыне монгольской....

Сильно горевал Семён, сокрушаясь, что не всегда берёт жену, и было бы совсем худо и ему, и детям, если бы не помощь Евдокии Фёдоровны, матери Ксении. Была у солдатской вдовы Ксеньюшка любимым и единственным ребёнком. В повседневных хлопотах об осиротевших внуках находила баба Дуня утешение, до самой своей смерти оплакивая дочь. И благодаря её жертвенной любви и неустанной заботе, золотым рукам и сердцу смогли ребятишки пережить чёрное горе.

Выросли Семёновы дети, разлетелись по свету, как птенцы из гнезда. Остался он один с верным псом по кличке Рыжий. Всё также скотину держал, огород по весне сажал. Как в прежние годы, словно для большой семьи. По-другому не мог и не хотел. А дети его каждое лето навещали, помогая и с сенокосом, и с уборкой урожая.

Как-то раз, коротая в одиночестве зимний вечер, Семён, управившись с делами, собрался спать лечь. Выключив свет, занавеску отдернул, и в окно посмотрел,

тут же замерев от представшей ему на небе картины: среди раздвинувшихся облаков стоял покрытый белоснежной скатертью стол, уставленный всевозможными яствами, за которым мужи благообразные в длинных белых одеждах восседали. А по центру стола на высоком троне сидела прекрасная величественная Дева в красивом богатом одеянии, и украшенной драгоценными камнями золотой короне на голове. Протёр Семён глаза, отошёл от окна и снова посмотрел – никуда не делось видение. Всё также Царица потчевала гостей, спокойно текла беседа за трапезой, но голосов Семён не слышал. Дольше получаса не отводил Семён глаз от чудесного явления, вспоминая знакомые с детства молитвы Царице Небесной – Божьей Матери. А потом, боясь за свой рассудок, задёрнул шторку, бормоча: «Мне ли недостойному и грешнику окаянному предназначалось божественное видение?»....

Вспомнил Семён в эту ночь всю свою долгую жизнь. Как в первые военные зимы голодным двенадцатилетним мальчиком через бесконечные дикие леса возил на гнедой кобыле зерно на станцию Шахунья. Как подростком учился в школе ФЗО (фабрично-заводского обучения) и стоял у станка на заводе в городе Кирове. А потом, отслужив три года под Москвой в армии, уехал в прибалтийский город Ригу, где пять лет на заводе автомобильном отработал. Но, не прельстившись городской жизнью, в село родное вернулся и сорок лет трудился в мастерских колхоза «Победа», ремонтируя технику, мастеря железные, жестяные и деревянные изделия односельчанам. Вспомнил о вечёрке, на которой встретил Ксению и о том, как прожил с ней тридцать лет и три года. Как поднимали они девятерых детей, стараясь, чтобы выросли они честными и трудолюбивыми людьми.

ми. Как среди каждодневных забот, умудрялся он находить время и силы на любимую рыбалку.

«Видно не все ещё я пережил в этой жизни, не до дна испил свою чашу. Грядут мне новые испытания...», – подумал Семён, когда на следующий день, осторожно расспросив соседей, осознал, что видение было явлено только ему. Об увиденном чуде поведал он своим детям незадолго до смерти, когда они, один за другим, вместе со своими детьми приезжали навестить заболевшего отца. Смолоду горячий и несдержанный, любивший крепкое слово, достойно и смиренно переносил Семён выпавшие на его долю страдания. Ни единого грубого слова, ни малейшей жалобы не услышала от измученного коварным недугом отца ухаживающая за ним дочь Нина. На руках у дочери он и перешёл в мир иной, исповедавшись накануне и причастившись святых Христовых тайн.

Закон вечности

Больше века назад была открыта в селе Шапта церковно-приходская школа, в которой учились дети крестьян даже из дальних соседних приходов. Когда-то из старинной деревеньки Пески ходила в неё и девочка Маша, старательно обучаясь церковно-славянскому языку, Закону Божьему, арифметике и пению псалмов. В отчем доме незаметно пролетели детство и юность Марии, и вышла она замуж в уже знакомую ей Шапту, всем сердцем полюбив родину своего мужа Павлуши. Сложил Павел голову в бою с фашистской нечистью в чужом краю за тридевять земель. И осталась Мария одна с детишками Глафирой, Семёном и младшей Раечкой, которую родила в начале войны во время жатвы, на ржаном поле. А двоих деточек, умерших от недоедания

и хворобы, ещё до войны схоронили. Так и будет у неё перед глазами: сидят на подоконнике малютки Коля и Ира в холщовых рубашечках и глазёнок своих от дороги не отрывают, ждут, когда брат с сестрой из школы придут и «божий» хлебушек (юмо-кинты) принесут. Выдавали в эти голодные годы ученикам по небольшой хлебной пайке, которые, отрывая от себя, Семён и Глафира приносили домой младшеньким, рассказывая, что это Боженька им хлеб послал.

Много времени прошло с тех горьких лет. Выросла Мария Якимовна детей и успела порадоваться двенадцати внукам, которым с неизменной ласковой улыбкой рассказывала библейские истории и свои непридуманные сказки, а временами грустно шутила: «Когда не захочется с устатку пригубить красного вина, и не поманит к себе батюшка – лес, тогда и настанет пора уйти в мир иной, к родителям – маменьке и тятеньке». А на жизнь никогда не жаловалась, искренне в Божий промысел веруя, и на милость Христову уповая. Тому же и детей своих учила. Не стало мудрой бабушки, а сказки её живут. И знают их уже двадцать правнуков, пятнадцать праправнуков и даже две прапраправнучки. И дай Бог, чтоб не прервалась эта невидимая ниточка, связующая поколения, чтоб игрались свадьбы, рождались дети, и слагались новые сказки. А могилу воина Павла через семьдесят лет после войны внучка Марии в далёкой Польше отыскала. И покуда жива благодарная память о предках – будет жить народ. Это и есть непреложный закон вечности.

***

О, древний мой языческий народ!
О, Русь моя! – Два древа, два причала!
В моей судьбе, переплетясь, живёт

Два языка, две песни, два начала.

Не полукровка – дочь твоя, мари!
Мне наша речь досталась по наследству.
Не от того ль, волнение в крови
От зрелища языческого действа?

О, сколько раз над верою твоей
Взлетал топор, и обагралась плаха....
Ты выстоял. Лишь делалась белей,
С искусной вышивкой марийская рубаха.

Родство людей – основа из основ
Скрепляется узором двусторонним.
Пусть потайных нам не искать узлов,
И брат сестре не станет посторонним.

И потому не взвесить на весах
Любовь к Христу и Матери-природе.
С молитвой православной на устах
В священной роще я молюсь о роде.

Олег Александрович Нехаев

ЕЙНЫМ ХВОСТОМ В ИХНИЕ ХАРИ

Вадим Чарышев, после окончания московского пединститута, сам решил поехать в Сибирь. Захотелось романтики и «жёсткой прозы жизни». Давно мечтал пожить в краю, про который разудало говорилось в одной присказке, которую он часто повторял про себя: в Сибири золото гребут лопатами, а соболей берут ухватами.

Прочитал в газете, что учителям в Приангарье предоставляют жильё и ссуду на обустройство. Созвонился и отправился в путь. Только не догадывался он, что местом его работы станет не просто далёкая провинция, а глухомань из глухоманей. Настоящий медвежий угол.

В Красноярск он приехал на поезде. А дальше, в райцентр Кежинск на Ангаре, добраться можно было уже только по воздуху. Никаких наземных дорог туда не существовало. И от этого ему стало тревожно и муторно.

Небольшой самолёт L-410, который пассажиры называли «чебурашкой», перед посадкой начал плавный разворот над рекой. Красота, открывшаяся с высоты, заморозила Чарышева. Ничего подобного он ещё не видел.

Ангара здесь была неоглядной. В её размашистом просторе отражалось всё небо. Без остатка. Со всеми облаками, с пролетающими чайками и золотистым солнцем. Казалось, что в этом речном приволье могла отразиться и вся Вселенная. Ещё бы и место осталось. «Вот это Ангара, так Ангара! – восхитился Вадим. – Вот она, оказывается, какая Сибирь!»

И тут же возле каменистого уступа он увидел отсвечивающее дно. Вода была настолько прозрачной, что даже на глубине он рассмотрел красноватые камни и длиннющие пряди зеленоватых водорослей. Дальше вода становилась бирюзовой, затем, после сверкающей серебристой ряби, она заиграла яркой синевой с голубым отливом.

Кто-то из пассажиров, за спиной Вадима, громко произнёс басовитым мужским голосом:

– Смотри-смотри, вон, тама! Тама Малиновая протока виднеется. Видишь? Ох, и рыбное это место... Харюза тама как лапти... А щуки – вот такенные тама... Ага! Они уток ловят как крокодилы. Сам видел: цап изпод воды, и нету утки! – и, поняв, что его слушают рядом сидящие, голос сзади зазвучал ещё громче и увереннее. – Представляешь, если б прямо тама для баб наших пляж устроить?! Ага! – и он начал залиристо смеяться. – Вот бы эти живоглоты зубастые бабам-то нашим враз бы некоторые их удлинения поукорачивали! Представляшь?! Я правильно говорю, Матвейч? – обратился он, забавно хихикая, к кому-то за поддержкой.

– Дак, оно ж если б и прям такое было... – раздался чей-то восторженный мужской голос. – Я бы туды вперёд всего тёш-шу свою на моторке сразу б повёз. Ну а потом... Потом я бы...

– Ох, как расшаперился-то! А?! – игриво всплёрнула руками пожилая женщина, сидевшая напротив. – Крякашь тут как селезень весенний! – и она сразу же победоносно добавила. – Тока не тебе-то тут крякать! У тебя ведь, как на охоту идтить, так завсегда собаки не кормлены.

Грузная тётка в косынке, сидевшая в левом ряду, громко прыснула со смеху. А вслед за ней захохотал и весь самолёт.

– Только сначала гу... – вновь попыталась что-то выкрикнуть тётка, уже безудержно гогоча и попискивая. – Гу... гу... Сначала гу... гулящих мужиков надоть в потоку эту запустить! Чтобы им, паразитам этим, вперёд нас кое-чего поот... – хохотнула она и, подняв руку, потешно завибрировала маленьким мизинчиком... Кое-чего там поотчикивали, – и она так зашлась от веселья, глядя на собственный палец, что дальше изъяснялась одними только междометиями.

Хохот в салоне стоял уже такой, что перестал быть слышен рокот двигателей.

– Вот змея, так змея! – вновь зазвучал басовитый голос сзади. – Это же надо так над мужиками изгаляться! Я-то ведь ваши длинные языки имел в виду! А ты, «гу-гу-гу», про что это там сейчас сбуровила? А?! – и он тоже стал безудержно гоготать.

Самолёт нёсся по полосе, и Вадим уже не понимал: трясся он от задорного смеха или от неровностей бетонных плит. Но ему было хорошо. Хорошо от того, что ещё в красноярском аэропорту пассажиры этого рейса помогали друг другу. Общались между собой словно близкие родственники. Он сразу почувствовал необычность их отношений. Что-то было в этом неизданное, но в то же время такое своё и притягательное, что ему захотелось жить среди этих сибирских людей, которых называли по-особенному – ангарцами. Но примут ли они его к себе?

Проделанный путь уже был для него грандиозным путешествием, но оказалось, что «его» школа находилась не в Кежинске, а ещё дальше – на две сотни кило-

метров вниз по реке, в деревне, которая «романтично» именовалась Косая Шивера.

Почему-то именно это название сразу скрябнуло, как железом по-стеклу. Сразу вспомнилось, как однокурсник Юрка Прокушев, назвал его поездку в глухомань «мышеловкой для романтиков» и пояснил, что вернуться обратно у него уже никогда не получится.

В Косой Шивере Чарышеву, как и обещали, выделили для проживания половину дома. Выплатили «денежные подъёмные» и, до холодов, посоветовали основательно «обжиться».

Он ожидал своих первых уроков, как взлёта к новой жизни. Но прошло всё обыденно. Буднично. Ничем не удивили его и последующие сентябрьские дни. Ученики, поспрашивав вначале о московской жизни, быстро потеряли к нему интерес. Задания на дом, которые он давал, почти никто не выполнял, потому что на селе было горячее время и детей всюю привлекали к другим домашним работам: копать картошку, собирать бруснику и клюкву, ловить рыбу, бить кедровую шишку, солить грибы, квасить капусту... На не обзавёдшегося хозяйством нового учителя, шиверские аборигены смотрели с пренебрежением, как на пришлого бездельника.

Поэтому, когда директор Бабашкин предложил поставить школьный «спектакль по какой-нибудь весёлой истории», он обрадовался. Будет при деле, да и с людьми познакомится, потому что понадобится помощь родителей. Ещё директор посоветовал ему обязательно сходить к местной сказочнице, бабке Гаше, чтобы «приобщиться к народному творчеству». Правда, предупредил, что чужаков она не жалует и может послать куда подальше.

Вот к этой бабке Вадим и планировал зайти вечером. Но его «приобщение» неожиданно началось намного раньше. Уже утром он попал впросак в прямом и переносном смысле. Причиной этого как раз и стало это самое «народное творчество». А если быть точнее, то здешний ангарский говор. Вернее – его незнание.

Готовясь к зиме, Чарышев обил войлоком дверь в доме. Подправил печку. А чтобы замазать трещину на трубе, отправился на Красный яр за «самой лучшей глиной».

Чтобы добраться до этого места, нужно было переплыть через небольшую речку Каменка. С одной стороны к ней подступала обширная луговина. С другой – огромные кедры и сосны. Тайга была светлая. С брусничными полянами и островками оленьего мха. А нужная ему глина находилась возле каменистого уступа, за которым начинались красновато-охристые яры, видные издалека.

За лодкой ему посоветовали обратиться к Степану Луговскому, жившему на отшибе села, за небольшим распадком, прямо на берегу Каменки.

Дойдя до самой окраины, за густым ельником, Чарышев увидел одинокий дом. В огороде копался мальчишка в светлой косоворотке. Он выдёргивал из земли морковку и складывал её в ведёрко. Чарышев поздоровался. Мальчик еле слышно поприветствовал и опасливо на него посмотрел.

– Папу позови, пожалуйста, – попросил Чарышев, как можно доброжелательнее.

Мальчишка помолчал, а потом сбивчиво и настоятельно ответил:

– У нас нету папы.

Чарышев замялся, но тут же вспомнив о необычном обитателе, который по рассказу шиверцев, должен был находиться в этом семействе, спросил:

– А косулю посмотреть у вас можно?

Мальчик, почти шёпотом произнёс:

– У нас нету никакой косу... – он засмутился и совсем замолчал, глядя на него широко открытыми глазами.

Чарышев, подумав, что ошибся домом, зашагал по дороге дальше. Но дальше была тайга. Первозданная. С кедрами и елями. С зарослями малинников по обочинам.

Он прошёл несколько десятков метров, огляделся и стал быстро возвращаться обратно. Догадался о своей оплошности. Ошибка была языковая. Чарышев старательно приноравливался к особенному сибирскому лексикону, и всё ещё никак не мог приноровиться.

В огороде их было уже двое. Возле мальчишки стояла с лопатой девочка в сарафане. Она смущённо с ним поздоровалась и уважительно поклонилась.

– А тятя дома? – спросил Чарышев.

– На реку ушёл. Он там лодку смолит. Скоро вернуться должён, – обстоятельно ответила девочка.

– А козу вашу посмотреть можно?

Мальчик посмотрел на сестру. Та кивнула, он обрадованно закричал: «Сейчас!» и помчался к сарайчику.

Красивая таёжная козочка – так здесь называли косуль – вышла в огород и, сделав два грациозных прыжка, остановилась сбоку от девочки.

– А я в школе что-то вас не видел? – удивлённо спросил Вадим.

– В этом году тятя запретил... – начала пояснять девочка и сразу замолчала.

И тут же сзади на плечо Чарышева властно опустилась тяжёлая мужская рука, и кто-то требовательно спросил:

– Ты что здесь забыл?!

Он вздрогнул и, обернувшись, увидел перед собой крепкого огнебородого старичка-бородача. На две головы выше его. Широкого в плечах. В холщовой рубаше, подпоясанной полотняным ремешком.

Чарышев, пояснил цель прихода, и дедок сходу повёл его к реке.

На берегу стояли несколько деревянных лодок-илимок. Одна из них, была перевёрнута вверх дном. Над костром висело ведро. В нём пузырилась чёрная жижа. Дедок зачерпнул ковшиком горячую смолу и стал поливать ею нос илимки, разравнивая потёки берёзовой лопаточкой. Не отрываясь от дела, разрешил Чарышеву взять любую из лодок и, указав на них рукой, стал заботливо пояснять:

– Вот эта, ближняя, тяжела на ходу, из сосны сделана. А та, самая дальняя, из ёлки. А эта из осины. Легка очень, но шибко уж бегуча, – и тут же спохватился, увидев, как в ведре высоко запузырилась закипевшая смола.

Чарышев без раздумий выбрал самую бегучую лодку. Столкнул её с берега и поплыл, со всей силы налегая на вёсла. Вода с шумом забурлила под носом лодки. Его рубашка запарусилась от набегавшего ветра.

Тонуть он стал почти сразу. Из всех щелей вовсю бежала вода. На берег Чарышев выскакивал, мокрый по самую щиколотку. Дедок подскочил к нему и без всякого сочувствия, возмущённо набросился:

– Ну, я же тебе сказал, что она – бегущая. Самая дырявая здесь из всех. Ты пошто, дурья твоя башка, взял и схватил её. Глухой что ли?! Или русского языка не понимаешь? Ох и чудной ты, паря! – дедок закричал и погладив бороду, задумчиво спросил. – Пстой-ка, а не ты ли, учителем новым будешь?

Чарышев, смущённо кивнул, будто провинившийся мальчуган. А надо сказать, что в чертах его лица всегда было что-то такое, что одновременно подчёркивало строгую серьёзность и недоступность, но в то же время говорило о его какой-то детской наивности и искреннем простодушии. И этого простодушия было столько, сколько могла вместить его распахнутая миру душа. Даже когда он обижался, то обижался вовсе не на окружающих, а исключительно на себя.

Со второй попытки Чарышев всё же набрал глины. Переправившись обратно, поблагодарил за помощь дедка. Тот, помяв в руках глину, недовольно скривился:

– Не ту взял! – и раздосадованно махнул рукой. – Вот и получается, что всё оно одно к одному. И учителя прислали к нам какого-то причандалистого. И школа у нас, как чужовка.

– Какая у нас школа? – непонимающе спросил Вадим.

Дедок недовольно зачмыхал и еле слышно пробормотал:

– Чужая, значит. Потому что как в кутузке всё у вас там. Учителя над детьми властвуют, как жандармы. А ребёнок, если и раб, то только божий, а не ваш. Вот у нас, к примеру, у староверов, сызмальства никто к детишкам не обращается, как к Манькам, Петькам, Ванькам... Только полным именем называют или ласкательно. К каждому по любви и по уважению. И к Богу, и к

человеку. А у вас во всю по фамилиям кличут. Сразу приучают к бесправному пренебрежению. А к памяти предков так нельзя относиться.

Чарышев уже был наслышан о староверах. Жили они на особицу. Их дети, хоть и ходили в школу, но с ними уже не раз случались конфликты, после которых учеников в классах не досчитывались. Возвращали их угрозами и увещеваниями.

Дедок, глядя на молчавшего Вадима, продолжал своё наступление. Его недовольство пузырилось, как горячая смола:

– Вы без памяти живёте. А у нас каждый свой род до седьмого колена помнит. И не только по имени, но и по отчеству. Потому что в отчестве не только отец поминается. Через него и ко всему Отечеству нашему уважение проявляется.

Закрапал дождик. Крупные капли стали бить по листьям. Те вздрагивали, пружинили.

Дед предложил Чарышеву перейти под крышу сарайчика-самоловника. Увидев, выглянувшую с угора внучку Машу, попросил её принести морсу. Пока шли, дедок начал размеренно рассказывать:

– Недавно в одном жизнеописании прочитал, как царь Николай Первый сплоховал однажды и свою гордыню вперёд себя выставил. Слышал про историю с солдатом?

Чарышев отрицательно покачал головой.

– Царь тогда ещё совсем молод был, неопытен, – старовер кивнул Вадиму. – Ему, наверное, тогда столько же лет было сколько и тебе сейчас. Ну, и поехал, значит, царь по осени проверять один из своих гвардейских полков. Любил он это дело. Обошёл строй и вдруг, видит, в начале стоит солдат чем-то похожий на него, да и

ростом почти вровень с ним. А Николай был высоченным, ещё повыше меня. Спрашивает, смеясь, этого солдата: «Ты, служивый, не родней мне, случайно, будешь?» Присутствующие офицеры тоже одобрительно засмеялись. Шутка царя пришлась всем по нраву. А солдат возьми да и скажи на полном серьёзе: «Так точно, ваше величество, самая ближайшая вам родня!» Царь мгновенно разъярился. Глазами засверкал. «Ты что ж себе позволяешь, солдат! – выкрикнул возмущённый император. – Какая ты мне – «родня»?!» И тут же даёт команду, чтобы строго наказать солдата за дерзость, да и выпороть его до смерти. А тот бесстрашно вновь голос подаёт: «Истинную правду, говорю. Самая что ни на есть близкая родня, – и вслед уже уходящему царю добавляет. – Потому что Вы – отец нашей России, если о том не забыли. А я сын этого Отечества». Царь опешил, вразумился, и тут же повинился перед солдатом. Обнял его и извинился перед всеми, что сразу не признал самую дорогую родню в своей жизни.

Дождь быстро прекратился. Они сели на берегу на бревно и дед, укоризненно посмотрев на Чарышева, недовольно сказал:

– По божьему всё должно делаться...

– Вы поймите, что религия... – Вадим чуть было сходу не ляпнул об «опиуме для народа». – Мы детям должны давать знания.

– А при чём же здесь тогда образование?

– Как при чём? – Чарышев удивился непониманию деда, но тот продолжал напирать:

– Да потому что образование означает возвышение человеческое. Человек ведь создавался по образу и подобию Всевышнего. По образу! Отсюда и родилось слово это русское – образование, – он начал пояснять

вдумчиво, неторопливо. – Потому и надо человека прежде всего научить любви и размышлению, чтобы он образу Всевышнего соответствовал. А это значит, что нужно школе наперёд всего душой заниматься. Вот это-то и должно называться – образованием. Знания ведь только подспорьем духовному деланию являются. А вы чему учите?

Из сказанного этим вредным дедком Чарышев кое с чем был готов согласиться, но только без примешивания религии:

– Да поймите, что дома вы можете верить в кого угодно, но не в школе...

– Ох, как хитро у вас всё! – строго и возмущённо прервал его дедок. – Да только, выходит, из людей вы одних послушных угодников делаете. Вместо того, чтобы учить душу созидать, вы человека совсем для другого предназначаете. Он же у вас не себя, а коммунизм должен прежде всего построить. Так?! То есть позвали бабу в рай, а она вперёд себя берёт и корову ведёт. Не сподручно как-то! Корова-то она тварь бездушная, как и коммунизм ваш.

– Да нету уже давно в школе никакого коммунизма! – возмущённо выкрикнул Чарышев. – Понимаете?! Вы в каком веке живёте? Всё бога своего в школу тащите, а у нас дети сегодня на компьютеры молятся.

И он вдруг замолчал, потому что понял, что своими словами увеличивает разлад, а нужно было, если уж не согласие, так понимание. Он ведь и сам во многом сомневался.

– Я душу не отрицаю, – спокойно и неспешно начал говорить Чарышев, подперев голову руками. – Но вот насчёт бога... Хотя, может что-то там и есть, – и он мимолётно глянул вверх и задумчиво склонил голову. –

Иначе, объяснить многое трудно. Да и смысл какой тогда во всём...

– А знаешь для чего душа нужна? – тихо спросил Степан и пристально посмотрел сначала на него, потом на висевшие на стене сарайчика рыболовные снасти. – Душа нужна, чтобы человек в мире не потерялся. Пустоту-то сохранить невозможно. Всегда необходимо содержание. Ведь когда человек отходит – его прах в землю попадает и там истлевает. И только одна душа в вечность воспаряет. И жить дальше продолжает. И только тогда через неё истина жизни открывается... Мы продолжаем тех, кто был до нас. А сами продолжаемся в тех, кто будет после. Душой продолжаемся.

Чарышев никак не решался подступиться к главному. И тут вдруг почувствовал, что уже можно:

– Дети у вас воспитанные. Красивые, – начал он издали. – Но вы ведь препятствуете их развитию, не пуская в школу. Разве они скажут вам потом за это «спасибо»?

– Тут ты прав, – согласился старовер. – У каждого теперь своё разумение. Только вот дома мы учим, что Бог создал человека и Землю. А завучка ваша «дремучей дурой» дочку при всех обзывает. Говорит: «Гагарин в космос летал и никакого бога там не видал». Я пришёл к ней и объясняю, что в Библии так и написано, что из людей никто и никогда Всевышнего увидеть не сможет. Потому что Бог для человека непостижим. Заодно спрашиваю её: «Ну, и откуда же, по-вашему, появилась Земля наша?» А она мне отвечает: «Из пустоты и из пыли – так утверждает наука. Взрыв был, якобы, во Вселенной». «Ладно, – киваю и спрашиваю. – Как докажешь это. Кто видел?» Она молчит. И что, мне её тоже «дурой дремучей» нужно за это обзывать?

Чарышев засмеялся и серьёзно сказал:

– Вы правы. Когда нет доказательств, у каждого свой путь к истине.

Старовер удовлетворённо кивнул. Маша принесла морс. Чарышев поблагодарил её и предложил:

– Приходите завтра в школу. Если кто вас обидит, сразу идите ко мне. И всегда помните, что родители наши, дедушки и бабушки, зачастую знают больше нас. Вот вы и верьте им, пока не убедитесь сами в обратном.

Чарышев попрощался и зашагал по берегу. Тут же услышал сзади голос старовера:

— Завтра придут. Под твой пригляд.

Он шёл и не знал, что было больше в общении со старовером: его победы или поражения.

У причала на Ангаре увидел двух мужиков. Они сгружали с мотоцикла снасти, которые были похожи по форме на огромнейшие бутылки, сплетённые из ивовых прутьев. Каждая, высотой под человеческий рост.

С приставшего катера спустились две женщины. Пожилая, та, что была с чемоданом, осталась стоять в стороне. Другая, сходу, будто коршун, злобно набросилась на мужиков и стала грубо их отчитывать:

– Чтоб я больше ни одной морды здесь вашей не видела, – кричала она. – Обнаглели, чёртовы браконьеры! К берегу подплыть уже нельзя. Ещё стоят и ухмыляются, – и, увидев, что рыбаки не двигаются, возмущённо всплеснула руками. – Вы что не слышали: сейчас же убирайтесь отсюда со своими погаными мордами!

Чарышев был поражён таким хамством, особенно, когда узнал, что эту ругань устроила председатель сельсовета. Об этом ему сообщила приплывшая с ней женщина, представившаяся Надеждой Васильевной Чи-

гринской. Именно ей он и помогал нести тяжёлый чемодан.

– Разве так можно?! – яростно негодовал Чарышев. – Она бы, эта дама, ещё бы селёдку взяла и ейным хвостом им бы в ихние хари и ткнула, как Ваньке Жукову у Чехова. Вот и была бы тогда настоящая классика, – и заметив непонимающий взгляд Чигринской, разгорячённо воскликнул. – Да вы что, не видели?! Она же обращалась с ними, как Салтычиха с крепостными. У вас здесь во всём полнейший беспредел! Да разве может власть вот так с людьми разговаривать? Мордами их погаными обзывать? А?!

В этом месте Чигринская вдруг прыснула и стала безудержно смеяться. Наконец, вздохнув, и всё ещё похотывая, она пояснила:

– Вадим, это совсем не то, что вы подумали... Не то, – и, чмыхнув, продолжила. – Морды – это вот те ловушки для рыб, которые они выгружали, – и она вновь рассмеялась. – И «ихние хари» здесь абсолютно не при чём. А морды свои они действительно стали в наглую ставить, прямо на самом фарватере. Вот капитаны и ругаются, – она посмотрела на него с какой-то снисходительной весёлостью и стала рассказывать примечательную шиверскую историю.

Оказалось, что несколько лет назад каким-то шальным ветром занесло на студенческую практику в местный совхоз одну разбитную деваху из города:

– Дел накуролесила она здесь – выше крыши, – поясняла Чигринская. – Расхаживала по селу чуть ли не в исподнем. Волосья ей местные девки, конечно, поывдергали за всё её хорошее. А когда прощались, директор при всех ей руку на собрании стал пожимать и очень ласково так говорит: «Вилюча-привилюча ты блажница,

загрюшечка наша. Где же мы ещё теперь найдём такую?» А деваха, не разобравшись, начала благодарить и от умиления полезла обниматься с директором. Только по-ангарски он назвал её скандальной и беспутной женщиной. А та ничего и не поняла. Зато бабы наши от смеха чуть ли не по полу катались. Вот так с позором её и выпроводили из Шиверы. Здесь же на Ангаре, раньше, если девка путява была, то у неё и тела-то выше колен никто за всю жизнь, кроме мужа родимого, и увидеть не мог.

– Так-то, когда было! – сказал Чарышев, с трудом таща на горку чемодан. – Раньше, говорят, и с учителями все здоровались, и шапки перед ними снимали. А сейчас здороваются только одни ученики, да их родители. И то не все.

– Относительно вашего вывода я сделаю одно уточнение, – с явным недовольством возразила Чигринская. – Когда сюда, в Шиверу, приехал первый учитель. А им был Передереев Иван Абрамович. Ох, какой же это был человек! Так вот, с ним, совсем ещё молоденьким, поначалу никто не здоровался. Совсем! Уж такие ангарцы: к чужакам всегда относятся с настороженностью. А он вдруг взял и стал первым здороваться со всеми. С детьми. И даже с лишенцами. Так тогда здесь репрессированных звали. И переборол всех шиверцев. Гордыню свою заткнул и уважил всех. А когда наши поняли кто перед ними, так некоторые ему даже при встречах в пояс кланялись, как бы извиняясь за прежнее неразумение. А когда его забирали, как врага, где-то в году сороковом, так на берег полсела вышло провожать его. Так что поверьте мне: ангарцы люди хоть и жёсткие, приглядные, но добро никогда не забывают.

Они поднялись на угор и пошли по Большой улице. И тут начало происходить для Чарышева странное. Почти все стали здороваться с ними. И он с удовольствием раскланивался с шиверцами. Но вскоре понял, что все взоры были обращены на Чигринскую. А она лишь лёгким кивком отвечала на приветствия и подробно рассказывала своему провожатому про ангарский говор.

Оказалось, что ещё до войны этот коренной русский язык, занесённый сюда первопроходцами, звучал по всей Ангаре. Но затем, в верховьях и низовьях, стали строить гидростанции и комбинаты... Исконное сибирское наречие задержалось только в срединном Приангарье. Причём, диалектный замес получился здесь удивительный. Вместе с образной красотой он вобрал в себя и грубоватую простоватость, и родниковую чистоту, и ершистое народное острословие.

Чарышев, доведя Чигринскую до самого дома, поставил её чемодан возле калитки и стал вдруг смеяться. Увидев её недоумение, пояснил:

– Ваши голодные мыши, Надежда Васильевна, уже целую неделю по-соседски ко мне обедать ходят, – и он показал рукой на свою половину дома. – Вы уж не обессудьте, но...

– Так это вы – новый учитель! – радостно всплеснула руками Чигринская. – Ну что ж, коллега, рада знакомству. Как говорится: если сосед станет близким, то и забор будет низким.

Чарышев заскочил к себе домой. Оставил пакет с глиной и пошёл покупать что-нибудь из съестного.

Он вошёл в магазин и сразу окунулся в бурлящий людской котёл. Все взгляды присутствующих были направлены на продавщицу Райку, которая, сверкая гла-

зами, сосредоточенно взвешивала буханку хлеба. Как только стрелка весов перестала колебаться, она артистично выдержала паузу и возмущённо закричала:

– Девятьсот двадцать грамм! Это где ж такое видано!

Стоявшие по другую сторону прилавка человек десять-двенадцать недовольно загудели и злобно на кого-то заругались. Райка взяла следующую буханку, опустила её на площадку весов и вновь заорала так, что от сотрясения воздуха задребезжало стекло в форточке:

– Девятьсот сорок! Варначка бесстыжая!

– Вот жалунца! – выкрикнула бабка Скракля, и замахала кулаками. – Змеюка треклятая!

Чарышев тихонько попытался выяснить причину происходящего, но Райка, заметив это, тут же перехватила инициативу, и объяснила всё с горлопанной доходчивостью:

– В буханке килограмм веса должён быть. А пекариха Галька, тварь бесстыжая, начала приворовывать, – и она, указав пальцем на циферблат весов, яростно выкрикнула. – Вот!

Райка настолько завладела чувствами людей, что все вдруг замолчали и стали пристально смотреть на неё. И она, почувствовав величие момента, гордо вскинула голову, и душераздирающе прокричала:

– Бабы! Давайте бабы берите нового учителя, он сторона у нас нейтральная, и идите с ним в пекарню! Идите, да и прочтите, как след эту Гальку воровку. Да тумакон ей надавайте. А то вам завсегда здесь всё Райка такая-рассякая! А настоящую гадину у себя под боком проглядели. Так что ли?!

– Да, навроде, Галя-то ни в чём плохом замечена до этого не была, – пыталась урезонить возмущённый

народ дородная, статная бабка, которую величали Силовой. – Хлеб-то у ней в пекарне всегда бравый, да духмяный...

– Защитница выискалась! – криком начала вразумлять её Скракля, выводя всех на улицу, при этом цепко придерживая за рукав Чарышева. – Глаза-то у тебя в магазине не чужи ведь были?! Срам все её видали. Вот пусть за это кровушкой своей и умоется сейчас.

К идущей по дороге толпе присоединились ещё люди. Кто-то взял жердину. Расхристанный мужичок прихватил с дороги камень. Его примеру последовали ещё несколько человек. Размахивающая руками Скракля одобряюще поддерживала толпу зазывными возгласами:

– Сейчас она сполна хлебнёт своего горюшка! Вот зараза-то какая! Я, бабы, вот походя тут прикинула... Так выходит, она ж кажен день себе в карман пол моей пенсии лóжила! Ох и ворюга!

Людское скопище ещё больше взбесновалось от такого известия. Мужичок со всей силы стал дубасить жердиной по воротам пекарни и орать:

– Открывай, воровка! – другие тоже стали кричать оскорбления, некоторые грязно матерились. – Выходь, сволочина!

Чарышев увидел, как в окошке мелькнуло перепуганное лицо молодой женщины. И тут же в угол оконной рамы ударился, брошенный камень. Вслед полетели ещё камни. Один из них разбил стекло.

– Открывай! – продолжал бить по воротам мужичок.

Чарышев, не решавшийся до этого воспрепятствовать стихийному произволу, мгновенно среагировал, когда увидел, как замахнулся булыжником какой-то

мальчишка. Он крепко схватил его за руку и тут же всем прокричал:

– Остановитесь! – и, выйдя вперёд, неожиданно для самого себя, решительно скомандовал, указывая на Скраклю и ещё двух, стоявших рядом женщин. – Вы, вы и вы, пойдёте разбираться! Все остальные ждите, – заметив, что мужичок с жердиной вновь приготовился для нового удара, сходу осадил его. – Прекрати долбить! Следи здесь за порядком, – и тот, повинуясь, согласно кивнул.

Когда они втроем двинулись к калитке, кто-то сзади крикнул:

– Силовну-то для праведности с собой возьмите, – и несколько голосов поддержали это предложение.

В пекарне сидела за столом перепуганная, худенькая, миловидная Галя и плакала. Её руки были в муке. Печка гудела огнём. В двух чанах подходило тесто. Пахло дрожжами. Девочка, видимо её дочка, пыталась заделать выбитое стекло каким-то тряпьём.

– Не ряви! – разъярённо прикрикнула на пекариху Скракля. – Неча воровать было. Ты кого, змея подколодна, делала? На всём селе наживалась.

Та мотала головой и тяжело вздыхала:

– Я никогда ни у кого чужой копейки не взяла.

Пришедшая с ними сухонькая женщина, подбежала к пекарихе, и как-то неуклюже несколько раз ударила по её спине рукой. Девочка бросилась на защиту матери. Чарышев стал оттаскивать женщину, которая негодуя кричала:

– Да видали мы сёдни, как ты, паскуда, всю Шиверу обкрадывала!

Чарышев, увидев на столе чашечные весы «уточ-ки», спросил:

– Хлеб, купленный есть у кого-нибудь с собой?

Силовна достала буханку из сумки. Подойдя к весам, Вадим снял с одной чаши пакет с какой-то смесью и обратился к пекарихе:

– Гири, где?

Та, вытирая слёзы, взяла из рук Чарышева хлеб, положила его на одну сторону весов, а на другую – всё тот же пакет. Хлеб даже немножко перевесил.

– Да кто ж так делает! – недовольно прикрикнул на неё Чарышев. – Вот, потому-то вы и обманываете всех.

Подошедшая Силовна, глядя на лежавшие рядом точно такие же пакеты, удивлённо спросила:

– Соль?

– Да, – ответила Галя. – Мне так сподручнее вешать.

Силовна заменила пакет на весах на другой и вновь уровень чаши с хлебом немножко опустился вниз.

– Это ж соль магазинская. Райкина, – тихо сказала она. – Её фасовка килограммовая. Так?

Пекариха согласно кивнула:

– Я у неё покупала.

Силовна начала сама взвешивать пакет с солью, но необходимые маленькие гири долго не могли отыскать. А когда они нашлись – недoves обнаружился под сто граммов. И в этом, и в других пакетах.

Скракля оказалась шустрее всех и, выбежав за ворота пекарни, ошарашила всех открывшейся правдой. В одно мгновение людское возмущение развернулось в обратную сторону...

– В Писании так и написано: какой мерой меряете, той и вам отмеряно будет, – поясняла Чарышеву Силов-

на, с трудом ковыляя по дощатому тротуару. – Поэтому всегда нужно помнить: не потому ли тебя обманули, что и сам кого-то обманывал?

Когда подошли к её дому, Чарышев, по номеру на калитке, понял, что это, как раз, и была та самая «бабка-сказочница» к которой он собирался зайти вечером.

Звали её Агафья Фёдоровна. Силовой величали по отцу. Она пригласила Вадима в дом и по-ангарски командовала:

– Сымай свою лапотину, да проходи в мои хоромы!

Жила баба Гаша скромно. В кухонном закутке виднелся грубо сколоченный стол и некрашенная лавка. На комодке красовались слоники. В углу расположился огромный фикус. На тумбочке стоял небольшой телевизор, накрытый кружевной салфеткой. В глубине возвышалась массивная кровать с двумя взбитыми подушками.

Связующей основой дома являлась большая русская печь, которая своими боками заметно выступала и на кухне, и на стороне горницы. В красном углу, над божницей горела лампадка. На подоконнике примостилась цветущая герань. На стене тикали часы-ходики. Рядом висела выцветшая чёрно-белая фотография в рамке. На ней был изображён молодой мужчина. Наверное, подумал Вадим, это и был тот самый «её любимый Анфимушка», погибший, как ему рассказали, во время войны. И после этого Агафья больше уже ни за кого не пошла замуж.

В доме было светло и чисто. Дышалось легко и свободно.

Баба Гаша, побыв минуту-другую в закутке, вышла наряженной, как на праздник, и сразу же стала по-

чтительно называть Чарышева Вадимом Алексеевичем. Держалась с ним осторожно и обходительно, будто он был сделан из какого-то очень хрупкого и дорогого материала.

Усадила его за стол. Принесла картошки, хлеба и «жарёхи» – жареную рыбу в сковородке. И очень обрадовалась, что он не воспротивился этому угощению. Села напротив и заулыбалась. Тут же поднялась и, вздрогнув, сказала:

– Ща-а-с!

Она пошла в уголок и достала из закутка бутылку водки. Только собралась её нести...

– Так какую сказку вы предложите для спектакля, Агафья Фёдоровна? – громко спросил Чарышев.

Силовна, не привыкшая к такому уважительному обращению, охнула. Затем задумалась, и не решившись нести водку, поставила её обратно в ящик. Вновь присаживаясь за стол, сказала:

– Дети и про «Репку», и про «Царевну-лягушку» любят слушать. А ещё у меня новая придумка есть...

– Поделитесь?! Директор сказал, если вы нам можете, то мы вас, потом, хорошо отблагодарим.

– Ага, – хмыкнув, она хитро улыбнулась. – Когда зубов не стало, так сразу и орехов принесли...

Силовна убрала салфетку, прикрывавшую хлеб, и, отрезав краюху, протянула её Чарышеву:

– Ешь. У меня здесь всё по-простому, – и видя, как Вадим взял в руку вилку, поспешно поднялась и на ходу произнесла. – Ща-а-с!

Вытащив снова бутылку водки, она решительно понесла её к столу. Сидевший к ней спиной Вадим вновь очень учтиво обратился к ней:

– Агафья Фёдоровна, мне ваши сказки записать нужно будет.

– Зачем это? – перепугано спросила она, на ходу пряча водку в карман фартука, и уже присев, продолжила. – Я там совсем немножко сама сочинила. А остальное всё, как от других слыхала. Так что с меня и спросу никакого нету.

– Это для того, чтобы потом по ролям её можно было распisać.

– А-а-а. Как говорится: сказала бы я словечко, да волк недалечко. Тока ты пойми, я сказку эту для себя сочиняла. От других-то говорить получится али нет, не знаю. Ну, раз пришёл, давай, уж, сам послушай и оцени. Только я кажен раз её по-разному рассказываю. Это от того, как она на душу мне ложится, и кто в неё глядится. Да...

И помолчав, стала говорить очень тихо, размеренно, медленно поднимая руки с растопыренными пальцами. Казалось, что Баба Гаша вовсе не сказку начинает рассказывать, а готовится околдовать доверчивого гостя. Дальше её слова действительно зазвучали, как какое-то магическое заклинание. Всё убыстряясь и убыстряясь. Под ритмичное, нарастающее притопывание ногами:

– ...Колокины Дуньки – курицы-кладуньки. Свины умны – забралися в гумны. Пива наварили – борова женили!

Баба Гаша, вдруг поднялась, схватила огромный яркий платок с полки. Повернулась с ним, да так, что затрепетали огромные листья у фикуса. Затем накинула платок на себя, будто спряталась, и тут же из-за этой весёлой разноцветной занавеси раздались одновременно разные звуки. На фоне хрюканья, кряканья, громкого

притопывания, зазвучал возвышенный, низкий и красивый голос:

– Боров в кафтане – свинья в сарафане, – и в это мгновение платок скользнул вниз и порывисто закрутился вокруг пояса. – Утка в юбке – пошла к Любке. Селезень в сапогах – на высоких каблуках. Колода-дуда, где ж ты была? Да, коней стерегла!

И в одно мгновение баба Гаша, накрывшись платком, резко бросилась к его ногам и откуда-то снизу раздалось громкое рычание. Затем она обхватила голову руками. И, сквозь её растопыренные пальцы, он увидел, глядящие на него волчьи глаза. Затем её руки в одно мгновенье превратились в мохнатые лапы, и когда они соскользнули вниз, на него уже смотрело морщинистое чудище, с обвислыми волосами. И оно вплотную приблизилось к нему, зашипело и во рту его обнажились два желтоватых клыка. Чарышев испуганно дёрнулся и стал искать глазами бабу Гашу. Но кроме этого чудища никого больше не было. И оно затопало ногами, и вкрадчиво заговорило с ним хриплым, басистым голосом под ритмичные удары, похожими на звуки бубна:

– Говорят, что встарь, бывало, и собака с волком в лесе тёмном проживала. Ах-ах-раз-тудах! – и резко ткнув пальцем в сторону Чарышева, напористо выкрикнуло. – Дак, всё у нас здесь может случиться: и богатый к бедному постучится, – и чудище замахало лапами в такт своим причитаниям. – Потому что так у нас давно здесь ведётся, что изба веником метётся! Ну а если не домнёшь мялкой, так не возмёмшь и прялкой, – и чудище вдруг вскинуло голову и завыло волком. Протяжно и страшно. Крутанулось юрким волчком, и враз пропало, прикрывшись платком.

И тут же вновь обернулось. Лапищей замахнулось. Под платок поднырнуло. И перед ним вновь предстала в добродушном обличье баба Гаша, с обидным удивленьем спросив Вадима, теребя его за рукав:

– Куда же кикимора подевалась? И со мной ведь не попрощалась. Всё морóчила меня морóка, а напророчила, как сорока! Напугала тебя злодейка, да и сбежала, как прохиндейка. Родилась она может и пригожа, да по нраву вышла никуда негожа.

И в ту же секунду баба Гаша как будто птицей слетела с небес и заглянула снизу в глаза Вадиму. – И то бывает, что свинья гуся съедает. Будь дорогушей – сказки послушай! А я тебе расскажу, что не поймёшь – подскажу. Итак, начинаю – мою сказку представляю...

Тут баба Гаша приподнялась и пошла павой по выскобленному, золотистому полу, а затем словно полетела, потому что платок скользнул к ногам и сделал невидимой её походку:

– В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицей. И у царя с царицей были три сыночка и ни одной девицы... Все три сына – удалые, холостые, деловые...

Что это был за вечер! Вадим шёл домой довольный, радостный. Хмельной. Душа пела и пританцовывала. И небо было праздничным. Чистым, звёздным. Очень ярко горели Кичиги, так ангарцы называли созвездие Ориона. И от Чарышева как будто тоже исходил свет. То, что произошло сегодня, для него было каким-то озарением. Он ещё никогда так не чувствовал удивительную силу и красоту народного языка. До этого ему его преподносили лишь как «неграмотное просторечье». И он верил в это.

Верил до такой степени, что, приехав в Москву, стал спешно и старательно избавляться от особенностей своего провинциального произношения. Как от чего-то постыдного и неприятного. Неимоверно поспособствовала этому и одна профессорша, любившая втолковывать студентам, что «от речи простолюдинов всегда разит онучами и щами. Но надо помнить, – подчёркивала она, – что с этих низов и родился язык высокой литературы». И каждый раз сравнивала это с тем, как «на навозном дерьме вырастает вкуснейшая картошка».

Только со временем Чарышев стал понимать, что у некоторых преподавателей филологов напрочь отсутствовал слух к главному. К родному языку. И это было также абсурдно, как если бы у профессоров консерватории не было музыкального слуха...

Чарышев, несколько лет изучая английский, только этим вечером, понял, благодаря бабе Гаше, насколько русский был богаче его, пластичней и свободней. И это был его родной язык, способный выражать чувства многогранно и многообразно. В нём не было солдафонского порядка расположения частей речи. В нём позволялись самые разнообразные перестановки и сочетания слов. И каждое из них можно было подстроить друг к другу по созвучию и ритму. И эта устремлённость к гармонии оттачивалось в русском языке веками. И его главным создателем был простой народ. В том числе и эта удивительная баба Гаша.

Только на Ангаре Чарышев понял насколько язык определяет характер людей и сущность их жизни.

Придя домой, он растопил печку, всё продолжая и продолжая думать о Силовне.

Когда увидел её в магазине, подумал – обычная деревенская баба. А взгляделся и ахнул. В ней была со-

крыта редчайшая красота. И она всем своим нутром чувствовала её. И обходилась с ней бережно. Не выставляла на показ. Жила с ней, даже в каком-то смущении от того, что именно ей досталось такое сокровище. Будто боялась спугнуть ниспосланное свыше. И Чарышев, по предыдущим встречам, понял, что таких людей здесь было в достатке. Только не умел он их сразу распознать.

Жизнь в Шивере с самого начала ему показалась какой-то замшелой древностью. Примитивной отсталостью. Но теперь он стал понимать, что в её грубоватой коряжеватости как раз и была скрыта основа всех основ: её становой хребет, который складывался по крупницам из выверенного опыта предыдущих поколений. И на этой немудрёной сущности держалась не только здешняя жизнь, но и жизнь всей провинциальной России.

Он задавался вопросом: каких людей в Шивере больше? Хороших или плохих?

Тех, кто жил не по совести – было много. Хватало и тех, которые сами шли к своей гибели, не в силах свернуть с пагубного пути. Но даже самые пропавшие всегда понимали, где проходила граница между святостью и мерзостью. Они прекрасно осознавали, какая тропинка вела к Богу, а какая к дьяволу. И всегда находились те, немногие, которые неотступно мерили свой век праведностью и ответ держали перед вечностью. Вот благодаря им и теплилась жизнь на земле, и не прекращалось заведённое свыше мироустройство. И продолжала гореть лампадка в доме бабы Гаши.

Вот только её ответ не давал покоя Чарышеву. Уходя, поинтересовался её неприязнью к чужакам, намекая, что как раз он оказался приятным исключени-

ем. А Баба Гаша, стоя в дверном проёме, недовольно пробурчала:

– Дак по мне лучше уж быть с умным в аду, чем с глупым в раю. Хорошо бы ещё и понятливый попался. Потому что не только гребень голову чешет, а ещё и время как след выглаживает... – и на прощание угостила его горсткой кедровых орехов. А когда он уже не видел, украдкой перекрестила его уходящего.

Михаил Иванович Смирнов

ДОЛГАЯ ПЕСНЯ КУРАЯ

Чертыхаясь, когда ветви хлестали по лицу, Александр долго пробирался по густым зарослям за другом, стараясь не отставать от него. В такой чаще легко было заблудиться. Потом обратную дорогу не найдешь и Миннура не разыщешь – это точно, который легко шел где-то впереди него, словно не по зарослям продирался, а шагал по накатанной дороге...

– Ну, ничего себе! – воскликнул Александр, неожиданно ткнувшись в спину Миннура, взглянул на него, хотел было обойти, но отшатнулся и с опаской глянул под ноги. – Ты куда меня привел, Иван Сусанин? Хочешь сказать, что будет в этом месте спускаться со всем снаряжением? С ума сошел, что ли? Да мы же разобьемся!

И снова с опаской посмотрел вниз, где шумела река.

– Ай, не волнуйся, Салим, – так, по-башкирски, Миннур назвал друга. – Я много раз спускался в этом месте, и всё было нормально. И с мальчишками прибегали сюда. Не боялись, спускаясь к реке. И сейчас все будет хорошо. Поверь мне...

Взглянув на друга, он поправил рюкзак за спиной.

– А почему по тропке не пошли? – сказал Александр и ткнул в тропинку, которую заметил среди деревьев. – Мне кажется, там побыстрее бы спустились вниз. Можно за деревья придерживаться, чтобы не упасть, а тут...

Он замолчал и опять глянул вниз.

– Ай, Салим, не бойся! – сказал Миннур, махнул рукой и направился к крутому спуску. – Ничего с тобой не случится. Айда...

Миннур кивнул, опять поправил рюкзак и, придерживаясь за кусты и корни, стал спускаться.

– И зачем я согласился пойти с тобой – не понимаю. Поехал в такую даль, а для чего и сам не знаю, – ворчал Александр, осторожно ступая по осыпающимся камням и придерживаясь за кусты и редкие деревья, растущие на крутом склоне. – Здесь без головы можно остаться, если слетишь вниз.

И ойкнул, когда нога скользнула по склону, и торопливо схватился за корень, стараясь удержаться.

– Правда, Салим, останешься без головы, но только не из-за того, что упадешь, а красоты, какую увидишь, – не оборачиваясь, сказал Миннур, спускаясь по крутому склону к реке, откуда доносился громкий шум несущейся воды. – Редкое место может сравниться с этим, куда я веду тебя. Сам увидишь...

И замолчал...

Александр, продолжая ворчать, осторожно спускался, посматривая под ноги, и увидел Миннура, который уже стоял на узкой прибрежной полосе, сбросив рюкзак. Александр заторопился к нему. Не заметив корень, споткнулся и, чертыхнувшись, теряя равновесие, выскочил на берег и, пытаясь удержаться, ухватился за друга, но опять споткнулся и повалился, ударившись об острые камни.

– У, завел, Иван Сусанин! – застонал он, хватаясь за ушибленные места, и стал подниматься. – Здесь быстрее кости переломашь, чем увидишь твое красивое место. Красивое место! Красивое мест...

И Александр замолчал, с удивлением посматривая по сторонам.

Перед ним была стремительная река в белых бурунах, а за ней скалы. Огромные скалы изрезанные узкими расщелинами, словно старческими морщинами. Эти скалы вертикально уходили в стремительную воду, которая неслась, словно пыталась вырваться из плена каменных исполинов, что нависли над рекой, сжимая её в крепких каменных объятьях, пытаясь преградить путь своеобразной реке.

Приподняв голову, Александр присвистнул, удивляясь высоте. Но еще больше удивился, когда увидел в одной из расщелин невесть откуда взявшуюся березу, что выросла там. На темном старческом фоне скал, она казалась невестой в белом платье, отсвечивая белизной своего ствола. Зеленая крона шелестела под ветром, который словно играл с ней, сплетая и расплетая длинные косы. И было удивительно, что береза не только смогла выжить в суровых условиях в этой расщелине, но и превратиться в сказочную красавицу. Ствол ее изогнулся, словно стан девичий и казалось, что она прижимается к камням холодным и безжизненным...

– Миннур, посмотри... Красиво, правда? – громко сказал Александр и показал на березу, и эхо завторило вслед, постепенно затихая вдали. – Да... да... да...

Александр оглянулся на друга, снова кивнул, чтобы он посмотрел и опять повернулся к березе, что росла в расщелине.

– Не кричи, не нужно, – тихонечко сказал Миннур, доставая палатку. – Насмотришься на нее, а еще кое-что услышишь, но это будет позже, а пока нам нужно приготовиться к ночевке.

Он направился поближе к ближайшим кустам, выбрал ровное место и стал возиться с палаткой.

Следом подошел Александр. Скинув рюкзак, стал помогать другу.

Установив палатку, они натаскали внутрь мягкого лапника, разложили его и укрыли брезентом, поверх бросили спальные мешки, а в изголовье пристроили рюкзаки.

И сразу же отправились за дровами. Ночь долгая. Дров понадобится много. В густых зарослях наткнулись на сухостой. Два небольших деревца повалили и приволокли к палатке. Следом притащили хворост. Развели небольшой костер. Открыли тушенку и поставили разогревать с краю костра. А потом уселись на бревнышко, чтобы немного отдохнуть, пока готовится ужин.

Александр сидел, с интересом посматривая по сторонам. Миннур давно уже звал съездить в эти места, но лишь сейчас он выбрал время, чтобы побывать тут. Почти весь день ушел на дорогу. И в автобусе Александр больше смотрел в окно, чем разговаривал с другом. Чем дальше забирались, тем выше становились горы, заросшие густым лесом. Мелькали проплешины полян, сверкали речки-быстрицы и снова по обеим сторонам дороги поднимались горы. И так, пока не добрались. А потом еще долго продирались через густые заросли, чтобы попасть сюда.

– Миннур, мне показалось, там кто-то есть, – тихонечко сказал Александр, и кивнул на дальний конец косы. – Глянул туда, сначала подумал, что почудилось, а потом и, правда, кто-то промелькнул. Я уж решил, что зверь забрел, а потом показалось, что это человек был.

Сказал и махнул рукой, показывая.

– Да, там человек, – покосившись, сказал Миннур, потом взглянул на небо. – Скоро все узнаешь, Салим. Не торопись. Потом расскажу, потом. Вечереет. В здешних местах быстро сумерки наступают. Айда, поужинаем, пока не стемнело.

И снова взгляд в сумеречное небо, которое виднелось среди высоких скал.

После ужина, они подтащили стволы сухостоя. Комельками сунули в костер. Теперь костер долго будет гореть в ночи. Миннур зевнул и полез в палатку, устраиваясь на ночлег. Александр остался возле костра. Присел на бревно и закутил головой, наблюдая, как быстро наступали вечерние сумерки. И смотрел на высокие скалы, на березку, что едва виднелась в сумерках, и глядел на стремительную воду, над которой уже закурился туман, закручиваясь в фантастические фигуры.

– Салим, что не отзываешься? – Александр очнулся от голоса друга. – Зову-зову, а ты сидишь и не шевелишься. Айда в палатку. Холодно возле реки сидеть.

Приоткрыв полог, Миннур махнул рукой, подзывая друга, а потом скрылся в палатке.

– Я не слышал, что позвал меня. Сидел. Задумался. По сторонам смотрел, – сказал Александр. – Правду сказал, красиво тут.

И снова окинул взглядом стремительную реку, высокие скалы, которые упирались в темное небо, по которому кое-где промелькнули последние лучи солнца, непроизвольно глянул на березку, что едва заметна была на темном фоне скал. Хотел было откинуть полог, чтобы забраться в палатку, как вдруг заметил старика, одетого в длинную белую косоворотку навыпуск, на плечи наброшен казакин, в отблесках огня сверкнула

расшитая тюбетейка, а в руках был какой-то предмет, завернутый в холстину.

– Миннур, слышь, я старика там видел, – зачастил Александр, забравшись в палатку. – Как же он сюда спустился? И для чего пришел, а? Ночь на дворе, а он...

Александр пожал плечами и стал расспрашивать, влезая в спальный мешок.

– Молчи, Салим, и слушай, – сказал Миннур, не отвечая на многочисленные вопросы, и неожиданно сказал. – А ты любишь музыку?

Он повернулся к другу, который возился в спальном мешке, поудобнее устраиваясь.

– Конечно, люблю! – сказал Александр. – Разную музыку люблю. И классику, и джаз, и народные песни, и...

И Александр принялся перечислять, что ему нравится слушать.

– Ну, тогда лежи и внимательно слушай, – перебивая друга, сказал Миннур. – Честно сказать, Салим, я для этого и позвал тебя. А теперь молчи и слушай...

Миннур замолчал и притих, к чему-то прислушиваясь.

Затаив дыхание, Александр тоже слушал, что делается на речной косе, пытаясь уловить мелодию, но доносилось потрескивание костра, был слышен шум и всплески воды, а вот музыки – этого не было. Он вздохнул и затаил дыхание, когда ему показалось, словно серебристый ковыль под порывами ветра зашелестел в бескрайних степях. И этот звук с каждой секундой становился все громче. А потом донесся быстрый топот копыт, окрики табунщиков, которые охраняли непуганых лошадей от волчьих стай, а еще ему почудился де-

вичий голос, и разнеслась долгая песня над бескрайними степными просторами...

Александр вздрогнул, когда услышал девичий голос. Откуда ему взяться здесь, на этой речной косе, если песня разнеслась над бескрайними степями. Он хотел было повернуться, чтобы спросить у друга, но Миннур придержал его.

– Молчи, Салим, молчи! – едва слышно донесся голос друга. – Это курай разговаривает. О многом он говорит. Слушай его, слушай...

И снова Миннур придержал друга.

Александр закрутил головой, пытаясь понять, откуда доносятся эти необычные звуки. Казалось, они неслись со всех сторон, наполняя ущелье, проникая в душу, будоража её, заставляя смеяться и плакать от удивительной и чудной мелодии курая, от его волшебного голоса, который никого не оставит равнодушным, уводя за собой в волшебные дали...

Где-то зажурчал ручеек, и раздалось посвистывание перепелок: «Спать пора, спать пора...». И вдруг слышался ласковый шепот. Разнесся звон монист, что были вплетены в девичьи косы. Следом раскатился мелкий веселый девичий смех и заворчали птичьи голоса, а с той стороны доносятся степные шорохи, слышно потрескивание костра и тихое сонное ржание огромного табуна, который плотной сплошной стеной окружил двух влюбленных, чтобы никто не посмел потревожить их темной ночью...

Но тут в завораживающий голос курая стали вплетаться незримые тревожные нотки, словно беду предвещали. Все громче и чаще зазвучали они. И вскинулся испуганный табун. Задрожала ковыльная степь под копытами огромного табуна, и понеслись кони в ночной

тьме по бескрайней равнине, оставляя влюбленных наедине с неминуемой бедою...

В ночной тиши раздался девичий плач, но прервал его грозный окрик, а следом раздался голос юноши, который встал на защиту любимой, но не стал умолять о пощаде, а начал говорить о своей любви, но было поздно. На полуслове оборвался. И умолк смелый юноша...

И разнесся девичий крик над ковыльными степями. Полынной горечью охватило округу. Послышался быстрый бег и шорох камней, что осыпались с крутого склона. И опять раздался отчаянный и долгий крик. Заметалось эхо, словно птица между отвесными и безжизненными скалами, ударяясь о них, взлетая к черному небу и опускаясь к быстрой воде, и медленно затихло в черной непроглядной ночи.

Едва слышно звучал курай на берегу реки, словно вымаливая прощение, но не дождался и умолк печально...

Следом донеслась тяжелая медленная поступь, зашуршали камни на круче, а потом наступила тишина, прерываемая всплесками ночной реки.

Долго лежал Александр, прислушиваясь к ночным звукам, и пытался заглянуть в свою душу, чтобы понять, что это было – сон или явь, но ответа не находил...

– Миннур, не спишь? – Александр не удержался и повернулся к другу. – Не спишь, говорю?

И протянув руку, дотронулся до друга.

– Не спится, Салим, – задумчиво сказал Миннур. – Лежу, думаю...

Сказал и замолчал.

– Я тоже лежал и думал, – сказал Александр и произвольно взглянул в сторону, где разговаривал ку-

рай. – Слушал и думал. Не могу объяснить это... – он покрутил в воздухе рукой. – А ты о чем думал?

И, приподнявшись, снова прислушался. Почудилось, что заговорил курай. Александр вздохнул. Показалось...

– Я лежал и думал о судьбах людских, жестокости, которая встречается в нашей жизни, – задумавшись, сказал Миннур. – Да обо всем думал и о жизни – тоже...

Сказал и снова замолчал.

– Я много слушал и слушаю разной музыки, частенько бываю на концертах, – сказал Александр. – Но там исполняют профессиональные музыканты, а здесь... – он помолчал и в темноте пожал плечами. – А здесь пришел старик на берег реки, достал курай, заиграл и я словно в другой мир попал. Не поверишь, Миннур, я будто в старые времена попал, увидел людей, которые жили в те времена, узнал обычаи. И табуны видел в степи, которых сейчас не встретишь. Да много всего промелькнуло перед глазами, о чем я никогда не знал и не задумывался. Что-то в душе перевернулось, когда слушал музыку. Странно всё это...

Он пожал плечами, а сам нет-нет, но прислушивался к ночным звукам, а вдруг вернется курай и тогда...

– Это была не музыка, – перебивая друга, сказал Миннур. – Это курай о жизни рассказывал. Говорил про те времена, когда этот старик, которого ты видел, был еще безусым юношей. А еще курай говорил о трагедии, что произошла в этом краю...

И снова замолчал, задумавшись.

– А что за беда произошла? – не удержался, сказал Александр. – Ты никогда об этом не говорил.

– Я знаю, что ты собираешь легенды и сказания о старине глубокой, о необычных случаях и людских

судьбах, – немного помолчав, сказал Миннур. – Если бы я рассказал об этом в городе, ты бы ничего не почувствовал. Тебя нужно было сюда привезти, чтобы ты увидел и услышал то, о чем хочу рассказать. Но главное, твоя душа почувствовала, как говорит курай, о чем он рассказывает. Но мне хотелось бы рассказать еще о старике, которого ты видел. И о его любви, которую он пронес через всю свою жизнь. И той боли, что носил в себе долгие годы. Эта боль уйдет с ним, но останется память о нем, которую будут беречь для потомков и передавать из поколения в поколение.

– Расскажи, Миннур, – чуть помедлив, сказал Александр. – И, правда, я еще не слышал эту историю.

Он повернулся к другу.

– Ладно, расскажу, – задумавшись, сказал Миннур. – Расскажу, но меня не перебивай.

– Хорошо, не буду... – сказал Александр и опять насторожился, прислушиваясь к ночным звукам. – Почудилось...

Он замолчал.

– Так слушай... – Миннур помолчал, собираясь с мыслями, потом стал рассказывать. – Эта история произошла в далекие времена. В нашем ауле, откуда я родом, где жили все мои предки, когда-то жил богатый бай Минихан. Деды рассказывали, что были у него несметные табуны, несчитанные стада коров, а отары такие, что никому не удавалось сосчитать поголовье. Наверное, сам бай Минихан не знал, сколько у него домашнего скота в наличии. А характер у бая был крутой и безжалостный. Что хотел, то и делал в округе. И никакой управы на него не было. Хозяином здешних мест считал себя, потому что он владел не только табунами,

стадами и отарами, но и степи, леса и горы – всё было его собственностью.

Богатый был. В большом каменном доме жил, а люди ютились в лачугах. И охрану подобрал под стать себе. Как стая волков они рыскали по округе, готовые растерзать любого, кто слово против бая скажет или ко-со посмотрит на него. Вмиг расправлялись с такими!

Очень жестоким и коварным был Минихан, а вот дочка его, Алмабика, наоборот, выросла ласковой и доброй, а красавица такая, что в округе не сыщешь. Все удивлялись, что у жестокого бая и такая ласковая дочь. Едва отец со своей волчьей охраной за ворота, как Алмабика уже бежит в аул. С одним поговорит, другому улыбнется, тому исподтишка поможет деньгами, а этому продуктами, или еще чем-нибудь... Любому помогала, если была нужда. Никому не отказывала. Доходили слухи до бая, ругал непокорную дочь, грозился наказать ее, но бесполезно. Рассмеется в ответ. Зазвенит монисто, словно колокольчики. Хлопнет дверью. И убегает из дома. По тропке взбежит на вершину скалы, что над рекой склонилась, присядет на краю, смотрит на реку, на быструю воду и синее небо, на родной аул и бескрайние степи и начинает петь. Вроде для себя поет, а голос ее звонкий уже над округой разносится. Останавливались люди, поворачивались к скале, на краю которой она сидела, и слушали ее удивительное пение, которое никого не могло оставить равнодушным.

И Гильман слушал, байский табунщик, очарованный ее голосом и пением. А потом доставал курай, с которым никогда не расставался и начинал подыгрывать Алмабике, а еще рассказывать о том, что полюбил ее, но подойти не смеет к ней. И затихала природа в эти мгновения. Табуны стояли, не шелохнувшись, словно при-

слушивались к печальным рассказам курая о безответной любви.

Но однажды, Когда Алмабика спускалась с крутой горы, она услышала волшебный голос курая. Сердцем почувствовала, о чем поет – рассказывает он. И не удержалась, кинулась на его зов в ковыльные серебристые степи, где и повстречалась с Гильманом – красивым и храбрым юношей. Взглянули они друг на друга, и вспыхнула любовь в молодых сердцах. Жарким огнем опалило души. Но счастье молодых продлилось недолго.

Байская охрана прознала, что единственная дочь Минихана влюбилась в бедняка – табунщика. Выследили молодых, когда они миловались в бескрайней степи. Помчались к Минихану. Всё рассказали ему. Осерчал бай, разгневался. Хотел было с табунщиком расправиться, но другое дело задумал, чтобы сразу двух зайцев убить. А в ту пору сватался к Алмабике старый бай, что по соседству жил. И решил Минихан, что выдаст замуж единственную дочку за старика дряхлого, а потом с Гильманом расправится.

Велел жестокий бай запереть единственную дочь в доме и приказал готовиться к сватанью. Муллу позвали, чтобы никах совершить – брак скрепить молитвой. Старый бай примчался. Радовался, что в жены отдадут молодую девушку – красавицу, лучше которой в округе не найти. Гости понаехали. Сидят за пологом, расшумелись, распорились, не могли договориться, какой магар – выкуп за невесту платить. И не услышали, как Алмабика выбралась через окно и по тропке помчалась к высоким горам, что вершинами небо задевали, а у подножья находился табун лошадей и ее милый, любимый Гильман.

Но заметили в доме, что невеста сбежала. Понял Минихан, где нужно дочку искать. Вскочил на коня, позвал верных слуг и в погоню пустились, чтобы с Гильманом расправиться за позор, что его семье принес, ославил на всю округу.

Не успели убежать влюбленные. Услышали за спиной ржание лошадиное и грозные крики. Повернулся Гильман и увидел разгневанного бая, который держал в руках острую саблю. И встал на его пути юноша смелый, чтобы спасти свою любимую.

Заметила Алмабика, как сверкнула острая сабля, и повалился Гильман в серебристый ковыль, окрашивая его кровью. Закричала она, проклиная отца, что убил ее любимого. Бросилась бежать от него. Взобралась на вершину скалы. На мгновение остановилась. Сорвала с груди хакал – женское украшение, бросила наземь. Обвела прощальным взглядом бескрайние родные степи, взглянула в синее небо, и посмотрела вниз, где лежал окровавленный Гильман, ступила на край скалы и шагнула вниз в быструю реку. И вскрикнула раненой птицей. Заметалось эхо между высоких и безжизненных скал. Исчезла Алмабика в стремительной реке. Унесла ее вода в дали дальние...

Бросился Минихан со слугами к реке, чтобы спасти дочку, но опоздали. Лишь заметили над водой белую птицу, доселе невиданную, которая заметалась над рекой, издавая печальные крики, а потом исчезла...

На следующий день опять Минихан вернулся на это место, где Гильмана зарубил, но не нашел его. Лишь кровавый след тянулся на вершину скалы и там оборвался...

А вскоре заметили жители аула, что из расщелины появился молодой зеленый росток, протягивая к солнцу

тонкие ветви. И с каждым годом росло деревце, крепло и превратилось в березу – красавицу, прильнувшую к холодному и безжизненному камню...

Замолчал Миннур, задумался...

И Александр молчал, не нарушая тишины. Он ждал, когда снова Миннур станет рассказывать.

Долго лежал Миннур. О чем-то думал, а потом снова заговорил.

– Годы прошли с той поры. Минихан продал свои несметные табуны и уехал, куда глаза глядят. А куда он делся – никто не знает, но с той поры о нем не слышали. Местные жители понемногу стали привыкать к спокойной жизни. А однажды, в один из осенних ненастных дней увидели, как по разбитой слякотной дороге шагал человек в потрепанной одежде. Он добрался до полуразвалившейся лачуги Гильмана. Постоял возле нее. Открыл дверь и зашел.

Сначала жители подумали, что обычный прохожий решил остановиться в лачуге Гильмана, чтобы обогреться и обсушиться, а потом дальше пойти. Но прошел день, другой и третий, а он не уходил. И тогда жители аула решили взглянуть, что за новый сосед появился у них. Зашли и глазам не поверили. Перед ними стоял Гильман. Седой, большой шрам по всему лицу и потухший взгляд. Он стоял, смотрел на всех, но не разговаривал. Ни на один вопрос не ответил. Лишь смотрел, словно хотел спросить, а где же она – моя Алмабика, почему вы не спасли ее, но все отводили взгляд, не зная, что ответить. Ни единого слова не услышали жители от него. Навсегда замолчал Гильман.

Но в тот же вечер жители аула впервые услышали, как на берегу реки печально заговорил курай, рассказывая о той беде, что здесь произошла, и красавице Алма-

бике, которую Гильман до сих пор так и не смог забыть. И каждый день, в одно и то же время, нарядившись, Гильман уходил к реке. Присаживался возле скалы, что над рекою склонилась. Доставал курай и тот начинал рассказывать за Гильмана о прошедшей жизни, о красоте родного края, про бескрайние серебристые степи, о скалах отвесных и быстрой реке, а еще говорил про Алмабику, любовь к которой он пронес через всю свою долгую жизнь. И каждый день приходит к березе, что в расщелине растет, чтобы вновь встретиться с молодостью своей, давно ушедшей...

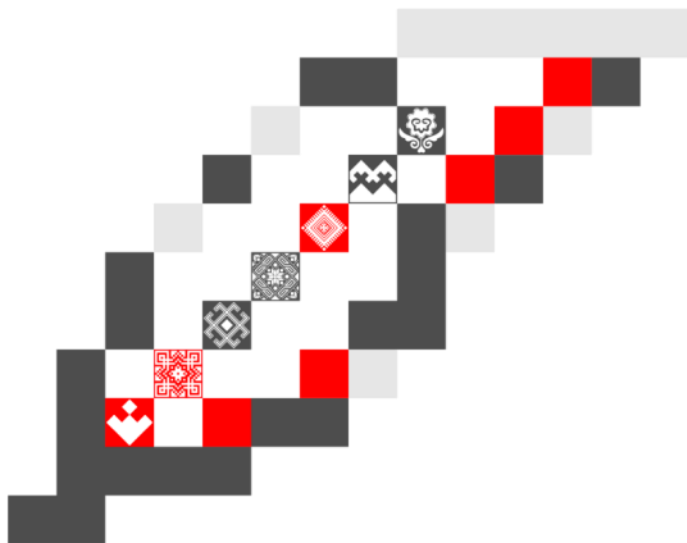
Эту историю мне хотелось рассказать, Салим. Историю о любви и курае, который умеет о ней рассказывать печально и горестно.

Сказал Миннур и замолчал.

Долго лежал Александр, думая об услышанной истории, и вспоминал курай, который умел разговаривать. Растеребил, растревожил душу рассказ и курай, какой умеет передавать чувства людские и показывать яркие образы и живые...

Над рекой за клубился густой предутренний туман, закручиваясь в фигуры фантастические. Светало, когда Александр заснул. И снились ему степи бескрайние, высокие горы и быстрые реки, а еще приснилась ему Алмабика – птица белая, парящая над быстрой водой и береза – красавица, что прильнула к холодному и безжизненному камню, а еще услышал, как вновь заговорил курай о безответной любви, которую старик пронес через долгие годы...

**НОМИНАЦИЯ
«НАРОДЫ РОССИИ
ПОД ЗНАМЕНОМ ПОБЕДЫ»**

ПЕРВОЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на повесть Волошиной Татьяны Анатольевны (Татьяны Волошиной- Орловой) «Мы все будем “нашими”»

Повесть «Мы все будем “нашими”» переносит читателя на берег Волги, в последние предвоенные месяцы. Девочка Нарьяна (или, как ее называют дома, Нана) перешла в новую школу, где незаметно для нее самой самым близким ее другом оказывается одноклассник Олег: он не дает нахватать плохих оценок по математике, помогает на субботнике и мечтает когда-нибудь вместе с ней написать победную песню для Красной армии.

Вот только начавшаяся в июне сорок первого года война рушит все планы. Их отцы – капитан кавалерии и капитан медицинской службы – отправляются на фронт, а оставшиеся с детьми матери вынуждены принять решение – покинуть ли приволжский городок, куда были вывезены семьи военных после начала войны, и с последними машинами уехать в Калинин или не рисковать – ведь дорога в военное время очень небезопасна. Жизненные пути главных героев расходятся именно в этот момент: мать Наны принимает решение уезжать, а беременная мать Олега с сыном остается в Старице.

Все повествование ведется от лица девочки, поэтому и круг проблем, которые встают перед героиней, отличается от тех вопросов, которые приходится решать взрослым. Соглашаться ли играть за «белых», если хочешь в игре быть за «красных»? Как одолеть это непонятное деление в столбик? Почему ребята бегут на Волгу, а ей приходится сидеть с маленькой Леночкой? До начала войны время в повести течет спокойно, и у читателя есть возможность прожить неспешно каждую сцену: вот Нарьяна с Олегом сажают яблоню, вот капитан Муратов везет ее с сестренкой на коне, а самой Нане кажется, что это не капитан, а настоящий маршал... Но после начала войны события несутся стремительно, как немецкий самолет, чей устрашающий полет прерывает мирную прогулку по лесу, куда мама с дочками отправились за ягодами.

Военные события, первая потеря близкого человека – всё это заставляет Нарьяну повзрослеть. И приходит осознание того, что игра в войну, где кому-то придется быть «фрицем», уже не для нее. Серьезность этого решения смогли оценить новые знакомые девочки. Ее опыт потери находит в них отклик – и они сами, вслед за ней, становятся более зрелыми.

Татьяна Волошина-Орлова

МЫ ВСЕ БУДЕМ «НАШИМИ»

Берег Волги, по которому я шла, выглядел так, будто его покусали пчелы: раздутой губой нависал над рекой. Неподалеку кричали дети. Первый школьный день в новом классе закончился. Я почти ни с кем не подружилась, а на последнем уроке в класс залетела оса. Следила за ней и не слушала учительницу. Откуда эти жалящие насекомые берутся? Деревья еще не цветут.

Жжжжжжжууууууууууу! – внезапно раздалось над ухом.

– Соль-вода! Соль-вода! – зашептала я, как научил мальчик из нового класса, и замахала портфелем, но опасное насекомое загудело громче и страшнее. Дети перестали галдеть и до меня дошло, что жужжит вовсе не оса. В небе недобро поблескивало черное брюхо самолета. Я замерла и проследила за тем, как тот исчезает в молочном небе.

– Эй, будешь за белых? – окликнули меня дети.

– А можно за красных?

– Неа, красные у нас есть.

Играть в войну за белых мне не хотелось. Потому что белые народные угнетали, но что тут поделаешь. Я вздохнула, подумала и согласилась.

Белые спрятались за камень и приготовились к наступлению. Мне дали в руки палку. Я сжала её и приставила к плечу. «Белых» было всего двое ребят и девочка. Красных – вдвое больше. Несправедливо как-то.

– Ребь, ребь, план такой – по моей команде кричим «огонь!» – зашептал нам командир, – девчонки выпры-

гивают из укрытия и бегут вправо. Отвлекающий маневр! А мы с другой стороны прорываем оборону.

– Дай руку, на удачу! – улыбнулась мне незнакомая девочка с лентой в волосах.

Командир заорал «огонь!» и мы все тоже заорали. Девочка отпустила меня и побежала. Меня толкнули, и я вылетела из укрытия следом за ней. Наперерез, чавкая по грязи, мчался не особо симпатичный «красноармеец». Развернулась в другую сторону, но и оттуда выскочили двое «красных» сорванца в забрызганных грязью пальто. Я изловчилась, проскользнула мимо, да еще успела ткнуть одного палкой. Он закричал и упал. Девочка с лентой «убила» еще двоих.

– Ура-а! – завопила я. – Наши побеждают.

– В а-ата-аку! – опомнился красный командир и побежал к нашим мальчишкам.

Белый командир был почти у цели, оставалось только сорвать красный флаг, но тут он внезапно поддался и был взят в плен.

– Белые должны проигрывать, – объяснили мне правила.

Пришлось тоже поддаться и упасть на землю.

Тётя Паша – няня моей сестрички, завидев мое чумазое лицо и заляпанное грязью пальто, только всплеснула руками. Ругать не стала. Вместе мы отчистили одежду щетками, а потом я рассказала ей про то, что «белые» почти победили, но поддались «красным», а это несправедливо.

– Как в школе-то? – перебила нянька. – Нашла подружку?

Я покачала головой. Новый класс на меня даже не обратил внимания. Посадили за парту с мальчиком Оле-

гом. Когда учительница назвала меня «Нарьяна», он удивился:

– И дома тебя зовут так же длинно – «Нарьяна»?

– Нет, «Нана».

Олег удивился ещё больше и при любом удобном случае называл меня «длинно».

– Нарьяна, можно твой карандаш?

– Нарьяна, у тебя на голове сухой лист, можно я уберу?

Позади захихикали и стали дразниться:

– Жених и невеста, тили-тили тесто!

Я покраснела, а Олег резко развернулся, замахнулся кулаком...

– Прекратить хулиганство!

На меня и Олега грозно нацелились круглые окуляры учительницы.

– Вася с Егором первые начали! – закричала бойкая староста, заговорщицки подмигнув Олегу. На меня она даже не взглянула. Ябеда!

– Всегда нужно стараться побеждать не кулаками, а словом! – назидательно произнесла учительница. – Слово – это сильное оружие!

– А я ходил на один спектакль, – внезапно перебил её Олечка. – Там мальчишка спас командира, которого белые вели на расстрел. А потом он сочинил песню, ее пели солдаты и победили.

Учительские окуляры сползли на кончик носа и не зря. Олег вскочил, зажмурился, набрал побольше воздуха и...

*Орленок, орленок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди-и!*

Голос у Олега был резкий, неровный. Он не пел, а кричал, жутко фальшивил, но стойко допел куплет. Прозвенел звонок. Я хотела поскорее встать и отойти от Олежки подальше, но он доверительно шепнул:

– Я тоже мечтаю написать победную песню для Красной армии. Мой папа там капитан.

– Здорово, – сказала я.

– Но я не умею писать музыку. Папа говорит мне на ухо наступил медведь.

– А я умею! – прихвастнула я. – И мне скоро пианино купят.

– Правда? – глаза у Олежки загорелись, – Тогда нам с тобой точно надо дружить.

– А почему «надо»?

– Ну ты смешная, ради победной песни! Если она получится, Красная армия победит всех врагов.

– А-а...

– Тогда договорились? Я слова, а ты – музыку!

На следующий день на уроке письма был диктант. Одно трудное слово следовало за другим, как вагоны отъезжающего поезда. Чуть остановишься – и не догонишь. Олег измучился над словом «дирижабль». Я знала, как оно пишется, и вывела трудное слово крупными красивыми буквами.

– Подскажи! – шепнул Олег, и я пододвинула к нему мой листок.

– Спасибо большое, Нарьяна! – поблагодарил он, а после урока долго удивлялся, почему я такая умная.

– Моя мама учительница, – скромно ответила я, а про себя надулась от гордости.

– Надо же! – снова удивился Олежка (он вообще очень часто удивлялся), – тогда буду всегда с тобой советоваться, можно?

– Можно, только осторожно! – глупо хихикнула я.

За письмом последовала арифметика. Учительница объясняла деление в столбик. Её рука, как птичий клюв, крепко сжимала жирный кусок мела и размашисто писала цифры. Я внимательно следила за рукой и, к собственному ужасу, совершенно ничего не понимала. Краем глаза взглянула на Олежку – он старательно записывал в тетрадь пример.

– Ты понял, как делить в столбик? – осторожно поинтересовалась я.

Он кивнул.

– Так просто оказывается, да?

– Угу...

Олег заглянул мне в лицо.

– А ты не поняла?

– Поняла! – соврала я и стала собирать тетради.

Думала убежать, когда прозвенит звонок, но Олежка меня догнал.

– Нам в одну сторону, да? – спросил он и свернул направо.

– Нет, мне вон туда! – ответила я. – До свидания!

Сделав огромный крюк, я добрела до дома. Поскорее бы поесть и попросить мамочку объяснить деление. Но мама с папой пришли домой очень поздно.

Следующий день, как назло, начался с урока арифметики. Пока «клюв с мелом» выписывал новые и новые цифры на доске, мое внимание уплыло в окно. Там, на ветке дерева, сидела ворона. Клювом-пинцетом

она ухватила прошлогодний орех, сняла его с ветки и улетела.

– А сейчас напишем небольшую проверочную работу!

Что? Я встрепенулась и глянула на Олежку. Тот с готовностью выдернул из тетради двойной листок и половинку отдал мне.

– Спасибо, – буркнула я. Вот же невезение!

Учительский клюв поменял мел на перо и каждому на листке записал по примеру. Я смотрела на четкие, круглые цифры, и мне хотелось плакать. Олег быстро водил пером по бумаге и довольно кивал. Ну вот... сейчас он получит пять, а у меня, отличницы, будет двойка. Глаза запекло от слез.

– Ты чего? – Олежка заглянул ко мне в листок. – Не знаешь, как решать?

Я качнула головой.

– Меняемся! – шепнул он и выдернул из-под моих трясущихся рук листок с нерешенным примером, а мне отдал свой.

– Сдаем листочки! – сказала учительница.

– Сейчас! Еще минутку! – воскликнул Олежка, торпливо записывая решение.

– Копуша! – сказала учительница. – Бери пример со своей соседки. Нины... да?

– Ее зовут Нарьяна!

Я густо покраснела, но Олежка подмигнул мне, дописал решение, и мы вместе пошли сдавать свои листочки. Я думала, на перемене Олег будет надо мной смеяться, но он дружелюбно предложил:

– Нарьяна, хочешь расскажу, как делить?

– Спасибо! – сказала я ему и улыбнулась.

А потом незаметно наступила суббота. Мамочка разбудила меня ни свет ни заря.

– Наночка, вставай! Ты что, забыла? Сегодня суббота.

– Ой... точно.

Я умылась, решила не чистить зубы, но все равно опоздала. Прибежала в школу, а там – никого.

– Ушли, – развел руками вахтер, – к Волге, во-он туда, деревья сажать.

Я перевела дыхание и побежала к реке.

Класс разделился на пары. Каждой выдали по небольшой лопате и саженцу. Я шла мимо хихикающих одноклассников, искала глазами Олега. Конечно, он нашел с кем посадить дерево, а мне придется встать в пару с хулиганом. Я огляделась, но все хулиганы были заняты. Расстроилась еще больше. Придется быть одной! Хулиганы с насмешкой поглядывали на меня.

– Нарьяна! А я добыл для нас яблоню!

Я обернулась. Олечка! Он нес мне навстречу то-нюсенское дерево с огромными корнями и лопату.

– Думал, ты не придешь.

Олег отдал мне яблоню и принялся копать яму. Копал он неловко, но с остервенением и задором. Его сил не хватало, чтобы как следует подковырнуть землю, лопата срывалась и скрежетала о камни, один раз стукнула по подбородку, но он даже не поморщился. Олег то и дело выпрямлялся и рассказывал мне что-то интересное.

– Нарьяна, а знаешь, что яблоню к нам в Россию привез Александр Македонский?

– Нет. Интересно!

– А в Казани на одной башне было золотое яблоко. Все думали, внутри тайник, а в тайнике сокровища. Распилили...

Лопата звякнула и ударилась обо что-то твердое. Олечка принялся рыть землю руками.

– Что там? Клад?

– Камень.

Олег выкорчевал его из ямки и отшвырнул в сторону. Я сникла.

– В золотом яблоке тоже ничего не нашли! – успокоил меня Олечка. – Давай сажать!

Я опустила дерево в яму.

– Держи, а то упадёт!

Олег стал набрасывать землю на корни яблони. Наконец дерево перестало шататься.

– Как думаешь, у нее будут в этом году яблоки?

– Не знаю, – ответила я.

– Где ты живешь? – поинтересовался Олечка.

– Далеко, – ответила я. – Полчаса идти.

– Ого! Надо же! Тогда можно я приду к тебе в гости летом?

Я кивнула.

– лето послезавтра! Значит до послезавтра!

– Ага.

– Нарьяна!

– Что?

– А давай наше дерево назовем твоим именем!

– Хорошо! – я покраснела, хотела улыбнуться и вспомнила, что не чистила зубы.

Неровный берег Волги ошетинился мелкой зеленой порослью. Вдалеке играли дети.

– Эй, за белых будешь? – крикнули они мне.

За белых так за белых. Но на этот раз в самом конце игры я и не подумала умирать. Когда все белые упали на землю, я осталась стоять, и домой пришла в чистом пальто. По дороге я мечтала о том, как Олежка придет ко мне в гости, и мы будем сочинять песню для Красной армии. Но дома меня ждала новость.

– Собираемся! – сказала мамочка. – Папу переведут в летний военный лагерь. Там проведем лето.

Деревянные коттеджи прятались между соснами и елями. Их крыши светились, словно были намазаны солнцем. Я вдыхала хвойный запах и тащила к нашему новому домику узлы. А может все не так плохо? Целое лето в лесу, рядом с Волгой, папа научит меня плавать. Пока родители с няней Пашей разбирали вещи, я пошла прогуляться. Тропинка была усеяна рыжими буквами Л из хвойных игл. Л – лес, сосновый. Недавно я прочла как быстро отличить сосну от кедра: у сосны всегда только две иголки, а у кедра три и больше. Деревянные коттеджи с большими верандами выросли на моем пути внезапно, как грибы. Вокруг каждого бодро суетились люди. Мужчины в форме, женщины и дети. Лес звенел посудой, гудел голосами, смеялся, пах жареным мясом и луком.

– Нарьяна!

Я вздрогнула и обернулась. Неужели? Не может быть! Ко мне бежал Олежка.

– Я тебя заметил еще у грузовиков! – выпалил он.

– А ты сам как тут оказался?

– Моего папу сюда отправили.

– И моего тоже.

Мы улыбнулись друг другу.

– Хочешь, познакомлю с мамой?

– Хочу, – сказала я.

Коттедж Олега оказался точно таким, как наш и все остальные. На веранде разбирала вещи женщина в платке с острыми плечами, локтями и подбородком. Она была худенькая, но живот у нее был большой, как у мамочки, когда она ждала сестрёнку. Завидев нас, женщина спустилась навстречу и ласково улыбнулась мне. Мы выпили чаю со вкусными пирамидками из теста.

– Ой! Меня, наверное, мамочка потеряла... спохватилась я.

– Я провожу тебя! – с готовностью вызвался Олег.

Побежали теплые радостные дни. Как-то раз я сидела на ступеньке деревянной веранды, ковыряла пятку и грызла семечки. Мамочка раздувала сапогом большой самовар. Летом чай – лучший напиток, наверное, потому, что внутри становится так горячо, что жара больше не жара. Белая марля слабо колыхалась в дверном проеме, из-за нее доносились добродушное ворчание няньки и смех сестрички Лены.

Внезапно откуда ни возьмись из леса выпорхнули мальчишки, а с ними Олег. Топоча босыми ногами по земле, они с гиканьем пролетели мимо:

– Эге-й! Все на Волгу! Маршал Тимошенко на белом коне едет!

– На Волгу, на Волгу!

Надо же! Маршал, да еще на белом коне! Я спрыгнула с веранды и побежала вслед за Олегом.

– Подожди меня!

– Нана! – строго окликнула меня мама. – Кто с Леночкой гулять будет?

– А можно завтра?

– У тебя каждый день отговорки.

- Но сегодня маршал!
  - Нет, сегодня у тебя сестра!
- Я сникла.

Няня Паша вывела Леночку на веранду. Я взяла сестру за руку и с досадой подумала: «Он на белом коне, а я тут с сестрой!»

– Не ходите на Волгу только! – крикнула вдогонку мамочка, но я не обернулась, потому что именно туда мы спешили.

Олега я, конечно, не догнала. Сосновый бор сверху был плотным, густым, а внизу прозрачным. Между рыже-серых стволов виднелись летние коттеджи и тропинка. Сестричка только-только научилась ходить и шла медленно, как заводная кукла: «топ-топ, топ-топ». Я что есть силы потянула её вперед, но Ленка заартачилась, начала пятиться, опускать задок и вырывать у меня руку.

– Да что это такое! – рассердилась я, схватила Ленку в охапку и побежала.

От натуги заложило уши. Сестра пыхтела и дрыгалась. Я запнулась о корень, не удержалась и шлепнулась на землю. Ленка, запрокинув голову, заревела во весь голос.

- Леночка, ну пожалуйста! Ну тише!

Главное ноги-руки целы. Я затрясла её, пытаюсь успокоить. Ленка орала долго, потом утихомирилась. Вот же наказание! Мне стало ужасно обидно. Ребята сейчас смотрят на белого коня с маршалом, а я тут застряла.

– Пошли на лошадке кататься! – я снова затормошила Ленку.

Сестра задумалась и – о чудо послушалась. В лесу было тихо. Все сбегались смотреть военные учения.

Наконец между деревьями показались река, но путь преградило болото. Через него были перекинута деревянные доски. Я наступила на самую широкую и «пфлюк!» доска мягко вдавилась в грязь. Еще не хватало потерять равновесие и свалиться. На счастье, из болота торчала отличная палка для посоха. Наклонилась, чтобы поднять её...

– Аа-а-а-а!

Палка ожила и поползла от нас прочь. Я подхватила сестричку и с воплем побежала назад. Не видать мне белой лошади и маршала тоже. От обиды я села на пенёк и стала всхлипывать.

– Девонька, заблудилась?

Из лесных сумерек надо мной вырос богатырь. У него были широченные плечи, на которых сидела гладкая галька-голова.

– Нет. Мы к Волге шли, а тут на болоте змеи – страшно!

Богатырь усмехнулся и присвистнул.

– Змеи, говорите? А ну-ка, пошли – покажите мне ваших гадов!

Голос у богатыря был густой и спокойный.

– Ака! – вдруг радостно воскликнула Леночка.

И тут из-за спины великана выглянула лошадь. Неужели это... Лошадь была белая, с длинной, волосок к волоску, гривой. Богатырь поднялся, потрепал лошадь и жестом пригласил нас показывать дорогу к «гадам». Меня переполняло торжество. Олег от зависти умрет, когда расскажу, кого я встретила! Так ему и надо!

Мы снова приблизились к доскам, которыми был выложен путь через болото. В наступивших сумерках совсем ничего не было видно.

– Мы домой пойдем, – спохватилась я и потянула Ленку за собой, но она снова уперлась, захныкала:

– Ака!

– Покатать тебя на коне? – догадался маршал и не успела я опомниться, как он легко подхватил меня и посадил в седло, а следом и Леночку.

– За что держаться?

Я будто оказалась на горе. Где-то внизу осталось болото, змеи и голова маршала.

– За седло держитесь, – усмехнулся он. – Ну, куда везти?

Обняв ёрзающую сестричку, я подумала и назвала номер коттеджа Олежки. Пусть обзавидуется, я предстала, как выезжаю из леса и как отвисает у него челюсть. Сквозь стволы соснового бора просвечивали коттеджи. В каждом из них горели керосиновые лампы и лучины. Пахло смолой и костром. Везде кипятили самовары, жгли шишки, чтобы отпугивать комаров. Комары кусали даже днем, а с сумерками вообще зверели. Я то и дело хлопала то себя, то Ленку по ногам, рукам, плечам. Тело горело и чесалось от укусов, но это было совсем неважно, потому что мы ехали на белом коне самого маршала Тимошенко. Маршал шел молча.

– Как зовут вашу лошадь? – решила я нарушить молчание.

– Коня моего зовут Лютик. Добрый конь. Наперед знает, куда скакать, и направлять не нужно.

Тут между стволами сосен я увидела коттедж Олега. На веранде кипятился самовар, а возле него сидел Олег с двумя соседскими мальчиками. Вот удача! Мы выехали из леса. Я поблагодарила маршала, и он снял нас с лошади. Оставив Ленку, я побежала к Олегу.

– Видел? Видел? А мы на белом коне приехали! Нас маршал привез! – закричала я.

Олежка поднял голову и хитро заулыбался.

– Что, не веришь?

Олежка едва сдерживал смех, а мальчишки совсем не сдерживались и загоготали.

– Папа, здравствуй! – сказал Олег.

Я обернулась. Позади меня с Ленкой на руках стоял «маршал». Кажется, он слышал, что я кричала Олежке.

– Капитан конной дивизии Муратов, – представился он и улыбнулся мне. – А ты, наверное, Нана! Олег много про тебя говорил.

От стыда и досады я ничего не могла сказать, только щеки и уши горели.

– Давай-ка я вас с сестрой домой отвезу. Поздно уже. И комары звери.

Нас с Леной снова посадили на лошадь. Дома меня отругали за то, что пошла без разрешения к реке и села на лошадь к незнакомцу.

– Хорошо, это отец твоего друга был. А если бы недобрый кто оказался?! – негодовала мама.

– Вот так детушек и крадут... охо-хо! – вторила нянька маминым наставлениям.

Я не слушала их. Тело горело и чесалось от комариных укусов. Ужинать не стала – разболелась голова. Послюнила палец, намазала укусы, но они всё равно чесались. Я легла в кровать. Вокруг ходили, топали, громко сопели, дышали, ворочались в кроватях. А мне было холодно, но встать за одеялом я не могла, не было сил даже позвать мамочку. Главное заснуть! – думала я. Поплюю, и все пройдет. Я попробовала считать до ста, потом от ста и обратно – кажется, так делал Олежка. Не

помогло. Я совсем не чувствовала на себе простыни, мне казалось, что я лежу голой, беззащитной. Ко мне подошли.

– У нее жар...

Голоса невнятно забормотали. Очнулась. Голова стала тяжелая, не оторвать от подушки. Мысли остановились и увязли в черном болоте. Считать уже не получалось.

Проснулась я днем. Тяжелый дух свиных котлет накатывал тошнотворной волной, когда со сковородки снимали крышку. Оглушительно стреляло масло, и я отчетливо представляла, как нянька, поставив указательный палец с обломанным желтым ногтем на деревянную лопатку, тормозит расстрелянные котлеты. Котлеты эти я почти видела: они были темные с бледно-розовыми трещинами, из которых, как гной, сочился белый густой жир. Меня трясло в лихорадке третий день. Наша комната с летней кухней, белая марля в дверном проеме, кровати родителей, стол, стулья покачивались, как водоросли под водой. Невыносимым казалось повернуть голову. Ногами я вообще не могла пошевелить, даже если бы захотела. Папочка сказал, что меня укусил малярийный комар. Велел давать хину – горькую, а после этого спать, но я проснулась и никак не могла уснуть. Все куда-то исчезли. Мне ужасно хотелось пить. Я умирала, а рядом была только Ленкина няня и запах свиных котлет.

Вечером, когда я очнулась, то увидела мамочкино колено. Белое-белое. До меня доносились встревоженные голоса взрослых. Из обрывков фраз я поняла, что началась война и нужно уезжать в какую-то Старицу. Все суетились, а мне было все равно. Я хотела, чтобы выветрился тошнотворный запах жирных котлет. Мы

собирались час, а может, и несколько дней. Я не помнила. Меня завернули в простыню и понесли.

– Пустите. Оставьте! – просила я, но меня несли в темноту, которая пахла сосновым бором, болотом и рекой.

Потом я услышала, как плещется вода. Нас раскачивало, укачивало, кажется, теперь мы поплыли на лодке, а потом ехали, ехали. Меня занесли в незнакомый пахнувший мышами дом. Где-то зажигался и выключался свет, хлопали двери, пока наконец-то не наступила тишина. Я упала в нее и исчезла.

От щебета птиц было щекотно в пояснице. Я открыла глаза и увидела Олежку.

– Нарьяна! – обрадовался он и затараторил. – А мы теперь соседи! Нас поселили в один дом. Это я попросил. Мой папа – капитан кавалерии, а твой – капитан медицинской службы. Здорово, да? Два капитана в одном доме. А дом такой интересный. Я подружился с тетей Анкой. Она добрая! Дала мне посмотреть книги и музыкальную шкатулку! Ой, видела? У нее туалет прямо в доме, а на двери табличка – Ватер Клозет. Это по-немецки значит туалет. Так тетя Анка объяснила.

Какой же громкий голос у Олега! Я не выдержала, зажала голову руками.

– Нарьяна, Нарьяна! Нарьяне плохо.

Он наконец-то выбежал из комнаты и ко мне на кровать села мамочка.

– Ватер Клозет, – прошептала я.

Мне нравились иностранные слова. А в этом виделся важный и очень забавный господин с черными усиками.

Два дня я снова пролежала не вставая. Меня бил озноб, но не так сильно, как вначале. А на третий день я узнала, что папа уехал на войну. Я попыталась представить папочкино лицо и не смогла. Никак. Вечером ко мне заглянул Олежка.

– Нарьяна! Мой папа уехал.

– И мой.

Мы помолчали.

– А кто враг?

– Германия.

Это откуда Ватер Клозет, поняла я.

Вскоре я поправилась и стала выходить в сад. Однажды утром там я увидела тетю Анку. На ней была светлая шляпка с вуалью, сиреневая блуза и молочно-белая юбка. Увидев нас Леночкой, она заулыбалась:

– Вы мои красотулечки!

Ленка застеснялась, зато я осмелилась попросить почитать какую-нибудь книгу и тетя Анка пообещала. Действительно очень милая хозяйка.

– Здравствуйте! – Из дома вышел Олег. – Нарьяна, так что, идешь?

Мы забрались на пригорок, сели в траву и стали смотреть на Волгу. Она была серая, плотная, как из глины.

– Я тебе спою, – сказал Олежка. – На музыку не обращай внимания. Главное – слова.

Олег вздернул подбородок, шевельнул кадыком и запел. Мотив начинался то ли «Орленком», то ли «Каховкой» и заканчивался «По долинам и по взгорьям».

Я слушала Олега и старалась изо всех сил не морщиться. Но слова мне понравились.

– Здорово! – сказала я, когда Олег закончил петь. – Очень боевые слова.

По мосту через реку двигались хромя лошадь и повозка, а внизу у церкви толпились люди. Их количество росло, будто церковь была кусочком хлеба, на который накинута муравья.

– Интересно, что там? – спросила я.

– Идем посмотрим! – подскочил Олег.

Мы шли босиком по гладким теплым булыжникам.

– Дяденька, не подскажите, что там? – спросил Олег встречного мужичка.

– А-а! Пленных врагов привезли. Сидят возле церкви, проклятые.

Мы с Олегом переглянулись. Неужели увидим настоящих живых врагов? Чем ближе они становились, тем больше я замедляла шаг.

– Они страшные, наверное, – шепнул мне на ухо Олег. – Одна бабка говорила, что у них рога и здоровенные клыки, как у волков.

Толпа гудела и плотным кольцом сжимала церковный двор. Ничегошеньки не видно. Мы попробовали ползком, только сунулись, как меня поймали за юбку и велели «дуть к мамке».

– Подождем, люди скоро разойдутся. Им работать надо, – бесшабашно сказал Олег.

Так и вышло. Толпа поредела, и мы подошли ближе. Пленных было немного. Человек двадцать. Двое ближайших к нам – молоденькие, испуганные. Враги сидели на траве, жевали хлеб и тихо переговаривались между собой. Один в круглых очках полез в карман и вытащил узкую блестящую коробочку, поднес к губам,

приоткрыл рот. Клыков не было. Зато я в первый раз услышала губную гармошку.

– Гитлер капут! Гитлер капут! – закричали на него деревенские дети.

Олежка тоже подскочил, открыл рот и промолчал.

– Вот вы где! – К нам сзади подошла мамочка с Ленкой и няней Пашей. – А ну-ка быстро домой. Некрасиво пялиться на них, да и ни к чему.

Всю дорогу я молчала и думала о том, что ничего страшного во врагах не оказалось. Но почему тогда они напали? Зачем?

Минула неделя. Как-то утром мамочка сидела за столом и подшивала вещи.

– День хороший! Матушка, ты бы сходила с дочками за земляникой! – окликнула её няня Паша. – За околицу выйдешь, на горку поднимешься – там её тьма тьмушая! Вчера с Леночкой гуляли – так хорошо её девочка ела. Жаль, лукошка с собой не было.

– Ладно, – мамочка отложила шитье, – и вправду день хорош.

В саду нам встретилась тетя Анка.

– На прогулку?

– Да, на холм. Говорят, земляника поспела.

Тетя Анка сделала знак подождать, скрылась в доме и вскоре появилась с огромной корзиной.

– Вот вам, мои милые, лукошечко, много ягод будет – так и мне соберите. Ах ты моя красотулечка!

Она потянулась, чтобы потрепать Ленку по голове, но та спряталась за меня.

На горе действительно будто прошел земляничный дождь. Я собирала ягоды себе в рот и в наше лукошко.

Ленка – только в рот, а мамочка быстро наполняла корзинушу тети Ани. Надо будет Олежку угостить.

Жжжжжжжууууууууууу! – донес ветер.

Самолеты появились неожиданно из-за горы. Летели так низко над землёй, что почти касались колёсами высокой травы. Один, второй, третий. Гул вместе с горячей волной и страхом окатил нас с головы до ног. Я выпустила лукошко, сильно сжала руку Ленки и побежала. Мамочка за нами. Ленка споткнулась и упала. Я протащила ее по траве, а потом упала сама. Укрыться было негде. Голый склон. Мамочка бросилась на землю и прикрыла нас своим телом. Из-под маминого подбородка я увидела темно-зеленое, блестящее, как у гигантской саранчи, тулово, на нем был нарисован черный паучий символ. В окне я отчетливо видела лицо пилота. Он смеялся. Сердце мамочки билось мне спину, почти сталкиваясь с моим. «Боженька, защити нас!» – вспомнила я детскую молитву.

Улетели. Вокруг валялись красные ягоды. Мои руки были забрызганы их соком. Мамочка вначале испугалась, что это кровь, но я сказала, что раздавила ягоды. Мы подобрали наши лукошки и повернули обратно.

Из дома навстречу нам бежали няня Паша и тетя Анка.

– Живы! Живы! Не тронули вас, окаянные! – воскликнула няня Паша.

Мамочка протянула тете Анке ее корзинку.

– Простите! Выронили почти все.

– Да что вы! – замахала она руками и взяла корзинку. – Какие ягоды. Благо сами вернулись невредимыми.

Ночью меня разбудил пронзительный крик.

– Налет! Вставай! – сразу поняла мамочка, что это такое. – Беги вниз, к туалету, там есть дверь к тете Ане, стучи, спрячемся у нее в подвале.

Я вылетела из комнаты, сбежала по ступенькам вниз, к деревянной двери. Там столкнулась с Олегом.

Вуу-уу-у-у ву-у-у-у-у, – завывали сирены.

Мы вдвоем отчаянно заколотили в дверь. Мамочка с плачущей Ленкой на руках и мама Олега, которую поддерживала няня Паша, спустились к нам в одних сорочках. Мы вместе принялись стучать, кричать, но никто не открыл. Сирены вроде замолчали. Постояли, успокоили Ленку и поднялись наверх. Я не могла уснуть, мамочка тоже, но мы обе делали вид, что спим.

На следующий день решили: пора отсюда уезжать. Мама Олега то и дело вздыхала и садилась на диван. Живот у нее стал очень большим. Вот-вот должен был родиться ребенок. К нам поднялась тетя Анка. Услышав, что мы уезжаем, она всплеснула руками и стала уговаривать остаться:

– Куда вы с малыми ребятишками ехать надумали? Ну придут немцы... У меня сын в Германии работает. Я им скажу про это, а еще скажу, что вы родственники мои, они и не тронут вас.

Мамы нерешительно переглянулись.

– Может, и вправду остаться? Нет сил никаких, – вздохнула мама Олега.

Налетов больше не было. Мамочка готовила еду. На следующий день утром к нам зашли военные.

– Враг наступает. Завтра будут последние грузовики на Калинин, так что думайте, – строго сказали они.

– Ох... – расстроилась мама Олега.

– И куда? – снова принялась отговаривать тетя Анка. – Сейчас на дорогах опасно. Налетят самолеты, куда вы спрячетесь?

– Останемся! – окончательно решила мама Олега, – две семьи, которые у попа живут, остаются.

– Вот и молодец, любушка! – похвалила ее тетя Анка, – Нечего на сносях ехать.

– Мы тоже тогда останемся, – заколебалась мамочка.

Я обрадовалась. В Старице хорошо и с Олежкой весело. А еще надо будет придумать музыку на его песню и отправить ее на фронт. Но няня Паша поджала губы и решительно стала складывать свои рубашки в узел.

– Давай останемся, Паш? – растерянно пробормотала мамочка. – Анна Павловна дело говорит, на дорогах и вправду опасно.

– Не слушай, мать, ты эту женщину! – возмутилась нянька. – Неладно с ней что-то. Поедем, куда надумали, а если не хочешь – меня не держи. Уеду завтра.

Мамочка повздыхала и тоже принялась собирать узлы, но только у нее никак не получалось. Вещи разваливались, узлы не затягивались. Мама села на пол и закрыла лицо руками. Я притулилась к ней. Мы теперь были маленькие, над нами ходила и ворчала нянька-великан, а отовсюду надвигалось неясное грозное, страшное. Я смотрела на голые потрескавшиеся черные пятки няни, они переступали через нас и могли с легкостью раздавить.

Няня Паша туго и ловко связала свои вещи и, кряхтя, принялась за наши. Каждой семье можно было взять с собой по два-три узелка с одеждой, воду и еду на несколько дней. Мамочка выдохнула, оправила платье и

стала помогать. Вскоре узелки были связаны. Зашла тетя Анка.

– Уезжаете, – вздохнула она.

Утром я проснулась от настойчивых толчков няньки.

– Проспали!

Мы подхватили узлы и побежали с горки вниз. Я бежала и оглядывалась, мне очень хотелось увидеть Олега, он ведь обещал проводить, но видимо, тоже проспал.

Когда мы оказались у Волги, последний грузовик только начал отъезжать, но, завидев нас, остановился. Сперва закинули узелки, потом нас с Ленкой, а следом забралась мамочка с нянькой. Машина тронулась, я не удержалась и упала на какого-то дядьку с рукой на перевязи. Мне было неловко, страшно, а еще обидно оттого, что я не попрощалась с Олегом.

– Стой! Сто-ой!

За машиной бежала девушка с большой сумкой. Но водитель не останавливался.

– Письмо с фронта!

– Письмо с фронта, остановитесь! – гаркнули водителю раненые солдаты.

Машина резко затормозила, и я снова повалилась на того же дядечку.

– Здесь есть Анна Макарова? – спросила почтальон. Мамочка подскочила, перегнулась через борт грузовика и схватила маленький бумажный треугольник.

Машина тронулась и понеслась по размытой дождем дороге, догоняя колонну. Мама раскрыла треугольник и прочитала: *«Я скоро вернусь. Ничего не бойтесь. Люблю вас»*. Мама сложила письмо треуголь-

ником, как оно было, потом еще и еще. Письмо поместилось в кулак.

– Мамочка, а можно я Олегу письмо напишу? – спросила я.

Мама вздохнула и кивнула головой.

Грузовик был переполнен: женщины, дети, старики и несколько раненых мужчин. «Легкораненые» называла их мамочка. Мы ехали по бездорожью. Кузов, где мы сидели на узлах, мотало из стороны в сторону. На глинистом склоне, грузовик ревел, как недоенная королева. Вскоре мы догнали другие грузовики и поехали колонной. Воздух тархтел, цокал, кричал и стонал. Рядом с нами изо всех проталкивались вперед, телеги, тарантасы и люди. Несколько человек уцепились за наш грузовик и забрались внутрь. В кузове стало еще теснее. Вдалеке прогремел гром, потом еще раз и ещё, но туч не было. Я смотрела в ясное небо и ничего не могла понять.

– Мамочка! – не выдержала я. – Почему гром, а туч не видно?

Она непонимающе посмотрела на меня, и вдруг на ее лице мелькнула улыбка.

– Это стреляют орудия.

– Как стреляют? Разве война так близко?

– Да.

Я должна была испугаться, но ощущала другое: если война близко, значит, близко и папа. Он защищает нас, и с нами ничего не случится.

В небе появились самолеты. Дорожная река из машин, повозок и людей, побежала быстрее, потом резко встала. Что-то тошнотворно засвистело в воздухе, и все начали выскакивать из грузовика. Меня подхватил дядька с перевязанной рукой.

– Мамочка! – закричала я, и мы повалились в сторону обочины.

Снаряд попал в середину колонны. Сверху посыпалась земля, осколки. Две женщины из нашего грузовика хотели бежать туда, где разорвался снаряд, но их вернули.

– В машину! – скомандовал водитель, и мы торопливо полезли обратно в кузов. Наши узелки занял кто-то другой, мы упали на чужие вещи. Машина дернулась, поехала. Внезапно ее накренило, и я увидела, что мы объезжаем земляное месиво. Я зажмурилась. В наш кузов запрыгнуло еще несколько раненых. У одного нога была в грязных бинтах от проступившей крови, а в руках палки. Я удивилась тому, как ловко он запрыгнул в кузов машины – сам, без посторонней помощи. Мой страх снова прошел.

В Калинин мы приехали поздно ночью, а оттуда вначале на пароходе, потом на поезде долго-долго ехали в далёкое село Пружинино. Мама сказала, там живут мои бабушка с дедушкой и теперь, пока не закончится война, мы будем жить у них.

В Пружинино пели петухи, лаяли собаки, скрипели ставни, калитки и двери. Через забор переговаривались соседки.

– К Василию Григоричу приехали!

– Чаго?

– К Василию Григоричу!

– Пойдем, милая, провожу.

Дед Василий и бабушка ждали нас у калитки. Позади высился длинный одноэтажный дом с множеством частых узких окошек. Я думала, дедушка и бабушка побегут нам навстречу, но они молчаливо стояли и ждали, когда мы подойдем сами.

– Не забудь поздороваться! – шепнула мне мамочка.

Бабушка без улыбки всех нас поцеловала, а дедушка в ответ на мое старательное приветствие похлопал меня по плечу. После этого нас пригласили в дом. Я с любопытством завертела головой. В темном коридоре лежали дрова. Я не видела их, но ощущала сладковатый запах древесины. Мамочка сзади подталкивала меня узлами, которые ей никто не помог тащить. Дедушка только взял на руки Ленку, и она единственная улыбнулась ему и получила улыбку в ответ.

Несколько недель я сидела дома, читала книги, написала Олежке письмо и даже сочинила припев для его песни, а потом меня познакомили с соседскими ребятами. Верховодила всеми рослая девочка Люда с гладкими-прегладкими волосами до плеч и тяжелыми плоскими ладонями и ступнями. Люда знала все обо всех, как утюг умело приглаживала любые раздоры. Она ходила, стремительно рассекая носом воздух, а за ней бежали остальные ребята.

– Здравствуй! – громко сказала Люда, – когда увидела меня. – Нина, ты надолго к нам?

– Я... Нана, – пробормотала я. – Наверное... пока война не закончится, но...

– Нана звучит странно, – перебила меня Люда, – не по-нашему. Будешь Ниной.

– Но...

– В войну умеешь играть?

– Да, я играла...

– Пошли! Нам как раз не хватает одного человека.

– Но только я хочу за красных.

– За красных? – Люда снова засмеялась. – Хм! У нас тут «наши» и «фрицы». А кто кем будет – решит жребий! Так честнее всего.

– Ага! – закивали остальные.

В первой игре мне повезло. Я играла за «наших», зато во «фрицы» попала Люда. Она взяла уголь и нарисовала паучий знак вначале себе на лбу, а потом остальным из «фрицев». Этот знак был очень неприятный, и я про себя еще раз порадовалась, что играю за «наших». Но в следующей игре удача не улыбнулась мне. Зато довольно улыбнулась Люда и вывела у меня на лбу жирную свастику. Мы заигрались допоздна, и я по возвращении домой забыла стереть со лба черную метку.

– Где ж ты вымазалась так? – хмуро спросила мамочка, увидев меня.

Она подняла мою челку рукой, и вдруг ее лицо оскалилось почти как у волка.

– Мы играли в войну! – испуганно пролепетала я. – Все честно. Мы жребий тянули. В первой игре я за «наших» была.

Но мама больно схватила меня за руку и потащила к рукомойнику.

– Чтобы больше я на тебе этого не видела! Ты поняла? – приговаривала она, намыливая мне лицо. – И в игры эти не смей играть.

Мыльная вода щипала глаза.

– Ты поняла меня? Чтоб я больше...

– Нет! – вырвалась я из мамочкиных рук. – Я хочу играть со всеми! Почему мне нельзя?

– Да ты не знаешь, что такое война!

Мама бросила мыло в таз, отпустила меня и ушла. Я осталась стоять мокрая и плачущая возле рукомойника. Вскоре мамочка вернулась.

– Возьми это. Прочти, – тихо и ровно сказала она.
– Я не хотела говорить тебе, но, видимо, надо.

В моих руках оказалось полотенце и конверт. Я вытерла лицо и посмотрела на конверт. Обратного адреса не было. Я вытащила два письма. В первом я узнала наше с мамочкой, мы отправили его Олежке и его маме, как только приехали в Пружинино. А второе...

«Здравствуйте, Анна! – прочитала я. – Я почтальон из Старицы. У меня ваше письмо, адресованное семье Муратовых. К сожалению, доставить адресатам его не могу. Старица захвачена. Страшные времена пришли. Фашисты, окаянные, черных дел натворили. Убитых не счесть. Анна, у которой вы квартировали, сразу выдала, где офицерские жены прячутся, и свою квартирантку первой. Муратова, бедняжка, только родила.

Женщин выволокли на площадь, к забору привязали, а детей отняли. Все думали, сейчас расстреливать будут. Но нет. Проклятые фрицы другое придумали. Костер развели. Никто не догадывался вначале, для чего. А когда костер разгорелся, они стали малышкой в него бросать. Матери смотрели на муки своих детей, но ничего не могли сделать. У многих сердце не выдержало. А Муратова жива осталась, да умом тронулась. Ходит по улицам, свернутые пеленки нянчит. Фрицы над ней потешаются. Сынок ее старший как волчонок дикий вцепился в братика – не отдавал. Глупый. Так его подстрелили и в огонь прямо с малым и толкнули.

Сама я через лес к партизанам убежала. А письмо ваше...»

Муратов, Муратова... «Капитан конной дивизии, Муратов», – зазвучало в ушах. Это неправда. Этого не

было. Это где-то далеко. Про незнакомых людей. Все перепутали. Это не про Олежку. Это просто страшное письмо, как страшная книжка, где все выдумка. Внутри меня стремительно разворачивалась чернота, в которую я падала, падала вместе с привычным миром. Мир крошился и размякал, как хлеб в молоке. Мне хотелось кричать, вцепиться во что-то и держаться. Но я не могла. Я стояла и отчетливо, до мельчайших подробностей слышала, как Олежка поет мне вдохновляющий марш, как берет фальшивые ноты, смущается, но продолжает петь. Я видела, как Олежкина мама сидит на диване, выставив вверх большой живот, а вокруг валяются вещи и несобранные узлы. Как она гладит живот.

Вуууууууу! – загудело у меня в ушах. Я подумала, что это вражеский самолет, упала на пол, закрыла голову руками.

– Нана, Наночка, я рядом, – зашептала мне в ухо мама.

Кажется, прибежали бабушка и дед. Мне пытались влить в рот лекарство, а потом я заснула. Несколько дней меня лихорадило, но потом отпустило. Мысли о Старице и об Олеге затянулись защитной коркой. Я читала, кормила кур и поросят. А в один день бабушка велела мне отнести деду обед. Я взяла корзинку и пошла. По дороге мне встретились ребята.

– Нина, ты почему играть не выходишь? – остановила меня Люда.

– Я Нана! – тихо и твердо сказала я и посмотрела Люде в глаза. – А в войну я буду играть только за «наших».

– Так... Значит, за фрицев ваше высочество не желает?

– Я вообще не хочу играть в вашу войну! – сказала я и попыталась продолжить путь, но Люда прижала меня к забору.

– Ты что о себе возомнила? Думаешь, если из города, то умнее нас?

– Она мамку «мамочкой» называет, – хихикнул кто-то из-за Людкиной спины.

Люда сказала плохое слово. Я сморщилась.

– Что, слова такие не нравятся? А мы не выпустим тебя, пока не выругаешься!

И все принялись меня щекотать, больно щипать и дергать за волосы, но я стиснула зубы и молча боролась. Корзинка с обедом для бабушки вывалилась. Яйца и хлеб рассыпались по траве.

– Прекратить! – внезапно крикнула Люда.

Ребята растерянно отпустили меня.

– Она «наша», такая врагам не сдастся! Нана, ты молодец.

Ничего не понимая, я стала подбирать разбросанные яйца. Хлеб был безнадежно вглажен ногой Людки в траву. Люда присела рядом со мной.

– Нана, пошли играть. Будешь за наших! Придешь?

– Нет. Моего друга фрицы в костре сожгли! – внезапно зло крикнула я и пошла прочь.

На следующий день Люда пришла к нам под окно и стала меня звать.

– Нана, мы решили, теперь никто из нас не будет фрицем. Все будем «нашими». Так правильно! ...Пойдешь играть?

– Пойду, – смирилась я.

С этого дня мы бегали к заброшенной церкви и сидели там в засаде, выжидая, когда воображаемый враг подойдет ближе, а потом выскакивали, с криком лупили его палками и закидывали камнями. Я про себя пела Олежкину песню. Камни и палки летели в пустоту, в черноту деревенского вечера. Если бы враг был здесь, мы бы давно сразили его. Но враг был невидим, он был неслышен. Он был растворен в черноте ночи.

ВТОРОЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Батхан Вероники Владимировны «Кхаморо»

Солнышком-Кхаморо прозвали в таборе воспитанную в семье цыганского барона приемную дочку – златовласую девочку Зорьку, которую однажды подобрали на дороге в ходе своих долгих странствий. Лишь светлые косы отличали ее от других: выросшая среди этого бродячего народа, она стала плоть от плоти его.

Но начавшаяся война и приход на смоленскую землю немцев нарушили привычный уклад. Расстрел цыган, осевших в соседней деревне, заставляет барона принять решение уходить в тыл.

Вот только драматической встречи с врагом не удастся избежать. И автор подсказывает это читателю еще в самом начале: любимой сказкой Зорьки была история про цыганку Ружу и смерть. Пришедшая в табор безносая не успела взять тех, за кем пришла, – ее заворожила пляска Ружу, а лучи солнца погубили окончательно, превратив в камень.

Такая же – лицом к лицу – встреча со смертью состоялась и для юной Зорьки. Вышла ли белокурая цыганка победительницей? Судить читателю. Но сила духа Кхаморо-Солнышка оставила ее в памяти других, а «пока нас помнят, мы живы».

В рассказе переплетаются судьбы разных людей: и советских солдат, и потомков цыган. Даже повествование обретает свою цельность только тогда, когда звучит голос каждого рассказчика – и цыганки Ляли, и советского солдата Петра Яковлевича.

Каждый из повествователей по-разному преподносит эту историю. У Ляли взгляд сказителя, поэтично перерабатывающего трагическую историю гибели родного табора. Петр Яковлевич же по-военному жестко «рубит», говоря, как всё было на самом деле.

Но ему не дает договорить «торжествующий птичий хор», проснувшийся перед рассветом. И есть ощущение, что последнее слово остается не за Петром, его фигура исчезает в холодном тумане, поднимающемся до самого сердца. А Ляля остается рядом с потухающим, но еще дающим тепло костром. И до первых лучей солнца остается совсем немного.

Вероника Владимировна Батхан

КХАМОРО

*«...Ой, пока солнышко, ромалэ, не
взойдёт...»*

Цыганская народная песня

Я сидел на траве у белого памятника. Простая пирамидка из гипса за хлипким заборчиком, яблоневые лепестки осыпаются на неё с ветвистого, старого дерева. Чья-то заботливая рука положила к подножию пышный пучок ромашек. От звезды в левом нижнем углу откололся кусочек краски – словно его выщербила пуля. Имена с таблички я знал наизусть.

Голутвин Борис Михайлович, капитан, 1909–1943. Рыжов Валерьян Иванович, лейтенант, 1921–1943. Амонашвили Георгий Шалвович, рядовой, 1920–1943. Веневитинов Аскольд Георгиевич, рядовой, 1899–1943, Кочубей Павел Павлович, рядовой, 1925–1943. Карнаухов... Не «Корнухов» – сколько спорил, сколько доказывал, что ошиблись в военном билете, неправильно написали фамилию. Я улыбнулся. Тёплый ветер коснулся моей щеки – месяц май начался небывалым теплом. Буйно цвели большие сады в маленькой Аржановке, зеленели луга, носились по деревенским дорогам мальчишки на дребезжащих велосипедах, глухо урча, ползали по пашне тракторы, соловьём разливалась воскресная, удалая гармонь. Вот только женщины за водой к речке больше не бегали. И мужчин оставалось мало, словно снова открыли набор в третью роту к товарищу Назаретскому. Но весенними светлыми днями жизнь кипела в маленькой деревушке. А по ночам было тихо.

Я встал, поддёрнул зелёную гимнастёрку, поправил выцветшую пилотку и отдал салют товарищам. Спите спокойно, покуда не потревожили. Вот и поле спит, и деревня спит... Аржановка и вправду плыла, словно лёгкий кораблик в белых волнах тумана. Тускло светилось пять-шесть окон, еле отблёскивал новенький купол церкви, чуть виднелся одинокий костёр на высоком берегу речки. Не иначе охотнички городские, смоленские, а то и из самого Минска прибыли. Им сезон не сезон, закон не закон, абы в кого пострелять – в кабанов с поросятами, в лосиху с телёнком, в тетёрку с птенцами. И гонят валом, зверьё бьют на безымянных могилах, где фашисты наших солдат в землю клали, тревожат мёртвых и живым не дают покоя. Бывало, что и рвались охотнички на старых минах, шеи ломали в залитых водой блиндажах, а всё им мало. Сходить что ли, пока солнышко не взошло, рассказать о местных лесах, о боях-пожарищах – глядишь, что в головах у мужиков прояснится? А на нет, как известно, и суда нет.

Путь до речки показался длиннее, чем раньше – время не шутит. Или просто не хотелось спешить – так безумно светила луна, так хороши были рощи в новеньких платьях, так одуряюще пахло молодой жизнью. Сочный воздух Смоленщины не походил на солёный, колючий ветер родного города, но сегодняшней ночью я почти не жалел об этом. Вот и обрыв, с которого как на ладони открывается дальний берег. И там тоже огни? Смех и музыка? Так быстро, как только мог, я поднялся по заросшему ивняком склону, и, выйдя на край, взгляделся в сумерки. Вдоль песчаной отмели бродили длинноногие кони, чуть поодаль купались три девушки, целомудренный лунный свет очерчивал контуры нежных тел. Две женщины постарше возились с большим кот-

лом, отчищая его пучками мокрой травы. У костров негромко переговаривались, лаял пёс, хныкал чей-то младенец. Одинокó прозвенела струна, брякнул бубен, тут же вступили гитара и шальная, сумасшедшая скрипка. Она плакала и смеялась, бередила тоской усталую душу... где моя молодость, скажи, цыган? Не ответит.

По узенькой тропке я вышел на ближний огонь и нисколько не удивился, увидев, что на этом берегу у костра тоже сидит цыганка. Старуха, моя ровесница или немного младше. Одета «по-городскому», на плечах дорогая шаль, пальцы в перстнях, серьги искрят камнями. И глаза блестят молодо, сильно – от огня или дальней музыки. Или от слёз?

– Добрый вечер, бабушка! – поздоровался я и шагнул ближе к свету, – припозднились вы, я смотрю. Позолотить ручку?

– Не гадаю, прости. А к огню, если хочешь, садись, мы гостей от костра не гоним.

Я представился «Пётр Яковлевич». Она сухо кивнула «Ляля я». Обойдя пламя, я сел на бревно напротив старухи. Она не смотрела на меня и молчала, думая о чём-то своём. Её пальцы, сухие и длинные, со вздувшимися суставами, медленно перебирали чёрные чётки. А за рекой всё играла, кружилась над водой музыка. Мне казалось – я вижу, как пляшут у костров смуглые парни, дрожат плечами красавицы девушки, расцветают розами на траве пёстрые юбки, как мечется вслед за музыкой жаркое пламя... почему только дымом не тянет из-за воды?

– Веселится нынче табор, а бабушка Ляля? Свадьбу играют? – спросил я, желая разговорить старуху.

Она покачала головой:

– Не свадьба. Другое. Пока солнышко-кхаморо не взойдёт, гуляют ромы, танцуют-радуются...

Отвернув от меня лицо, старуха достала из кармана большого пальто сигарету с золотым ободком, прикурила от уголька и жадно затянулась. Я тоже нащупал в кармане щепоть табака и скрутил неизменную «собачью ножку».

– Хочешь, расскажу тебе сказку-быль про наш табор? Как мы выжили, как спаслись от неминуемой смерти, как танцевали по краю могилы, и земля расступилась для нас?

Зазвучавший в полную силу голос старухи оказался богатым и звучным, как у актрисы. Она словно помолодела – милосердные сумерки скрыли морщины и седину.

– Слушай, гаджэ, пока есть, кому рассказать – слушай. Жил на свете цыганский барон –баро, Григорий Васильков, кочевал по Смоленщине со всем своим родом. Лошадей продавали, котлы делали, песни пели, плясали, цыганки гадать ходили, как исстари повелось. Баро сам первый плясун был, лучший наездник, а случалось, и сказки сказывал так, что заслушаться можно. Про царя и Ружу-красавицу, про Бойко-конокрада, как старый ром чёрта обманул, а чявэла саму смерть переплясала... Были у баро два сына, Мишка с Николаем, оба на фронт попали в германскую и Гражданской на их долю тоже хватило. Оба чудом живы вернулись в табор.

Старший сын, Николай, как пришёл – форму снял, женился-остепенился, хорошим цыганом сделался. А у младшего красные флаги перед глазами остались. Прозвенел вскоре слух, что сажать цыганскую нацию на землю станут, колхозы делать. Мишка и пошёл на отца – давай, мол, всем табором светлое будущее для страны

строить. Слово за слово – за ножи взялись. Быть бы драке, да не выдержало у баро сердце. Старики порешили гнать Мишку из табора, он и ушёл, шестерых молодых увёл к большевикам. А Николай Васильков новым баро стал.

Как отец его кочевал, так и он с табором бродил по Смоленщине за цыганским счастьем вослед. Случалось, голодали и мёрзли, случалось сыты были до отвала. Бывало, пускали их поартельничать, поработать на колхозы, подержать лошадей зимою в тепле. А бывало и гнали, тюрьму да Сибирь сулили. Своих детей у баро не родилось, подобрали они с женой девочку на дороге и вырастили как свою. Зорькой окрестили, а цыгане прозвали Солнышком-Кхаморо – мы же чёрные, а у девочки волосы были как золото. Родители на неё нахвалиться не могли: и умна и послушна и работа в руках кипит, а уж если танцевать выйдет Зорька – любую таборную перепляшет. Сказки слушать любила – как отец сядет сказывать, так она первая рядышком примостится. Особенно по душе Зорьке сказка пришлась про цыганку и смерть.

...Раз пришла пустоглазая в табор, села к костру без спросу и давай зыркать – кого из детишек первым косой скосить. А красавица Ружа сказала ей – погляди сперва, безносая, как я для тебя спляшу! И всю ночь танцевала для смерти, как на свадьбах и похоронах танцуют романи чал. Возшло солнышко, упала Ружа без сил – и смерть рядом с ней упала, от света камнем-валуном покатучим сделалась...

Время шло, вот и Зорьке пятнадцатый год минул. Стал отец ей жениха приглядывать, да перебирал – этот не гош для моей звёздочки, этот лицом нехорош, этот и вовсе беден. Мишка-большевик заходил как-то в табор

– посоветовал Зорьку в Москву везти, там для цыган театр открыли, девочка способная пусть учится. Николай отказал наотрез. А там и война грянула. Ушли Зорькины женихи на фронт и лучших коней у табора реквизировали. Остались в кибитках старики, женщины и детишки. Не успели цыгане оплакать сыновей, как пришла новая напасть – немцы подступили к Смоленску. Десять дней шли бои, рвались бомбы, гремели пушки, бежали кто куда люди из города. Табор опомниться не успел – оказался за линией фронта. Баро решил до срока в лесу схорониться, авось не найдёт никто, да и кому нужны бедные ромалэ? Провели коней в чащобу, встали у болотца, грибы-ягоды собирали – летом с голоду не померёшь.

Неделю живут – всё спокойно. Две – всё тихо. Ромки раз в Аржановку погадать сходили, принесли хлеба и молока детям, второй сходили. Немцев видели издали, но никто их не трогал. А потом прибежал в лес мальчишка из Красного – Мишкина цыганского колхоза. И такое рассказал, что баро поседел в одночасье. Мол, приехали немцы, большой отряд, собрали народ на площади, вывели в поле. Велели мужчинам рыть ямы, шнель, окопы нужны. А потом всех в те ямы и положили очередями, весь цыганский колхоз, до последнего человека. Мальчишке повезло, он белёсым, как молоко, уродился, мать закричала, что гаджэ он, русский пацан, из Аржановки – отпустили его фашисты.

Недолго думал баро, что делать: уходить в тыл всем табором. Через фронт пробираться опасно, а у немцев под боком жить – верная смерть. Хотел Зорьку в деревне оставить, от беды убереечь, но упрямой оказалась приёмная дочка, под стать отцу – отказалась уходить от названной родни. Помолились цыгане Дэвлале-

богу, попросили у него защиты, и тронулись в путь на закате. Думали затемно пробираться дорогами, а днём по лесам прятаться. Тихий вечер тогда был, туман стоял, и хлеб уже колосился...

Только выехали к речке цыгане – навстречу отряд немцев на мотоциклах. И пошла потеха. Видал, гаджё, как кошка с мышкой играет? Так и фашисты цыган ловили. Баро свою кибитку в поле погнал, по пшенице, думал, не сунутся вслед – так они коня подстрелили. И всё. Согнали цыган толпой на берег, ромки кольца снимали, серьги, дорогое монисто у одной было – думали, вдруг откупятся? Не берут немцы золото, только смеются. Офицер один вышел – щеголеватый, в фуражке – по-русски кое-как говорил. Приказал: ройте ямы. Баро ответил – нету у нас лопат, господин офицер. Ройте руками!

Стали ромалэ копать – куда денешься. Женщины воют, дети плачут, немцы что-то бухтят по-своему, сторожат, чтоб никто не убёг. Зорька тоже копала со всеми. Упал у неё с головы платок – аж посветлело вокруг от золотых волос девушки. Приметил её офицер, удивился: что за юная Лорелея цветёт среди унтерменшей, может грязные вору украли ребёнка из хорошей семьи? «Нет», – сказала Зорька, – «Я цыганка, дочь барона, кровь у меня цыганская и в землю я лягу рядом с отцом и матерью. Но скажи, видел ли ты хоть раз, как танцуют цыгане? Хочешь взглянуть? Отец споёт и сыграет, а я спляшу для тебя, как никогда никому не плясала!» Офицер перевёл, что предложила девушка, и фашистам понравилось – пусть станцует красавица напоследок.

Достал баро Васильков семиструнную подругугитару, взял хромой Степан Эрденко ненаглядную свою скрипочку, а старуха его бубен вытащила. Распустила

Зорька-Кхаморо золотые косы, разулась, взяла материнскую шаль и пошла в круг:

*...Ой да не будите то мэн ман молодого
Ой да пока солнышко ромалэ не взойдет
О-о-о любя тэй люли ча чоданэ
Ой пока солнышко ромалэ не взойдет...*

Как огонь гудел молодой голос старого баро, как шальной язык пламени танцевала по траве Кхаморо. Молча, словно окаменев, глядели немцы на чудную пляску. Кончилась одна песня, пошла другая, третья... Одна за одной вылетали цыганки в круг, развевали по ветру юбки, звенели монистами. Что было сил отплясывали мальчишки, обессилевшими ладонями отбивали такт старики. Чистым золотом сияли волосы Зорьки, слепили глаза врагам.

Всю ночь длился танец, всю ночь стояли фашисты, не в силах отвести взгляд, схватиться за автоматы. А когда первый луч солнца тронул синие облака и в далёкой деревне запели первые петухи – расступилась земля-матушка, приняла в себя словно зёрна, бродячих своих детей, укрыла от злой напасти. Очнулись фашисты проклятые, оглянулись по сторонам – а табора-то и нету. Лишь пустые кибитки да конские туши остались. И цыганская шаль чёрными кистями по истоптанной траве...

Старуха закашлялась и ухватила за новую сигарету. В предрассветной тиши одиноко вздохнула гитара с дальнего берега. Я поднялся:

– Нет, Ляля. Не так всё было.

Старуха зыркнула на меня бешеными глазами:

– Не так?

– Не так. Поглядели фашисты, как пляшет Солнышко, послушали, как поёт старый баро – песню, другую, третью... А потом офицер дал команду открыть огонь. Попадали цыгане в те ямы, что сами для себя рыли. Закидали их свежей землёй, подождали немного – вдруг кто очнётся, да и бросили могилу на берегу. Весь табор там лёг. Только цыганка одна уцелела – ей ещё пяти лет тогда не было. Мать ребёнка телом своим укрыла от пуль, поутру девочка разгрела могилу и выкопалась наружу. Мимо наш солдат пробирался – из тех, что в окружение попали и к своим выбредали за линию фронта. Подобрал девчущку, отнёс в деревню, отдал сердобольной крестьянке, рассказал, что случилось с табором. А в сорок третьем солдат спас цыганку ещё раз. Когда отступающие фашисты загнали жителей Аржановки в сельсовет, заложили выход и полили брёвна бензином, солдаты роты капитана Голутвина, вошли в деревню. Лейтенант Валерьян Рыжов забросал гранатами вражеский пулемёт. Рядовые Амонашвили и Карнаухов подползли к сельсовету и сумели распахнуть двери...

Торжествующий птичий хор перебил мой рассказ. В мае светлеет рано. Я кинул взгляд на дальний берег реки – ни костров, ни людей.

– Простите, Ляля, буду откланиваться. Пора мне. Благодарствую, что навестили наши края. Передайте привет Ленинграду... И спасибо за сказку – пока нас помнят, мы живы.

Пока я поднимался по тропке к околице сонной Аржановки, холодный туман обступал меня, подбираясь всё ближе. Он залил сапоги, ремень, гимнастёрку, поднялся до самого сердца. Но я всё ещё слышал, как тихонько поёт старуха у угасающего костра:

*Ой да не будите то мэн ман молодого
Ой да пока солнышко ромалэ не взойдет
О-о-о люба тэй люли ча чоданэ
Ой пока солнышко ромалэ не взойдет...*

ТРЕТЬЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Савкиной Ольги Николаевны «Мышастый конь Лютый»

Встреча главных героев этого рассказа – Гаврилы Савкина и коня Грифеля, получившего от нового хозяина имя Лютый, – случилась осенью 1944 года. В Родниках, на территории Польши, разместился штаб полка, в котором служил радистом Савкин. Поскольку радиостанции не всегда работали исправно, донесения нередко доставлялись на лошадях или «на своих двоих». Свободных коней в полку не было, поэтому герой отправляется в находящееся неподалеку поместье Суфчин, в котором когда-то была большая конюшня.

Местные жители хмуро встречают Савкина и отправившегося с ним Петьку Радимова. Десятилетний пастушок, отвечающий за пятерых оставшихся в поместье коней, нехотя отдает мышастого жеребца, называя его лютым за крутой нрав. «Так и запишем», – решает Гаврила, увозя коня. С ним он дошел до конца войны.

Автор с большой любовью изображает взаимоотношения человека и лошади. Мы словно вместе с Грифелем чувствуем, как заботливо Гаврила заплетает гриву и хвост в косицы, как после мази уходит зуд от укусов овода и боль от корост, как вкусно жевать подсоленный сухарик.

Главный герой подкупает своей искренностью и стремлением жить по совести. На разоренной чужой земле он, уставший от войны солдат, находит теплое слово для озлобленного пастушка Леха, десятилетнего пацана, ставшего недавно сиротой. Он может признаться, что испугался, столкнувшись с немцем лицом к лицу. И он не может не довести до лазарета раненного в бою товарища.

В финале автор выходит на прямой разговор с читателем, рассказывает о прототипах героев и немного о том, как сложилась их жизнь, что очень ценно, ведь мы прощаемся с героями в апреле сорок пятого года, тревожась за их дальнейшую судьбу. В этом послесловии они словно сходят к нам со сцены, и становится ясно, что они, уже такие родные, к нам гораздо ближе, чем казалось сначала.

Ольга Николаевна Савкина

МЫШАСТЫЙ КОНЬ ЛЮТЫЙ

В ночь, когда ударили первые осенние заморозки, брата вывели из конюшни и больше его Грифель не видел. Артист был вожаком в их табуне, теперь лошади стояли растеряны и подавлены. Грифель волновался, тревожно ржал и бил копытами в заднюю стенку стойла, но Артист не отзывался, лишь его запах ещё беспокоил оставшихся лошадей.

Вдалеке по ночам гремело и ползло что-то большое и страшное, месило и чавкало грязью. Советские войска отбивали Польшу. Шёл октябрь 1944 года.

* * *

179-й гвардейский артиллерийско-минометный полк дислоцировался в Родниках. Полторы тысячи голов, людских и лошадиных, перемещались по селу, казалось бы, хаотично, но была в их суеде непонятная мирным жителям закономерность. Впрочем, никаких мирных жителей в Родниках давно уже не было, одни лишь измотанные войной бабы, старики и дети. Полковой штаб разместили в помещицьем доме. Радиотелеграфисты заняли дальнюю комнату: лейтенант, два сержанта, двое рядовых. Станции у кавалерии были маломощные, и с начала войны донесения всё больше доверяли связным на лучших лошадях. А то и вовсе как придётся, на своих двоих.

Гавриил Демьянович Савкин вышел из штаба в половину десятого и пошагал размеренно за село и дальше пролеском на северо-восток. В пятнадцати верстах от Родников, в поместье Суфчине была большая конюшня. Если после немецкой бомбёжки в июле ло-

шади не разбежались, то у Савкина был шанс обзавестись конём – уже два месяца он был пешим.

– Дядя Гаврила! – тонкий голос окликнул уже прилично отошедшего от села Савкина. Тот встал, развернулся всем корпусом. Навстречу, прижимая локтем трёхлинейку, бежал Петька Радимов.

– Чего шумишь?

– Дядя Гаврила, ты в Суфчин? Пошли вместе, меня отправили фураж искать.

– Пойдём, только тихо. Мало где недобитки остались.

Пошли. Гавриле было тридцать пять, но рядом с юным Петькой он казался почти стариком. Больше всего Савкин хотел домой. Он ужасно устал от войны, но её не прятался. В Сибири осталась жена Анисья и четверо детей. До войны Савкин работал в колхозе счетоводом, на фронт ушёл одним из первых, попал под Москву на курсы радистов и оттуда – в 179-й миномётный. Так всю войну с одним полком и прошагал. Теперь, на польской земле, было понятно, что хвост фашистской гадине прижмут. Но сколько это займёт, год или два, Савкин не знал. Усталость сменялась отчаянием, тот гневом и так по кругу. Война всё никак не кончалась, своя земля под ногами сменилась чужой, и нужно было просто вытерпеть, как терпят бабы в схватках.

Петька шагал вприпрыжку, как все молодые, у которых от избытка энергии внутри разжималась пружина. Ни фашистов, ни чёрта, ни смерти Петька не боялся, хотя насмотрелся на первых, второго и третью за два года уже вдоволь. Он прибил к полку голодной весной сорок второго. Над сиротой сжалились, поставили на довольствие и записали в помощь интенданту. Однако война есть война, со временем дали и винтовку. Так

шестнадцатилетний Петька Радимов оказался в Польше и смешно, в подскок, шагал рядом с молчаливым Гаврилом.

– Дядь Гаврила, а ты какую лошадь хочешь? – молчание Петьке давалось с трудом.

– Какая будет, – Савкин шёл размеренно, экономя силы.

– А вот если бы тебе сказали, выбирай, Гаврил Демьяныч, любую, ты б какую взял?

– А какие есть?

– Ну там, красивую или быструю? Или, можа, выносливую?

– Я бы, Петька, правую взял.

Петька недоумённо остановился и посмотрел в спину идущего Савкина.

– Дядь Гаврила, а правую – это какую? – Побежал опять вприпрыжку за радистом.

– Отстань, Пётр, ты придумал, тебе и решать, кто у тебя там справа привязан, – Савкин усмехнулся.

Осенний лес резал глаза красками. Докуда хватало взгляда, раскинулись холмы с зелёной травой, которые пересекали там и сям лесочки красные, жёлтые, тёмно-зелёные и бурые. Над всей этой красотой висело свинцовое небо и светило нежаркое осеннее солнце. Родом из-под Могилёва, Савкин привык и к жирной земле, и к позднему теплу, как здесь. Но сейчас в Сибири, он знал, уже вполне мог лечь первый снег, и деревья все голые, и утром, торопясь в туалет, оскальзываются его ребятки на заиндевевшем деревянном настиле двора. Спустя часа два заметили первые воронки. Пару месяцев назад люфтваффе разбомбило небольшой Суфчин. Старики из Родников рассказывали, что погибло больше десяти человек, многих ранило. Но конюшня вроде оставалась

целой, лошадей, каких удалось поймать, привели обратно. Свободных коней в полку не было, своего верного Алима Савкин сдал ветслужбе еще под Миньск-Мазовецким, поэтому лейтенант связи отпустил рядового на удачу: авось и получится. Петька постоянно одёргивал гимнастёрку и за ремень подтягивал винтовку вперёд. Савкин всё так же молчаливо обходил взрытую бомбами землю, лишь изредка бросая острый взгляд на мелькавшие вдалеке в пролеске тени, как он надеялся, от животных.

Когда подошли к Суфчину, солнце уже перевалило зенит. Петька расстегнул гимнастёрку, прыгать от усталости перестал, да и вообще притих. Обошли местечко, увидели людей. Савкин не таясь подошёл к двум тёткам, стоявшим с кринками возле низкого домика.

– Доброго денёчка, пане. Как к конюшне пройти?

Тётки были хмурыми, недоверчивыми, смотрели на запыхавшегося сзади Петьку.

– И тебе доброго денёчка, пан. Туда иди, – махнули куда-то до конца улицы и налево. – Деда Леха спроси, хотя он там один.

– Дзякуй, пане.

Потопали дальше. Тётки сверлили спины тяжёлым взглядом.

Конюшню нашли быстро. Открытые настежь ворота говорили о том, что дед Лех где-то здесь. Петька толкнул Савкина в бок:

– Дядь Гаврила, смотри, там, на пастбище, – и показал вдаль, на большое угодье за конюшней.

На расстеленной на земле куцавейке сидел пацан лет десяти. Не оборачиваясь на пришедших, он спросил:

– Чего припёрлись?

– Здорово, малой. Нам бы деда Леха, – Савкин видел много озлобленных на войне детей и такому повороту не удивился.

– Я дед Лех. Тётка Зофья в шутку так кликает. Чего надо? – Пацан задрал голову наверх, наискось глядя на просителей.

– Мне б коня, парень. Мы русские, вас тут освобождаем. А я, вишь, остался без коня. Как воевать?..

Петька топтался и не встречал. Разговор вёлся странно: Савкин обращался по-белорусски, а Лех отвечал ему на польском. Белорусские слова текли мягко, словно реченька, а поляк пшикал и цокал словно от обиды. Оба друг друга прекрасно понимали.

– Мне что за дело, как тебе воевать. Всех уже увели, пахать не на ком. – Лех сплюнул сквозь зубы и отвернулся.

– Слушай, я знаю, что вы русских не любите, столько лет под ними ходили. Но ты же малой совсем, живи своим умом.

– А коли своим умом, дядя, то слушай! Что немцы, что вы – всё забираете. Жрать нам что зимой? Коров увели, коней лучших увели, овёс забрали. Что мне та война, хоть все пусть друг друга поперестреляют. Моих убили, мне теперь никого не жалко.

Лех рывком встал с кацавейки, дёрнул из-под неё короткий кнут и пошёл вдаль, к стреноженным лошадям. Коняжек было всего пятеро: пегая и вороная кобылки держались вместе, как старые подружки. Гнедой старичок припадал на заднюю ногу, поэтому Лех его не опутал, а привязал к орешнику на длинную привязь. Ещё два коника, тёмно-серый и рыжий, разошлись по выпасу. Савкин и Петька переглянулись и пошли за мальчиком.

– Пан Лех, погоди! – Гаврил Демьяныч знал, что отступать нельзя. От того, есть у него конь или нет, зависели жизни многих тысяч людей. Пастушок остановился, сердито насупился. – Петька, погуляй, – попросил Савкин.

Петька удивлённо вытянул лицо, но молча повернулся и пошёл по холму вниз, обратно к конюшне.

– Слушай, я знаю, что ты чувствуешь. Мою семью раскулачили, забрали всё. Только за то, что работающие. Уехали в Сибирь, чтобы просто выжить. Ты пойми, злость это нормально. Но сейчас война. И фрицы отступают. Надо добить их. Если каждого связного лишить рации, то они победят. А моя рация – конь. И сколько народу будет жить, если я не бегом буду по лесу бежать, а на твоей лошади. Подумай, твоих батьку с маткой можно было бы спасти, если бы вовремя помощь пришла?

На Леховом лице ходили ходуном желваки. Он сощурил глаза, казалось, от ненависти к этому советскому солдату, но вдруг словно подломился, сдёрнул кепку и заплакал в неё.

– Иди-ка ты в холеру! – Гулко бросил конюшонок, вытирая слёзы. – Старый чёрт.

Савкин подошёл к Леху, тронул за плечо.

– Ты прости меня. Мне правда очень нужен конь.

– Фуража не дам! – Лех вытер пыльной ладонью слёзы. – Забирай мышастого. Только он лютый, сам с ним договаривайся.

– Спасибо тебе, пан Лех. Как зовут-то его?

– А он всё равно не пойдёт, зови как хошь.

Дед Лех шмыгнул носом, развернулся и щёлкнул кнутом. Тёмно-серый конь поднял голову. Лех решительно прошагал к нему, взял за узду и обнял за шею.

Пошептал что-то, наклонился, распутал ножные ремни. Обтёр кепкой глаза сначала коню, потом себе и потянул к дядьке. Савкин принял верёвку, протянул руку на прощанье.

– Лютый, говоришь? Так и запишем.

* * *

Грифеля вели двое с новым запахом. Пахло от них потом, гарью и чем-то неприятным, химическим. Он не сопротивлялся, шёл себе и шёл. Может быть, к Артисту ведут?

Тот, что помладше, всю дорогу возмущённо махал руками и кричал – а Банникову я что скажу?! Старший вёл Грифеля и ничем не махал. Он вообще был какой-то очень спокойный. Казалось, укуси его за плечо, он и не удивится.

– Скажешь, не было ни овса, ни сена. Коня последнего забрали, чтоб с голоду не помер зимой. Банников найдёт, где пошукать, тут ещё деревень хватает.

– Дядь Гаврила, а если узнают?! – Молодой кипятился и дёргал палку за спиной.

– Ты не трынди, никто и не узнает. Нельзя, Петька, последнее отнимать, не по-христиански это.

– А я атеист, Гаврил Демьяныч! Ты мне на религию тут не дави!

– Не давлю я никуда, Пётр. А только тебе потом с этим жить. Так живи, чтоб помирать было не стыдно.

– Да ну тебя!

Молодой опять махнул рукой и обиженно обогнал соседа.

– Вишь, какой дурак, – оглянулся на Грифеля человек, – да ничего, пообтешется.

Места были коню хорошо знакомы, по этим холмам он часто возил хозяина до того, как пришли чужие люди. Тут были славные игры с братом, а здесь как-то зимой его гнал волк. Грифель равномерно качал головой в такт ходу, подрагивал кожей, когда поздний овод впиался в нежное место, кидал на тропу горячие яблоки. Осеннее солнце било прямо под короткие волоски кожи, отчего Грифель из тёмно-серого сделался словно стальным с красивым голубоватым отливом. Иногда он цеплял губами с низких веток ещё державшиеся дички, хотя их собратья дружно гнили в траве, и хрустел мягким крахмалом. Когда проходили ручей, человек подвёл Грифеля к воде и похлопал по шее – пей. Сам снял с ремня фляжку, набрал воды, сполоснул лицо. Молодой топал вперед без остановки, удалившийся, но всё еще заметный. Конь зашёл передними ногами в воду, посмотрел как течением сносит ил, сделал несколько глотков. Потряс гривой, развернулся к человеку: мол, ну, веди.

Так и шли до самых Родников. На выходе из леса на траве сидел молодой. Видно, перебесился уже. Пошёл рядом со старшим.

– Только ты меня не выдай, дядь Гаврила.

– Как же я выдам, Петька, если это я тебя попросил? Ты, главное, не трепись, а то запутаешься. Просто скажи, нет у них запасов, завтра будем в другом месте искать. И всё. У Банникова без тебя полный рот хлопот. А я потом Лютому за сбруей и кормом пойду и слова твои интенданту засвидетельствую.

На новом месте Грифель увидел много коней и кобыл и заволновался, стал крутить головой, беспокойно ржать, чтобы брат его услышал. Человек привязал его возле большого дома, зашёл внутрь и через недолгое

время вышел с большой круглой сумкой. Грифель перебирал задними ногами, подскакивал и упирался, но человек взял его крепко за верёвку и повёл куда-то за дом. Когда конь начинал ходить юлой, тот гладил его по шее и говорил строго – не балуй!

Так дошли до воды: то ли широкого ручья, то ли мелкой речки. Человек привязал Грифеля к иве, распустил круглую сумку, достал пару щёток, крючок, чесалку и мягкую ветошь. Предметы были Грифелю знакомы – его привели чистить.

Сначала человек долго успокаивал коня, гладил его по шее и спине. Когда тот встал спокойно, провёл рукой по ноге вниз. Грифель поднял ногу, мужик согнулся и сначала жёсткой щёткой, а потом крючком от пятки стал чистить копыто.

– Ишь, неподкованный. Сильные копыта, как у дичка. Ладно, Лютый, так и бегай.

Убрал все камешки, осеннюю грязь и куски листьев. Очень аккуратно почистил стрелку, обошёл Грифеля с другой стороны, повёл по второй ноге. Человек не торопился, иногда разгибался, клал ладонь Грифелю на спину и успокаивал: ну-ну. Так почистил все четыре копыта, удовлетворённо поцокал – ноги у Грифеля были крепкими и сильными. Пока работал сзади, заглянул между ног, убедился, что половой мешок чистый. Поднял с травы гребень с широкими зубьями, осторожно стал вычёсывать гриву, чтобы после чистки грязь не попала на чистую кожу. Забирал в ладонь пук конских волос, проводил гребнем снизу, потом ещё раз всё выше и выше, пока не вычёсывал по всей длине. Потом брал новый пук и повторял действия. Грифель топтался на месте, человек опять клал руку на спину, и тот успокаивался. Хвост сначала долго прочёсывал пальцами, после

того, как убедился, что волосы распутаны, гребнем медленно и аккуратно навёл порядок и там. После этого заплёл гриву и хвост в небольшие косицы и подвязал узкими тряпками, чтобы не мешались. Затем взял жёсткую щётку, промыл её в реке и хорошенько вытер тряпкой. Круговыми движениями стал от шеи к крестцу вычёсывать мелкую засохшую грязь. Давил умеренно, поэтому Грифель лишь мотал изредка головой, чтобы человек не забывался насчёт того, кто тут главный. После этого мягкой щёткой почистил коня ещё раз, чтобы убрать все оставшиеся волоски и нечистоты с его тёмно-серой шкуры. Смочил в речке тряпицу, хорошо отжал и стал протирать Грифеля, чтобы навести окончательный лоск: морду, шею, спину, ноги. Ветошь прополаскивал и проходиллся приятной влагой на второй и третий раз. Потом достал из круглой сумки маленькую баночку и смазал чем-то жирным укусы от оводов, которые давно превратились в коросты, стянувшие кожу и не дававшие Грифелю покоя. Кожа сразу успокоилась и зуд прошёл. Конь покосился на человека угольным глазом, благодарно фыркнул. А дальше и вовсе было чудно. Человек уложил всё обратно в сумку, обмыл руки и лицо, но Грифеля не отвязал, а сел с ним рядом. Потом покопался в мешке, вытянул не глядя тряпку, развернул: там были яйца, старый колотый хлеб и в газетку завёрнуто что-то ещё. Пошуршал. Грифель увидел мелкий белый песок. Он знал, что это соль. Соль он любил больше моркови, яблок и прочих лакомств. Человек постучал яйцом об яйцо, почистил, присолил. Аппетитно откусил половинку. Грифель не выдержал и заржал.

– Чего? Яйца любишь?

Взял кусок хлеба, размочил его в реке и опять посолил. Тут Грифель не выдержал и ткнул человека в плечо – делись, мол. Тот усмехнулся:

– А-а-а, понятно, любитель солёненького. Ну держи.

Взял второй кусок сухаря, присолил и протянул на ладони Грифелю. Тот захрустел аппетитно, с удовольствием. Так они и просидели там до самого заката. Когда солнце подошло к небесному краю, человек собрал свои вещи, взял Грифеля за верёвку, погладил по морде и сказал:

– Ладно, Лютый, завтра война, пойдём.

И они пошли.

* * *

Так и воевали. Сначала конь стал водить ушами, когда окликали Савкина.

– Да это не тебя, дурень, ты – Лютый.

Для Гавриила Демьяновича конь, как и любая скотина, был животным. Но от этого жеребца зависела его жизнь, тут хочешь не хочешь, а будешь вкладывать чуть больше смысла в слова. Не сказать, что Лютый стал ему другом. Пожалуй, верным напарником. Они притирались постепенно, показывали друг другу характер. Но чаще просто выполняли долг: отвозили донесения, метались между деревнями, попадали под обстрел, но всегда возвращались в полк живыми и даже невредимыми. Третья гвардейская кавалерийская дивизия продвигалась вперёд. Иногда Савкин с Лютым целыми днями крутились по эскадронам, взводам и полкам, а бывало, что Гавриил Демьянович сутками сидел за рацией и выбивал морзянкой доклады и приказы. В январе сорок пятого пробилась к Ловичу. Вчера освободили Варша-

ву, в полку кидали шапки вверх, кричали ура и обнимали друг друга. Савкин выбил Лютому дополнительную пайку за доблестный труд и пришёл вечером дать лакомство – подсолённого хлеба. Зима здесь была мягкая, не в пример сибирской, но коня Савкин берёт и даже при нулевой температуре накрывал его попоной. Подошёл, стряхнул с покрывала едва приметный снег, потрепал Лютого по шее и дал ему угощение. Тот зачмокал, захрустел, благодарно зафыркал. Савкин погладил ему морду, вздохнул:

– С раннего утра будем пробиваться на Вислу, до Влоцлавека. Отдохни, Лютый, скоро в путь.

Выступили в пять. Немцы оказывали отчаянное сопротивление, словно ещё рассчитывали зацепиться за эти поля и дороги. Танковый полк сменяли батареи гаубиц и пушек, за артиллеристами шла кавалерия, за ней сапёры, связисты, разведка, лазареты для людей и коней, химзащита, продовольствие, горючка, почта и полевая касса. Кубанцы и алтайцы, сибиряки и кавказцы, степняки и горцы выбивали фашистов из подвалов и оврагов, гнали их на север, месили взрывами снег с землёй, распахивали тысячами копыт поля. Падали замертво, горели в танках, кричали от боли, умирали в лазарете. Те, кто занимал их места, давили гадов вперёд: кто молча, кто с криками, кто с улюлюканием. Владевшие джигитовкой, использовали свой излюбленный трюк: подбирались к фашистам поближе, свисали подкошенными с седла при первых выстрелах и валили из автоматов врага, когда кони выносили их в самую толпу. За сутки вышли к Висле, впереди был путь на оккупированные Третьим рейхом польские территории. Ночью разведка выбралась в Торунь, отряд вернулся под утро – не пройдем, нужна поддержка авиации. Савкина с сроч-

ным донесением отправили в авиаполк. В предрассветной мгле летели они с Лютым через поле и лес, широкой серой грудью конь раздвигал серый же утренний воздух, голые ветки хлестали наотмашь. Савкин подгнул пятками жеребца, но тот словно понимал, что дело сверхсрочное и медлить нельзя. Гавриил Демьянович не заметил, как они вылетели на опушку, и наклонился к уху Лютого, чтобы приободрить, добавить скорости.

Бум! – сказала скорость.

Если бы Савкин не наклонился к коню, пущенная пуля пробила бы лицо. Из-за дерева во всадника целился немец, и связной летел прямо на него.

«Влево!», дёрнул Савкин поводья Лютого и вывалился в правую сторону от коня прямо на твёрдую землю. Конь послушно вильнул влево, вторая пуля резанула воздух там, где только что были эти двое. Савкин дёрнул из-за спины автомат и лёжа на животе открыл огонь. Немец дёрнулся, уткнулся в дерево и медленно сполз. Гавриил Демьянович покрутил головой, перевернулся на спину, выдохнул. Сверху к нему подошла голова Лютого, зашевелила губами возле лица. Савкин поводьями отвернул коня, встал, поднял шапку, отряхнул ею мёрзлую зимнюю грязь.

– Чуть не обосрался, – прошептал он, сел в седло и развернул Лютого в нужном направлении. Сначала шагом, потом галопом, а затем пустил коня карьером, чтобы наверстать время.

* * *

После возвращения хозяин выдал Лютому кусок солёного хлеба, потрепал по загривку и ушёл в палатку. Через час принёс ему ведро воды, подождал, пока тот напьётся. Из подседельных сумок достал торбу, насыпал зерна и подвесил коню на морду. Снова скрылся в

палатке. Туда-сюда в неё забегали люди, дёргали полог, и Лютый видел, как в углу хозяин сидит на деревянном чурбаке в маленьких железных ушах возле такой же железной коробки и быстро-быстро стучит фигой из пальцев. Полог закрывался, Лютый жевал ячмень вперемешку с овсом, провожал взглядом снующих людей. Скоро над ними зашумели большие железные птицы, вдалеке задвигались громыхая повозки, но Лютый и знать не знал, что это была его заслуга.

* * *

К вечеру следующего дня были в отбитой Торуня. В короткое затишье Савкин расседлал Лютого и делал ему сухую чистку. Рядом крутился Петька Радимов.

– Дядь Гаврила, а правда, что ты вчера немца убил?

– Откуда знаешь? – Савкин методично водил жёсткой щёткой по лошадиной спине.

– Мужики балакали.

– М.. – продолжал методично чистить коня Савкин.

– Правда?

– Ну, правда. Чш, Лютый, не крутись.

– Испугался, дядь Гаврила?

– Только дурак, Петька, не испугался бы.

– А я бы не испугался!

– Ну и дурак... – Савкин обошёл коня и стал чистить круп с другой стороны.

Лютый повернул голову к Петьке и показал зубы.

– Чего он? – Петька обиженно отошёл на шаг назад.

– Говорит, дурень ты.

– Тоже мне, герои! – Радимов развернулся и потопал к своим.

Через неделю отбили Краенку и повернули на север. Наступающие части дивизии мяли под себя фрицев, но то там, то сям появлялись группы уцелевших немцев, убивавших озверело, как в последний раз (что, впрочем, так и было). В первый февральский день с левого фланга на дивизионный хвост напали фашисты. Они крошили из пулемётов людей и коней в продовольственном обозе. На выручку бросились все ближайшие солдаты и офицеры. Когда Савкин подъехал к одной из телег, то увидел под колесом завалившегося Петю Радимова. Тулуп был в крови, шапка напозла на глаза.

– Пётр, слышишь? Живой?! – Савкин столкнул с парня шапку. Серые радимовские глаза бессмысленно повели из стороны в сторону, пытаясь сфокусироваться. – Петя, это Савкин, держись!

Подвёл Лютого, взял тяжёлого Радимова на руки и с кряхтением перекинул через седло, привязал к луке за туловище. Петькина голова завалилась на шею Лютого.

– Больно, – прошелестел раненый.

– Петька, держись, тут лазарет рядом.

И быстрым шагом повёл Лютого в сторону санитарного поезда, ползшего за дивизией. Петька раскачивался, голова сползала, Савкин бережно приподнимал его и облакачивал опять на Лютого. Конь шёл настолько быстро, как мог, чтобы не перейти на рысь, словно понимал, что мальчика в седле растрясёт.

– Холодно, дядя Гаврила, – опять прошептал Петя.

Не останавливая коня Савкин сдёрнул с себя шапку, нахлобучил Петьке на голову, потом расстегнул шинель и набросил раненому на плечи.

– Давай, мальчик, давай, – обращаясь то ли к Радимову, то ли к Лютому, молил радист.

Метров через триста Петька застонал и заскользил вниз, тогда Савкин вскочил за седло, обнял раненого и дёрнул за поводья:

– Гони!

Лютый дёрнул с места и побежал галопом в сторону лазарета. Савкин прижимал Петьку одной рукой, второй держа повод. Помощник интенданта стонал, чем даже успокаивал второго – значит, живой. Когда до санитаров оставалось с полкилометра, Петька замолчал и Савкин закричал громко:

– Петя! Петя! Не спи!

Тот перевесил голову в другую сторону и отчётливо сказал:

– Я умру. Мне страшно.

Савкин отпустил поводья, сжал Лютого ногами и прижал Радимова к себе второй рукой.

– Я умру тебе! У меня дома сын Петька, я как ему буду в глаза смотреть!

Наддал коню в бока и вцепился в седло.

Эпилог

В начале апреля на озере возле села Клюки только что вымытый Грифель скакал по свежему лугу. Лезавший тут же хозяин жевал травинку и смотрел в небо. Потом приподнялся на локте, посмотрел на своего коня и сказал:

– Какой же ты Лютый, ты Лютик...

* * *

Дед дошёл до Бризена и был демобилизован в сентябре сорок пятого. Он вернулся домой, к Анисье и четверым детям. Пятым ребёнком стал мой отец, Николай Гаврилович Савкин.

Я не знаю, был ли Петька Радимов в действительности или нет, но конь Лютый был точно.

СПЕЦИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ «ЗА СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ЛЮДЯХ, ПРИНЕСШИХ ПОБЕДУ»

Людмила Семеновна Константинова

ПОЛЯНА ПАМЯТИ

1942-й. Война. Недалеко от Туапсе, в горном селении оборудовали полевой госпиталь. Выбрали для этого дом Аревик. Ей всего восемнадцать, но война каждому найдёт работу: кому воевать, кому лечить. Аревик постоянно находится среди лежащих на траве раненых солдат.

Раненых в селении и на поляне у реки много. Идут жесточайшие бои за Кавказ. Немцы рвутся к морю. Мимо селения, по горной дороге, днем и ночью идут войска на передовую. А оттуда на подводах и носилках – раненые.

Госпиталь – дом Аревик и несколько палаток на поляне. Раненых складывают прямо на поляне, в траву. Аревик, Галина Георгиевна, несколько санитаров – вот и весь медицинский персонал. Остальных врачей и фельдшеров отправили на передовую.

Девушка серьёзна и сосредоточена. Ей, не имеющей никакого медицинского образования, военврач Галина Георгиевна доверила делать перевязки раненым красноармейцам. За несколько дней девушка научилась не только перевязывать раненых, но и делать уколы.

Бинтов не хватает, приходится рвать нательное белье, рубашки, домашние простыни. Сначала Аревик боялась вида ран и крови, а теперь привыкла. Юная и хрупкая, она стойко переносит невзгоды. Спит урывками, привыкнув к бомбежкам и взрывам на краю поляны. Бойцы улыбаются, когда видят девушку и ласково называют её Алёнушкой.

Подходя к только что поступившей партии раненых, Аревик издалека ещё обратила внимания на седого бойца.

«Наверное, этот солдат пожилой уже» – подумала она – «нужно к нему первому подойти».

Аревик склонилась над солдатом и ахнула. На траве лежал молоденький лейтенант, совсем мальчишка. Когда-то черные волосы стали белыми, как будто покрылись инеем, и только по корням волос можно было определить их первоначальный цвет. Юноша, увидев склонившуюся над ним красавицу в белом халате, с трудом улыбнулся.

– Вот и ангел ко мне прилетел! – прошептал он – я в раю?

– Да нет – засмеялась девушка – ты в госпитале. Потерпи немного, сейчас я тебя перевяжу и сделаю обезболивающий укол.

Аревик быстрыми движениями достала из сумки всё, что нужно для обработки ран. Когда она увидела зияющую рану на животе юноши, сразу же поняла, что в их полевых условиях помочь ему невозможно. А до Туапсе он не доедет.

– Если вылечишь, красавица, – стараясь сдержать стон, прошептал лейтенант, – я на тебе обязательно женюсь. Ты только дождись меня.

Аревик закусила нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

– Обязательно дождусь! – ответила срывающимся голосом, – только вот имени твоего не знаю.

– Меня Ваней зовут. Иван Матвеевич Гордеев. А тебя-то как зовут?

– А я Аревик.

– Аревик! Какое красивое имя. А что оно означает?

– Аревик значит Солнце.

– Ух ты – Солнце. Я буду звать тебя Солнышко – и еле слышно добавил – Поцелуй меня, Солнышко. Пожалуйста! Меня еще никто не целовал. Я детдомовский.

Аревик наклонилась к солдату и ласково прикоснулась к его губам.

– Меня тоже никто не целовал. Я дождусь тебя Ваник, когда-нибудь мы с тобой обязательно встретимся.

Силы оставили солдата, губы дрогнули в слабой улыбке, и он закрыл глаза. Слезы катились из глаз Аревик, но она, не замечая этого, судорожно пыталась закрыть рану на его теле. Пожилой санитар дядя Коля, проходя мимо, заметил их и подошел. Он сочувственно положил руку на плечо Аревик и, сняв с головы пилотку, тихо сказал:

– Не сможешь ты ему уже ничем, отмучился бедолага. А бинты ты побереги, вон их солдатиков сколько лежит, – кивнул санитар на раненых бойцов.

Погибших от смертельных ранений и потери крови бойцов хоронили на поляне.

Пережитое оставило неизгладимый след в душе девушки, и она поклялась тем солдатам, которых хоронила здесь же, что никуда не уйдет.

Глубокие воронки от взрывов саперы превращали в братские могилы. Могилы наполнялись очень быстро. В одной легли ребята из морской пехоты – почти четырьеста человек. Саперы определили им место на берегу реки – все же, моряки. У сада, где цвели яблоньки, уснули вечным сном пехотинцы. Самая большая братская могила – напротив дома Аревик. Здесь было захоронено свыше шестисот бойцов. Аревик безутешно плакала по умершим солдатам и отмечала могилы: то камень у подножья положит, то осколок от снарядов воткнет, то каску поставит.

И когда удалось погнать врага с Кавказа, Аревик осталась в селении, из пяти домов которого остался только один – дом Аревик. Ваню Гордеева (Ваника) Аревик похоронила под своим любимым деревом, раскидистым орехом, который рос напротив окна её комнаты. Рядом с деревом застыл когда-то скатившийся с горы большой валун. Аревик попросила родственников привезти краску. На валуне написала «ВАНИК ГОРДЕЕВ». В любое время года здесь лежит букет: весной ветки цветущей яблони, летом полевые цветы, осенью гроздь калины, а зимой веточки ели с шишками.

Родственники звали её переехать к ним в город, но Аревик отказалась. Замуж не вышла и детей не нажила. Их заменили сотни солдат, лежащих в ее земле... Она ухаживала за могилами как могла, ставила памятники – валуны из горной реки. Так и жила она все эти годы в лесной глуши, в старом каменном доме без электричества. Топила дом дровами. Воду носила из речки. Кормила дарамии леса, охотилась – еще в юности отец научил ее держать в руках ружье. Смирившаяся родня помогала продуктами.

Прошло много лет. Больше пятидесяти. Не бывает в жизни, чтобы всё было неизменно хорошо. Пришла беда и к Аревик. На красивую местность рядом с курортным городом положил глаз местный предприниматель. Задумал построить здесь особняк для себя, а рядом, на поляне – элитный гольф-клуб. Но мешал дом Аревик. Стали к ней приезжать из города разного рода парламентарии. И так и сяк уговаривали продать дом. Но Аревик отказала этим непрошеным гостям.

Однажды подъехал к дому Аревик шикарный автомобиль. Вышел из него импозантный мужчина в белом костюме. Вежливо поздоровался, спросился в гости. Чайком, мол, не угостите? За чаем всё, что хотел, узнал. Похал, поохал о прошедшей войне и похороненных солдатах. А потом предложил «помощь». Он покупает Аревик красивый дом в городе, да и за этот дом заплатит двойную цену. А солдатикам поставит памятник на въезде в ущелье, у дороги. Поняла старая женщина, что оборотень к ней приехал, и улыбка у него и слова сочувствия фальшивые. Схватила она первое, что попало под руки, а это вилы оказались, которыми она траву на стожок бросала и бросилась на предпринимателя с криком:

– А ну пошел вон отсюда, фашист недобитый! А то я тебя на вилы надену, как эту траву!

Мужчина со страху кинулся бежать. Мало ли что на уме у старухи, ещё проткнёт его вилами. Уже из окна своего мерседеса прокричал:

– Хотел по-хорошему решить, дура старая! Еще пожалеешь!

И началось! Какие только попытки не предпринимались: и уговаривали, и припугнуть пробовали, и подсылали людей, которые ночью под её окнами выли

по волчьей, и поджечь дом пытались. Но дом, построенный еще дедом Аревик из местного камня, как будто заговоренный был, выстоял. Не поддавалась женщина ни на угрозы, ни на уговоры.

Но после тёмной ночи всегда приходит рассвет. Весть о затяжной войне простой армянской женщины с бездушным и нахрапистым предпринимателем дошла до губернатора края Гордеева. Эту непростую историю рассказал ему один из командиров поискового отряда «За Родину». История о простой женщине, всю свою жизнь охраняющей целую поляну с похороненными красноармейцами, поразила его. Ведь в этих местах воевал и его дед, дошедший с боями до Кенигсберга и пропавший без вести в 1944. Гордеев решил лично побывать на поляне смерти и познакомиться с Аревик. Ведь ни в районе, ни в краевой столице о массовом захоронении погибших солдат власти ничего не знали.

Между тем, битва за поляну памяти продолжалась. В один из дней «оборотень в белом костюме» появился снова. Но уже в сопровождении строительной техники. Он твердо решил больше не церемониться и снести дом несговорчивой старухи. А заодно и валун у дерева. Навстречу ему вышла Аревик со старым двуствольным ружьем в руках.

– Или уйдёте, или похороните меня рядом с моими солдатыками – сказала Аревик и взвела курок.

Предприниматель усмехнулся:

– И тебя, и твой дом сотрем с лица земли, и никто даже не вспомнит о твоём старуха существовании – и дал отмашку бульдозеристу сносить дом. Бульдозерист завёл машину. Аревик дважды выстрелила. Сначала в воздух, потом в лобовое окно бульдозера. Бульдозери-

ста из кабины как ветром сдуло. Быстро перезарядила ружьё и прицелилась в предпринимателя.

В ответ на крики и брань спокойно сказала:

– Тише, тут солдатики спят.

Местные знали – Аревик не шутит, тем более что из допотопного ружья она попадала в блюдечко с 50 шагов.

В наступившей тишине все вдруг услышали звуки сирен и повернулись в их сторону. Через несколько минут к дому Аревик подъехал кортеж машин с мигалками и большой черной машиной в центре. Из неё вышел подтянутый мужчина с лёгкой сединой на висках в строгом костюме и значком «Российский триколор» на лацкане пиджака.

– Опустит ружьё, мать. Оно тебе больше не понадобится. А с этим – кивнул он в сторону предпринимателя – мы разберёмся, можешь не сомневаться.

Так они и познакомились. Маленькая, семидесятилетняя героическая женщина Аревик и губернатор края Гордеев Иван Матвеевич. А вместе с ним вышел из машины высокий пожилой генерал со звездой героя на груди. Подойдя к старой женщине, он стал перед ней на одно колено, обнял за талию, прижался головой к её груди, и сказал:

– Здравствуй, Алёнушка! Вечная тебе от меня благодарность, что помогла выжить. Не знал я, что ты еще здесь и тебя обижают, а то давно бы приехал.

Аревик поцеловала седую голову генерала, пригладила торчащий завиток и тихо сказала:

– Как хорошо, что ты тогда выжил... Только Ваня не смог.

Потом они все вместе обошли те места на поляне, где были захоронены умершие солдаты, подошли

и к валуну с надписью: «Ваник Гордеев». Узнав о лейтенанте, полным тезкой которого он являлся, губернатор поклонился его могиле, затем подошел к валуну, и долго стоял, прижавшись к холодному камню. О чём он думал не ведомо, только повернувшись, сказал:

– Сколько времени прошло... Да что ж так рвётся сердце...

– Потерпи, – ответила ему Аревик. – Это боль за мёртвых и радость за выживших. Ты хороший человек, дай Бог тебе здоровья.

Потом они все вместе пили чай с горными травами, и говорили о будущем поляны Аревик.

На поляне был построен мемориальный комплекс, с небольшой диорамой и тремя братскими могилами. Дом Аревик отремонтировали, провели свет и газ. Внук седого генерала занялся поисками тех солдат, что остались живыми. Нашел только троих и все вместе они приезжали к Аревик. У Аревик появились проблемы со здоровьем, и она не могла уже в полной мере заниматься мемориалом. Приехавшую ухаживать за ней внучатую племянницу назначили директором комплекса. После смерти Аревик благодарные земляки и губернатор, собрали средства и установили Аревик памятник в сквере курортного города. А дорогу к поляне памяти охраняют стела в виде солдатской винтовки со штыком и постамент с фигурой раненного бойца. А на арке у въезда людей встречает надпись: «Поляна памяти. Люди, тише, здесь спят солдаты».

Лилия Магнавиевна Аслямова

ВОЗВРАЩЕНИЕ

На маленькой железнодорожной станции было многолюдно. Невысокая белокурая девушка с чемоданчиком быстро шла мимо вагонов, разглядывая тех, кто находился на привокзальной площади.

Много дней до этого она без устали смотрела в вагонное окно, не узнавая местности. Городские пейзажи с мощеными дорогами и большими зданиями сменялись заснеженными полями. Снег прикрыв самое страшное, но все же тут и там проглядывали разрушения после бомбежек и последствия пожаров.

Как же она доберется до дома? Одежда девушки выглядела слишком легкой для суровой башкирской зимы: шинель неизвестной армии, без погон и знаков различия, щегольская, но тонкая беретка. Под шинелью на девушке было довольно плотное платье из джинсовой ткани. Впрочем, название ткани появится в ее лексиконе еще только лет через двадцать. Спасибо милосердным союзникам и за ту одежду, что выдали при выписке из госпиталя. Как она радовалась крепким и красивым туфлям! Таких до войны не приходилось носить. Но стоял декабрь, а в этих туфельках предстояло добираться до родного села, за шестьдесят километров от станции...

Увидев, что вдоль забора стоят подводы, девушка встрепенулась. Неужели нет никого из Бураева? Она потатарски окликнула человека в тулупе, который смотрел вслед тронувшемуся поезду:

– Абзый¹, вы куда едете?

Старик удивленно взглянул на щеголиху:

– Ты что, татарка, что ли? Откуда взялась такая?

– Да я бураевская! Вот, возвращаюсь из армии...

– И-и-и, кызым²! Таковую маленькую в армию взяли? И так долго держали? Что ж ты не по-зимнему одета? Отвезем, отвезем фронтовичку домой, кызым!

Дедок засуетился, заговорил, задавая вопрос за вопросом, перебивая сам себя. Она радовалась, что не надо сразу отвечать на все вопросы. Мало ли.

Земляк пошел в вокзальный буфет – может, купит какой-нибудь гостинец своей старухе. А там и поедут.

Девушка пока забежала за угол по нужде, поправила одежду. Старик вышел быстро: он разжился пачкой настоящего плиточного чая, благо в буфете работала дальняя родственница. Она же ссудила старенькими, но вполне годными одежками, чтобы его неожиданная спутница могла укутать ноги.

Все это дед охотно пояснял, вороша сено в санях и встряхивая второй тулуп, в котором привез на поезд соседа.

– Вот как соседский тулуп-то нам пригодится, кызым, а? – говорил словоохотливый старик. – С головой укроешься, ноги, главное дело, укутай, не поморозь. А потом и их под тулуп! Это хорошо, что ты такая маленькая! Ай-яй, кто же тебя так зимой отправил-то?

К счастью, день выдался на удивление хороший, мягкий. Устроились, отдохнувшая лошадь бойко побежала по улице.

---

¹ абзый – дяденька (обращение к пожилому мужчине, тат.)

² кызым – дочь моя (тат.)

– Как же тебя зовут, дочка? – спросил возница, обернувшись.– Дорога длинная, как тебя называть?

– Сагира! – впервые за несколько лет девушка назвала имя, которое дали ей родители.

... В Равенсбруке у нее был номер, нашитый на левом рукаве. Сагира запомнила его на всю жизнь – 17523. Два с половиной года просуществовала безымянной заключенной. Об имени спрашивал только тот красивый офицер в немецкой форме, который искал пленниц мусульманок, хотя вряд ли заподозрил такую в светловолосой голубоглазой девушке. Выстроив узников в шеренгу, он произнес перед ними горячую речь.

– Мы создадим новое мусульманское государство между Волгой и Уралом! Вступайте в легион «Идель-Урал», получите оружие, возможность сражаться за будущее! Я пришел за вами, соплеменники! – он говорил по-татарски, но с непривычным для слуха произношением.

– Крымский татарин, – шепнула Сагире Евгения Лазаревна. – Будет набирать добровольцев. Не признавайся, что ты татарка. Назовись... Софьей Трасковской! Так мою подругу звали.

С тех пор Сагира стала Софьей. Сначала они добывали камень, вывозили его на тележках и мостили дорогу. Тяжелейшая работа лишала сил. Спас ее... тиф. Однажды обессиленная девушка упала в обморок, ее в беспомощности бросили в тифозный барак. Удивительно, но там она выжила. Возможно, покой помог организму справиться с заразой. При выходе Соню обрили наголо, не зная иного спасения от тифозной вши. Поставили на раздачу баланды.

Бывшая учительница Евгения Лазаревна привлекала многих человечностью и выдержкой, удивитель-

но, что Сагира прибилась к ней. Она видела в этой сильной женщине то, чего не хватало другим и ей самой: твердость и силу духа. Соня выполняла разные поручения Евгении Лазаревны. Работа раздатчицы подходила для этого как нельзя лучше. Между тридцатью тремя бараками лагеря наконец появилась какая-то связь. В основном передавались вести с фронта, новости и предостережения об изменениях в лагерной жизни. Пленные женщины стали настолько равнодушны к своей и чужой судьбе, что утром, пробираясь среди нар на поверку, перешагивали через тела умерших за ночь товаров. Появление даже сильно запоздалых вестей с воли давало им надежду.

Вскоре удалось организовать саботаж: узницы отказались от работы на военном заводе. Кара последовала немедленно. Девушек, раздававших баланду, тут же бросили в штрафблок. Окна задраены, вокруг колючая проволока, в день выдается только половина пайка. В феврале сорок пятого года немцы бесновались, чувствуя приближение конца. Каждой узнице досталось по двадцать пять ударов палкой. Даже дышать стало невыносимо: в крематории еле успевали сжигать умерших.

Выпустив из штрафного блока, девушек отправили на расчистку леса. После работы пленницы попытались спрятать двух подруг, закидав ветками. Пропажу тут же обнаружили, в итоге – опять карцер. Тут Сагиру покинули силы, она температурила и бредила. Но в двадцать три года молодое тело хочет жить – девушка пришла в себя.

Последние месяцы в лагере казались бесконечными. Никаких вестей извне, полная безысходность. Когда в середине апреля в лагерь ворвались танки, люди ничего не поняли. Оказалось, их освободители – союзники,

англичане. Сагиру с наиболее истощенными узниками положили в лазарет. Освобожденные настолько обессилели, что раздев и помыв их, даже не стали одевать, а только укутали в простыни.

Рядом с Сагирой в палате лежала такая же исхудавшая девушка-хорватка, Мила. К ней частенько приходил товарищ по имени Дамир. Как-то утром он вбежал радостный, громко крича:

– Победа! Войне конец!

Милка и Сагира, кутаясь в простыни, дошли до распахнутого окна. За окном цвела весна, кружил головы запах сирени. День сиял. Только в эту минуту Сагира поверила, что будет жить...

Задумавшись, Сагира не заметила, что въехали в сосновый лес. К ней обернулся возница:

– Кызым, не замерзла там? Ты чья же дочь будешь? Я ведь в Бураево всех знаю!

– Абзый, сирота я, с шести лет без отца! Давлетхана дочь, а мать -Шамсехаят!

Дед замолчал, прикидывая в памяти что-то. А Сагира вспоминала родной дом, откуда в апреле сорок второго в новеньких желтых лаптях уходила на фронт.

– Одной пары должно хватить до станции, а там выдадут сапоги! – деловито говорила подруга, Сагдия.

Она, дочь зажиточного человека, могла и не в лаптях идти, конечно. Но как не побереечь обувь, ведь трудно с ней. Да и выделяться среди подруг не хотела. Девушки – убежденные комсомолки, настоящие дети своего времени. Поэтому и решили добровольно идти на фронт.

Сагира, хоть и секретарь комсомольской организации, а раздумывала перед тем, как написать заявление в военкомат. Как единственная кормилица матери, мог-

ла отказаться или отложить свой уход на фронт. Братишка Мирзахан и старшая сестра, военфельдшер, служили с самого начала войны. Но она решила идти вместе с подругами.

Накануне отправки Шамсехаят привычно собрала маленький заплечный мешок младшей дочке: третьего бойца отправляет из дома. Слез и нежностей обе терпеть не могли, простились сдержанно.

Утром 27 апреля маленький отряд из тридцати девушек с песней уходил из Бураева. Люди, услышав «Катюшу», махали вслед, утирая слезы.

Вышли из села бодро, весело. Солнечное утро освежало, война казалась еще далекой. Но первые неприятности были тут как тут: переправляясь через Танып, девушки промочили ноги, надо льдом уже поднялась вода. Обсушились в соседней деревне и пошли дальше. Когда сильно уставали – шестьдесят километров не шутка! – опять запевали «Катюшу», «Партизанскую». Дошли. Погрузились в поезд.

Наконец, Уфа, где формировали бригаду зенитчиц. Часть девушек училась обеспечивать связь между наблюдателями и штабом. Уфимские девчата попали под Сталинград. Война учит быстро, к осени Сагира с закрытыми глазами могла соединить оборванный провод.

Как-то поздней осенью они с подругой отправились искать место обрыва. Низко нагнувшись, шли вдоль линии, когда послышалось гудение машин.

– Немцы! – вскрикнула Рая.

Сагира в ужасе схватила ее за руку и потянула вниз. Но их уже заметили.

Не успели девушки лечь на землю, как их окружили мотоциклисты. Немцы в уродливых касках спешили

лись, грозя автоматами, приказали сесть на вспаханную землю. Через некоторое время повели в расположение части: все оказались в плену. Потом были забитые людьми вагоны, голод, лагерь за лагерем...

Сагира очнулась от окрика бабая:

– Сагира, так на тебя же похоронка пришла! Вспомнил я Шамсехаят! Они с моей старухой часто видятся у родника! Ваш дом же по ту сторону моста? Мать-то тебя давно похоронила!

Конечно, прошло уже семь месяцев, как окончилась война. Долгих три месяца Сагира только излечивалась после лагеря. Остальное время союзники оформляли документы, наводили справки, а ее приставили помогать медперсоналу.

А дома, в старом шкафу, в это время лежали две страшные бумаги. Первую, похоронку на единственного сына, Шамсехаят получила в конце сорок второго года. На второй было напечатано: «Ваша дочь, красноармеец Давлетбаева Сагира Давлетхановна, пропала без вести в феврале 1943 года».

Пережила эти страшные письма старая мама. Переживет ли радость от сегодняшней встречи?

Сагира сжалась в комочек в тепле овчины и уснула. Сани тихонько скрипели по снегу – везли домой.

Роман Михайлович Кушнер

САНИТАРКИ

(фрагменты, отдельной частью входят
в роман-эпопею «Милосердие»).

*Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напряженный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем
смелым...*

Юлия Друнина «Бинты».

* * *

Он давно наблюдал за этой фигуркой. Вот уже полчаса, не меньше, этот неугомонный русский, словно ящерица, ползал среди раненых и убитых. Издалека было видно не слишком чётко, но всё же Эрих обратил внимание, как санитар, словно покупатель в лавке мясника, деловито осматривал каждого лежащего с ног до головы, а иногда даже под тела засовывал руки. Одних, явно не понравившихся ему, оставлял в покое, других цеплял чем-то и волок в укрытие. И всё это делал почти без отдыха, сразу же возвращаясь за очередным.

Начинало смеркаться, мороз крепчал, но приказа не поступало, приходилось торчать в этой промозглой траншее. Он слышал, как кто-то рядом из их окопов постреливал в ту сторону и даже видел, как пули ложились в непосредственной близости от очередного раненого, поднимая фонтанчики земли и снега. Эрих знал, что желания подстрелить трудящегося санитаря у этого «клоуна» не было, так, попугать ради шутки. Это наверняка их ротный придурок рядовой Вурмбах. Он частенько

развлекался подобным образом, указывая «ориентир» к следующему лежащему, а санитару ничего не оставалось, как прислушиваться к его «мнению».

На их участке фронта существовало как-бы негласное правило - не трогать санитаров. Русские тоже неукоснительно следовали этому и у солдат в общем-то не было взаимной обиды. Каждый делает своё дело, только и всего. Эрих вздохнул и вытащил очередную сигарету. До войны он совсем не курил, только здесь, на фронте начал. Да и как не закуришь, если целыми днями торчишь на морозе? Не повезло, а может быть и повезло, когда его призвали в конце 42-го. «Старики» рассказывали, что в самом начале на настоящую войну мало что походило, наступали и днём и ночью до таких жутких морозов.

Совсем рядом раздался тугой резкий выстрел, так бьёт снайперская винтовка. Эрих лениво поднял взгляд. Он не видел куда целился стрелявший, но санитар, тащивший очередного «клиента», замер, словно прислушиваясь к чему-то.

Чего же ты ждёшь, дурашка? – с усмешкой, подумал Эрих, – сейчас совсем стемнеет, заблудишься и в наш госпиталь приволочёшь. То-то смеху будет.

Зрение у него было неплохое, он вдруг заметил, как санитар, похоже, начал подёргивать своей ногой в большом толстом валенке. Это его заинтересовало. Внезапно раздался второй выстрел. Теперь он отчётливо увидел, как из другой ноги брызнул фонтанчик.

А ведь ещё и разрывными стреляет, скотина! - он недовольно поднялся и заглянул за окопный излом, - ну так и есть, этот, из идейных, прислали на нашу голову, теперь ещё и доносить станет. В открытую побоится,

знает, свинья, что сам в затылок может схлопотать «кугель».

Эрих протянул руку и снял с шеи спящего рядом Кранца бинокль. Настроил оптику и нашёл то место. Пропустив под мышки раненому длинную верёвку, другой конец санитар привязал за собственный пояс. Теперь он полз на животе, но очень медленно. То замирал ненадолго, то подтягиваясь на руках, двигался дальше. Эрих чуть переместил взгляд и тихо, витиевато выругался - обе ноги солдата оставляли за собой тёмный, уже едва различимый в сумерках след. Но ещё удивляло, как такой маленький и хилый человечек тащит здорового «ивана»? Но вот санитар повернул голову на другую щёку.

Майн Гот! – он вздрогнул, – да ведь это женщина! Эрих напряг зрение. Теперь он даже заметил, как из-под шапки у неё выбилась и волочится по земле длинная растрёпанная коса. Её хорошо было видно на грязном испаханном снегу. Это почему-то подействовало на него больше, чем перебитые ноги. Эриху вдруг стало тоскливо и захотелось побыстрее убраться отсюда, чтобы ничего не видеть. За поворотом послышались чьи-то возмущённые голоса, затем опять всё стихло. Очередного выстрела не последовало. Он облегчённо вздохнул. Достал помятую пачку и вытащил последнюю сигарету. Пока прикуривал, стемнело настолько, что всё пространство впереди начало сливаться в одну большую тёмную массу с «рождественскими» сполохами, красочно перечерчиваемую трассами пулёмётных очередей. Холода уже не ощущал.

Завтра же подам рапорт на курсы пулёмётчиков, окончательно решил Эрих. За свою меткую стрельбу рядовой Руллер не раз получал солдатские награды и

его ротный командир пообещал со временем направить на эти курсы, да всё что-то тянул. Раздалась команда освободить окопы для ночной смены. Впереди ждал тёплый блиндаж, пора глотков спиртного и горячий ужин, но предвкушения удовольствия не испытывал.

* * *

Страшен, непостигаем танковый бой. Взрослые опытные мужики не выдерживали, что уж говорить о юных созданиях, по собственной воле оказавшихся посредине огненного ада. Временами, казалось, взрывался воздух, сверкал огнём и плевался расплавленной сталью, а земля, сама дрожащая от взрывов, не всегда успевала укрывать людей.

Как и обещал комбриг, денёк выдался горячим. Две танковые роты вышли на этот участок передовой. Июньская жара сделала почти невозможной биологическую жизнь внутри раскалённых машин, но вопреки всем законам природы люди продолжали сражаться. Немецкие пикирующие бомбардировщики постоянно кружились в воздухе, сменяя друг друга. Самыми уязвимыми мишенями оставались лёгкие танки БТ-7, БТ-9, к тому же оснащённые бензиновыми двигателями. Иногда было достаточно одного попадания бомбы или снаряда и он, словно в чудовищном карнавале, выбрасывал вверх ослепительный гейзер огня и дыма. Тотчас начинал рваться неизрасходованный боекомплект. Из обречённого экипажа обычно никто не успевал спастись. Метрах в ста пятидесяти на глазах Мили снарядом «удачно» снесло башню БТ-7го, он остановился и начал лениво дымить. Ещё минуту назад девушка тряслась от страха между траками сорванной танковой гусеницы, как неведомая сила в очередной раз вытолкнула её из укрытия и бросила к машине...

Ещё день назад командира танка мл. лейтенанта после окончания курсов назначили в 3-ю роту и это был его первый бой в составе нового экипажа. Ему сразу повезло дважды. За мгновение до попадания снаряда, внешней взрывной волной лейтенанта швырнуло головой о металл, он потерял сознание и рухнул на заряжающего. В следующее мгновение, словно бритвой, снесло башню.

В верхней части задымил и набирающий силу огонь начал неотвратимо подступать к бензобакам и боеприпасам. Задыхаясь от напряжения и удушливой гари, Миля на бегу натянула на глаза лётные очки...

Сколько раз потом с благодарностью девчонки вспоминали погибшего неделю назад Геннадия. Это он, неизвестно откуда, достал и обеспечил санинструкторов очками. Стёкла надёжно защищали глаза, т.к. даже при кратковременном прохождении огня без такой защиты зрачки глаз выжигались мгновенно.

Теперь всё решали какие-то секунды. Стараясь не думать, она с разбегу нырнула в обжигающую, дымящую дыру. Здесь Миля уже привычно ориентировалась. Нащупала в темноте человеческое тело, обхватила рукой, подтащила вперёд и уцепилась другой за верхний наружный обрез. Заорав от невероятного напряжения, с силой выдернула его наружу. В обнимку перекаталась с ним по броневому покрытию на гусеницу, уже оттуда скользнула на землю и как можно дальше оттащила раненого от горячей машины. От страшного напряжения всё её тело вздрагивало, а открытый рот судорожно хватал воздух. Казалось, никакая сила не заставит девушку снова лезть в нутро этого, пышущего жаром чудовища. Но ещё не погасла над ней шестико-

нечная звезда, что-то подсказывало, что есть время, что может успеть.

Собралась с духом и вновь вскарабкалась наверх. Опустившись на самое дно, Миля почувствовала под ногами что-то мягкое. Согнулась, на ощупь определила положение тела и ухватилась за комбинезон. Напряглась из последних сил и вдруг с ужасом поняла, что ни вытащить, ни бросить его она уже не в состоянии. Безвольно опустили руки, девушка растерялась, упуская последние секунды. Внезапно, словно услышав её мольбу, танкист зашевелился и сам начал выбираться наружу. Не помня себя от радости, Миля почти одновременно с ним выкарабкалась наверх, но в последний момент зацепилась коленом за что-то острое и сорвалась головой вниз. Если бы не нога танкиста, то со всего маху она «приложилась» бы лицом к закопчённой гусенице. Сравнительно мягкая кирза самортизировала удар и Миля, больно скользнув носом по сапогу, очутилась на земле раньше его хозяина. В ту же секунду запоздавший взрыв взметнулся вверх, с лёгкостью рвя и испаряя металл с остатками человеческой плоти.

Чуть позже, вместе волоча безжизненное тело командира, заряжающий, коренастый, широкоплечий деревенский парень, на удивлённый вопрос санитарки «Чего же ты ждал?», не нашёл в себе силы даже соврать. Не глядя на неё, смущённо пробормотал:

– Извини, сестрёнка, растерялся...

* * *

«Юнкеры» безнаказанно снова и снова заходили на точечные цели, а высоко в небе превосходящие силы противника сковывали действия советской авиации, навязывали бои и тем самым лишали её манёвра. Экипажи тяжёлых танков оказывались более защищёнными,

но только не от ошеломляющего пекла внутри бронированных машин. От высокой температуры у многих из ушей текла кровь, восприятие становилось несколько помрачённым и команды не всегда чётко и вовремя доходили до их сознания. Вследствие нарушения эксплуатационных режимов стали отказывать рации, после чего крайне осложнялась координация действий между подразделениями. Из-за плохой видимости на поле боя экипажи часто теряли друг друга из виду. Казалось, вот он, наступил тот предел, до которого человек может дойти, устоять и не сломиться.

Командир второй танковой роты капитан Барчук дрогнул первым, он приказал механику-водителю остановиться и сдавать назад в ближайшее укрытие. Несколько тяжёлых машин заметили молчаливые действия командирского танка и начали повторять его маневр. Общий строй разорвался, но большая часть «КВ» ушла вперёд. Волна плотного чёрного дыма заставила командира танка лейтенанта Сомова приоткрыть люк. Случайно обернувшись в сторону, он вдруг заметил среди разрывов снарядов, что в его направлении бежит человек. При очередных разрывах падает, встаёт, опять бежит, снова падает. Казалось, эта игра со смертью будет нескончаемой, но вот осталось несколько десятков метров и он узнал Марию.

До конца своих дней бывший танкист гвардии майор Николай Сомов сохранит в своей памяти, как разъярённой кошкой взлетела она на башню его танка. Он увидел перед собой огромные чёрные глаза с сохранившимися вокруг них кругами белой нетронутой кожи. Остальное - её щёки, нос, губы, уши представляли страшную, невыносимую картину. Они всё ещё продолжали медленно пузыриться, сворачивая кожу в мел-

кие красно-пепельного цвета струпья. Лейтенант видел в ярости оскаленные зубы и слышал жестокий, пронизывающий до глубины души крик этой девочки. Она обвиняла его, всех их в предательстве, в том, что оставили умирать тех, кто впереди, бросили их, ушли с поля боя.

Механик-водитель не дождался команды и рванул танк вперёд. Экипажи соседних КВ видели, как их санитарка спрыгнула с брони и танк, резко набирая скорость, двинулся туда, к покинутой им роте. Что-то изменилось в поведении людей. Словно очнувшись, наращивали скорость тяжёлые машины, одна за другой занимая прежний боевой порядок.

Трудно определить, что экипажам давало силы, одно очевидно, не последнюю роль в сознании измученных боями людей сыграла и та частица надежды, подтверждение которой они постоянно видели в ходе сражений. Солдаты уверовали в то, что и в безвыходной ситуации их батальонные сестрички спасут, вытащат из подбитых и горящих машин. Танкисты постоянно ощущали их присутствие, да и многое происходило на глазах у всего батальона. Девушки отчаянно шли туда, куда и не каждый мужчина отважится - в самое нутро раскалённой коробки, готовой в любое мгновение взорваться целым арсеналом. А ведь там на полках лежало сотни снарядов, патронов, снаряжённых автоматных дисков.

Первой в бригаде так и погибла их смуглянка Луминица. Её война длилась ровно две недели. Девушка сгорела в танке, выполняя свой долг, и была похоронена вместе с полным составом экипажа танка БТ-9 в одной братской могиле.

К исходу дня после тяжёлого кровопролитного боя танковая бригада продвинулась далеко вперёд и

намертво закрепились на новом рубеже. Машина появилась в сумерках. Из «виллиса» с заметным усилием выbralся комбриг. Он не дослушал рапорта командира полка, устало махнул рукой и припадая на одну ногу, подошёл к неровному строю экипажей. Сорванным, осевшим голосом поздравил солдат с победой, что-то ещё говорил значимое и тёплое. Люди слушали его проникновенные слова и мысленно находились на своём левом фланге, где в конце строя замерли санинструкторы. Отцы семейств и совсем молодые танкисты с горечью осознали, что сегодня это была победа их Марии, санитарки второй танковой роты...

Командир отделения ефрейтор Поволяев очень тяготился своим недавним назначением и очередным воинским званием. Уже второй месяц заканчивается, как он в этой штрафной роте и, тьфу-тьфу, ни одного даже лёгкого ранения, кроме оторванной мочки уха каким-то дурацким осколком. А вот с его отделением одна и та же история приключается. «Свежеиспечённого» ефрейтора в первом же бою или ранят, или ещё что похуже, а у остальных ни одной царапины. Он подсчитал - оставалось продержаться всего одну неделю и весь шестилетний лагерный срок должны «скостить». Командир отделения, на чьё место его недавно назначили, должен был всего лишь месяц отвоевать в штрафбате. Не повезло парню, так же как и предыдущих, его смертельно ранили в первом бою. Уж лучше бы он свои четыре года в лагере отсидел, глядишь, жив бы остался...

Володя сидел на корточках, прислонившись спиной к автомобильному баллону, и выкуривал последнюю перед сном «козью ножку». Спать не хотелось, да и как тут заснёшь, когда скорей всего завтра бросят на штурм каких-то укреплений, гори они ясным пламенем.

Поколебался, свернул вторую и, со злостью запретив себе думать о завтрашнем дне, мысленно перенёсся в тот довоенный год. В свой районный центр, на ту улицу в большой кирпичный дом. В одной половине, поменьше, жила его собственная семья, в другой постаревшие родители с семьёй старшего брата. Братья жили дружно, оба работали механиками на автотракторной станции. У младшего только второй народился, тогда как у старшего пятерыми не обошлось, ждали шестого. Жёны знали друг друга с детства, что ещё надо было для спокойного счастья? Никто не предполагал, что беда однажды заглянет в их дом.

Поручили братьям, Николаю и Владимиру, срочно поставить новый двигатель на автомашину большого районного начальника. За светлое время не управились, а к вечеру сынишка Николая, восьми лет, со школьным товарищем заглянул. Вот и решили братья сбежать пообедать, а друзей посторожить оставили. Когда вернулись, в гараже гарью воняло, а пацаны молчат, соплями шмыгают. Оказалось, играли ребята в кабине да и запустили уже подключенный двигатель, а заглушить вовремя не смогли, а может растерялись. Долго ли мотор без масла да без охлаждения проработает? Перегрелся, «задрало» кольца и двигатель заклинило. Вызвали завгара, а тот и слушать не стал, сам перетрусил. Николая, как старшего, во вредительстве обвинил да заодно недостающие двести литров бензина приплюсовал. Тут же и позвонил, кому следует.

Дома ещё ничего не знали. На следующий день вызвали обоих к следователю. Володька посмышлёней был, догадался, чем всё это кончится для отца шестерых детей. Пока шли, он и решил всё про себя. У входа заявил, что первым пойдёт. Зашёл в кабинет и с порога

признался во всех грехах, да ещё и лишнего следовательно наговорил, чтобы уж точно никаких сомнений не возникало. А как вывели его под охраной, посмотрели братья друг на друга, так старший обо всём и сам догадался. Отвернулся, плачет...

Встал ефрейтор Пovoляев, растёр окурок и побрёл «отбиваться». Мыслей никаких не осталось, подумал только, что от судьбы не уйдёшь и будь что будет. Ещё не рассветало, команду получили подниматься тихо, строиться и выходить. Там на рубеже и дожидались покуда совсем не рассветёт. Командир роты по цепочке передал: пойдёт впереди с политруком и чтобы не отставали и помнили - штык молодец, а пуля дура, всех не убьёт. В атаку молча шли. Им и раньше умные люди советовали не кричать. С «ура-ура» пробежишь не много, сорвёшь дыхалку, а до тех укреплений ещё ой, как далеко. То, что никакой артподготовки не будет, каждый штрафник знал - начальство снаряды бережёт. Одно только дух и поддерживало - сам подполковник первым в атаку пошёл. (приказ о присвоении этого звания ротный писарь ещё с вечера «проболтал».) А комиссара он всё же назад отослал, видно, «зелёным» ему показался, третьего дня, как из пополнения прибыл на замену.

Такого ещё никто не видел - штурм обычно командиры взводов возглавляли, но чтобы подполковник...

А ведь, ей-Богу, живым останусь! – отчего-то мелькнула на бегу мысль. По сторонам, впереди, сзади слышалось хрипкое дыхание и дробный топот солдатских сапог. Вон, как командир перцу нам всем всыпал, а обгоняет его молодёжь... хрен угонится за ними...

Внезапно фонтаны земли глухими праздничными хлопучками начали взметаться где-то впереди, затем,

словно отголоски, с лёгким кхеканьем мины рвались уже сзади, сбоку Поволяева, под ногами бегущих рядом с ним товарищей. Чей-то пол сапога с ослепительно белой сколотой костью плюхнулся впереди ефрейтора. Осознать или хотя бы удивиться он так и не успел, оглушающе рвануло совсем близко и Володьке вдруг стало отчего-то совсем светло, и отчаянно весело: Ага! Вон значит, как в Рай-то попадают! Кому расскажи...

В большой армейской палатке, оборудованной под лазарет, было тепло, печки топились круглосуточно. К исходу пятых суток Поволяев почувствовал, что наконец-то сможет встать, главное чтобы не подвела нога. В сознание он пришёл быстро, уже на следующее утро после операции. Женщина хирург сообщила ему, что родился в «рубашке», а точнее, в железной – удалили равно двадцать четыре осколка. Застряли не глубоко, но дел натворили немало, повезло, что на операционном столе оказался вовремя, опоздай минут на десять... А что касается «двадцать пятого», то он, словно заговорённый, остановился в полутора сантиметрах от сердца. Удалять не решились - слишком рискованно, даже консервативно по рации устраивали.

Можно было и так сказать – повезло ефрейтору, если конечно не считать отсутствия четырёх пальцев на правой ноге. Их срезало вместе с домашним шерстяным носком. Но огорчало Володьку больше всего, что управление в тракторах тугое, да и в хозяйстве не с руки, вернее не с ноги даже картошку копать. На перевязке медсестра рассказала, что жизнью Владимир обязан их санинструктору. Это она на плащ-палатке вытащила его с минного поля. Когда немецкие батареи открыли огонь, Света хотела с ним в ближайшей воронке переждать, да раненый на глазах кровью истекал. Так под

огнём, почти до самого рубежа и волокна, да сама не убереглась - осколком поразило в позвоночник. Не хватило до укрытия каких-то полсотни метров. Спасли и её, но главный хирург сказал, что ходить теперь вряд ли сможет.

Раненая лежала отдельно, за брезентовой перегородкой. Поволяев осторожно отогнул полог и увидел светловолосую девчущку лет восемнадцати. Большие тёмно-серые глаза не моргая глядели в потолок. Подошёл к кровати. Её взгляд опустился на вошедшего, что-то мелькнуло в нём, он понял, что Светлана узнала его, хотя и был весь в бинтах. Володьку под сердцем ровно второй раз осколком ковырнуло, почему-то невыносимо стало видеть вблизи совершенно беспомощную женщину. Он растерялся, не зная с чего начать, как увидел, что из этих «чаш-озёр» беззвучно потекли слёзы. Что произошло в следующее мгновение, Поволяев и сам не мог объяснить себе, только время для него вдруг вновь начало отсчёт, как тогда, у двери в кабинет следователя. Он внезапно на одном вздохе принял решение - заберёт её с собой, увезёт в какое-нибудь село или деревню, а там, как Бог на душу положит.

Катя портила уже второй лист. Слёзы капали куда придётся и строчки от химического карандаша постоянно расплывались. Но прежде ефрейтору пришлось крепко уговаривать её подругу написать письмо под диктовку, у самого рука не поднималась собственноручно объявить приговор жене и детям, да и самому себе. Поволяев диктовал медленно, тщательно обдумывая каждую фразу, а Катя выводила строчки и удивлялась, как от этих простых слов не загорается бумага. Письмо получилось недлинным, в одну тетрадную страницу, а заканчивалось оно так:

«...Родная моя, постарайся понять меня и простить. Я ещё сильнее люблю тебя, люблю наших детей. Вы мне снится каждую ночь. Я знаю, что буду мучиться. Понимаю, какой это крест - инвалиду ухаживать за недвижимой. Но по-другому просто не могу. Я знаю, что ты меня бы не бросила. Дети бы от меня не отвернулись, я был бы в тепле и сытости. Но помня, что моя дорогая спасительница где-то одна, совсем беспомощная, страдал бы ещё больше. Это письмо последнее. Чтобы не мучить ни тебя, ни себя. Прощай родная моя. Устрой свою жизнь как знаешь. Я всё пойму. А односельчанам скажи, сыновьям тоже, что я погиб. Прощай»¹.

Печаль – сад памяти

Раненый лежал в самом конце коридора в небольшой комнатухе, оборудованной под дополнительную палату. Кроме кровати, тумбочки и табурета она почти ничего не вмещала. Раньше здесь завхоз хранил необходимое имущество, но из-за большого наплыва раненых начальник госпиталя распорядился освободить все подсобные помещения, а весь инвентарь снести в сарай.

Гулина смена заканчивалась в шесть утра. К середине ночи она уже сбилась с ног, без конца убирая палаты, вынося утки и судна, а если требовалось, то в паре с другой санитаркой подмывали лежащих, меняли простыни. Молодые солдаты очень смущались и до последнего старались никого не беспокоить. Для некоторых это заканчивалось весьма плачевно и в результате обо-

---

¹ P.S. Этот короткий текст – выдержка из подлинного фронтового письма. Женщина, которой оно было адресовано, дождалась внуков, замуж не выходила. Автор.

рачивалось ещё большей работой. Они плакали от беспомощности, с ужасом понимая что натворили. В подобных ситуациях санитарки быстро научились сдерживать свои эмоции, уже по опыту зная, что лучше всего обращаться с такими ранеными чуть грубее, чем следовало, тем самым отсекая всякие попытки оправдаться. В особых случаях сердитое выражение лица на ребят действовало почище ротного старшины. Они начинали относиться более спокойней к работе санитарок и торопились звать их, когда приспичит.

К четырём утра наступило временное затишье. Раненые с трудом, но засыпали, в том числе и более тяжёлые после инъекций блаженно-спасительного морфия. Гуля без сил опустилась на свободный стул у столика дежурной медсестры. Надя, молодая полная женщина с трудом сдерживала наплывающий сон и постоянно зевая, что-то отмечала в одной за другой истории болезни. Несколько папок она отложила отдельно и девушке бросилось в глаза название родного города. Она с интересом развернула её к себе и прочла:

Мл. сержант Муртазин Рустам Дамирович, 1908 г. рождения, гор. Казань, татарин, образование высшее. Военная специальность водитель автотранспорта.

Далее следовало описание болезни, диагноз и пр. Как она поняла, у раненого был обширный ожёг верхних дыхательных путей, кожного покрова головы и верхней половины части лица и глаз. Четыре дня назад была сделана операция. Состояние тяжёлое. Гуля заметила поверху в маленьком квадратике номер палаты, проставленный карандашом.

– Надя, это тот, что в конце коридора?

Сестра мельком взглянула:

– Угу, он самый.

Гуля встала и пошла по коридору, ей захотелось взглянуть на своего земляка. Дверь в комнатушку была приоткрыта и подпёрта табуретом. Сюда падал тусклый свет, освещающая верхнюю половину кровати. Она подошла к нему. Голова и часть лица до крыльев носа была забинтована. Щёки смугловатые с болезненной синевой. Очевидно, он что-то услышал:

– Сестрёнка, сейчас ночь?

Девушка утвердительно кивнула, затем спохватившись, ответила.

– Вот и хорошо, – успокоенно прошептал раненый и затих. Было слышно его тяжёлое осиплое дыхание.

На следующий день Гуля работала в ту же смену. С нетерпением дождавшись передышки, она опять пришла в эту комнатушку. В дверях встретилась с Надей. Заметив в руках у неё две металлические коробочки, спросила настороженно:

– Как он?

– Да вот, оживился чуток. Зайди, поговори с земляком, – сестра торопливо направилась обратно.

– Подожди, Наденька, – голос её дрогнул, – Скажи, как он... вообще?

– Да никак, дня три, может пять протянет, – сестра с сожалением взглянула на неё, – дыхательные пути сильно обожжены и лёгким досталось, отёк начался.

Гуля зашла в комнату. Он услышал слабый шелест, улыбка тронула его губы:

– А, сестрёнка! А ведь это ты вчера заходила, угадал? Присядь, а? Ну хоть немножко, совсем здесь один.

Голос раненого был вымученный, язык слегка заплетался, как у захмелевшего человека. Лицо слегка зарумяненное, дышал часто, с заметным усилием. Гуля присела на край постели. Он прикоснулся к её халату:

– Тебя как зовут, дочка?

– Гузель, я санитаркой работаю в другой половине.

– Гузель?! Так ты татарка?! – оживился раненый и перешёл на татарский, – Откуда?

– Да мы с вами с одного города, дядя Рустам, вчера я видела вашу историю болезни.

– Здорово! Давно земляков из Казани не встречал.

Они разговорились, оказалось, жили недалеко друг от друга в районе кинотеатра им.Тукая. Чувствовалось, сержант долго не разговаривал на родном языке. Он то-ропился, словно старался успеть рассказать о себе то, что его волновало. Закончил государственный педагогический институт, несколько лет преподавал в старших классах математику. Однажды, будучи классным руководителем, в осенний день повёл ребят в лесопарковую зону. Случайно на тропинке увидели ёжика, окружили его, все пальцами трогают, а он сердито фыркает. Почему-то на память пришла сура, которую покойный отец часто повторял его старшим братьям, в ней говорилось о любви ко всему живому и природе. Вот он и прочёл детям эту суру вслух и пояснил откуда изречение. Через неделю учителя вызвали в местные «органы», предупредили о недопустимости религиозного воспитания подрастающего поколения, об ответственности, а затем вежливо «посоветовали» сменить профессию на более подходящую. Со школы Рустама уволили. Не желая испытывать судьбу, он закончил курсы водителей и с того времени работал шофёром. В том же гараже и познако-

мился с будущей женой. В первые дни войны был направлен на фронт, доставлял продукты, боеприпасы. В очередной рейс попал под бомбёжку. Грузённый грузовик шёл в центре колонны. Загорелась деревянная кабина, запылял кузов. Желая отвести машину подальше, погнался к ближайшему оврагу. Не успел, к кузову начали рваться снаряды. Уже потерявшего сознания, выбросило из кабины. Очнувшись в госпитале... Сержант закончил свой рассказ и долго с напряжением втягивал воздух. Было видно, что разговор отнял у него много сил. Лицо заметно бледнело, он сделался вялым и замолчал.

Её уже тянуло сюда, в эту маленькую полутёмную комнатку. За всё время пребывания в госпитале Гузель впервые смогла поговорить на родном языке. Помимо всего, это приносило ей некое ощущение маленького островка родных мест, придавало чувство уверенности среди океана человеческих страданий. Гузель старалась приходить сразу после укола морфия, когда Рустам чувствовал себя лучше и был даже весел. Теперь он узнавал её приближение без ошибки и не дожидаясь, здоровался первым. На этот раз сержант долго молчал, затем неожиданно для неё спросил:

– Я могу поддержать твою руку?

Гузель тронула его кисть, пальцы были сухие и горячие. Он медленно погладил её по внешней стороне руки, затем осторожно потянул на себя и вдруг накрыл узкой ладонью своё лицо. Девушка вздрогнула, это было так непривычно для неё.

Рустам едва слышно вдыхал воздух, не замечая ни огрубевшей кожи с маленькими пятнышками мозолей, ни шершавую сухость тонких пальцев. Его нос и губы не ощущали едва уловимые остатки запахов от грязных

заскорузлых бинтов, тампонов и ваты с гноящихся ран, ни подтёков свежей крови с операционных столов, ни сброшенных в баки кусков омертвевшей и отсечённой плоти. Словно дикий степной конь, обострившемся нюхом, он жадно выискивал и находил одному ему ведомые запахи луговых трав далёкого детства, необузданные волны мчащегося табуна и первые ароматные глотки кумыса из рук матери. Он вновь ощущал этот забытый, неистребимый временем, аромат женской ладони и теперь старался вдыхать глубоко, насколько позволяли ему опалённые лёгкие. Он словно хотел надолго запомнить его, оставить в себе как можно дольше...

Через шесть часов Гуля заступила в ночную смену, а освободившись в четвёртом часу утра, в конце коридора увидела Надю. Заметила в её руках металлическую коробку и обеспокоенно спросила о Рустаме. Та показала ей на торчащую из кармана халата картонную упаковку:

– На двойную дозу перешли, Гулечка, ничего не поделаешь. А ты иди, иди, он только оживился чуток, так сразу о тебе спросил. Иди милая, кто знает, насколько его теперь хватит.

Сержант и сам знал, что времени почти не остаётся и торопливо, пьяной скороговоркой спешил сообщить всё, что не давало ему покоя. Гуля ослабевшими пальцами гладила его руку.

– ...И зачем я согласился... а тут на площади перед военкоматом словно шайтан толкнул. Стакан полный налили, я и выпил. Никогда почти не пил, а взял и выпил... Фаечка со старшей ко мне лезут, плачут, ...Рустик... папа... а я словно ума лишился, отпихиваю обоих, мол, домой идите, сам с Победой скоро вернусь.

Ой, дурак! Ни дочь прижать, ни жену погладить... а теперь вот... Аллах наказал...

Его речь становилась всё более торопливой и бесвязной, выпадали отдельные слова:

– ...не поглажу... четверых выкормила, а грудь словно мячики...

Он облизал потрескавшиеся губы. Щёки и крылья обострившегося носа заметно побледнели, фразы обрывались чаще:

– ...одна в одну... Фаечка! – Рустам с силой сжал её пальцы, – Ты прос... меня... обижу, – Он широко улыбнулся, – Помнишь, молока твоего напился? Сладко...

Рассеянным движением рука коснулась халата, наткнулся на грудь, замер. Казалось, она вспоминала что-то забытое и важное, пальцы шевельнулись, ещё неуверенно охватывая грудь и судорожно сжались. Гуля вздрогнула. Впервые в жизни к ней прикасались мужские руки. Рустам резко откашлялся, она ощутила тяжёлое, гнилостное дыхание, но не отшатнулась. Кожа его бледнела на глазах, черты лица еще больше обострились.

– ...Фаечка... Фаечка... – бормотал он.

Отчаяние от собственной беспомощности охватило Гулю, она видела, что этот человек, её земляк отходит.

– ...Ну что ты, Фаечка, не ух... куда?

Обессиленные пальцы цеплялись и соскальзывали с плотно натянутой ткани. Безумная жалость охватила девушку. Не отдавая себе отчёта, одним движением распахнула халат, ворот старенькой кофточкой и сунула его руку себе за пазуху. Похолодевшая ладонь косну-

лась нежной девичьей кожи и словно обретая вторую жизнь, спасительно прижалась к ней:

– Фаечка... – улыбка застывала на его губах.

Неожиданно для себя самой Гуля горячо зашептала на родном языке:

– Я здесь, Рустик, я с тобой, твоя Фаечка, с тобой миленький, с тобой.

Тело солдата чуть вздрогнуло и он стал отходить, легко и спокойно.

Алла рамет эйлесин! – шептали женские губы, – Да помилует его Аллах! – прощалась с ним жена.

* * *

До того, как Бог создал небо и землю, повсюду царил хаос...

Сотворив мир, Всевышний воскликнул: «Только бы он устоял!»

Факелом взметалось в небо всепожирающее пламя, сплавляя боевые машины в единую бурлящую массу. Словно взятые на аббордаж галеоны, танки величаво дымили, уже безучастные к собственной судьбе. Но мир устоял... пока. Жестокие, непрекращающиеся бои обескровливали бригаду. Нехватало запасных частей, не всегда вовремя доставлялось горячее. В наступлениях участвовала разномастная техника. Рядом с тяжёлыми танками в бой шли и лёгкие, и средние танки, что не могло не сказываться на выполнении тактических задач.

Миля вышла из медсанбата, мечтая побыстрее добраться до постели. Уже подходя к будке, услышала позади себя частое дыхание, короткий взвизг и что-то чувствительное повисло на её плечах. Девушка обернулась. На неё восторженно глядели тёмные Марийкины глаза, лицо же скрывал белый ситцевый платочек. Впервые за

долгое время она увидела в них неподдельную, искрящуюся радость. Подруга взволнованным голосом сообщила, что случайно в одном из выздоравливающих раненых узнала своего бывшего одноклассника Егора Соловьёва:

– Не поверишь, только вчера он мне снился, а тут на тебе! Мы последние полтора года в школе были «не разлей вода». Мечтали вместе поступить в Строительный, потом пожениться. Господи! Как давно всё это было!

Глаза у Марии потухли. Шмыгнув носом, она отвернулась.

– Так чего ты расстраиваешься, глупая, – Миля схватила её за руку, – идём скорее, может ему что-то надо.

Подруга отрицательно покачала головой и медленно поплелась к будке.

– Марийка! – она догнала её, – Ну почему ты всё решила за Егора? Он что, обожжённых не видел? Или не узнал бы? Да ты и такая самая красивая у нас в медсанбате, от одних глаз многие с ума сходят, девчонки завидуют...

Только сейчас до неё стало доходить. Спросила строго:

– Ты что, ему даже не показалась?! Да человек только и мечтает тебя встретить, а ты носом крутишь? Чего молчишь?

Миля заглянула в лицо. Глаза были сухие и горели лихорадочным огнём. Мария резко развернулась к ней:

– Прошу тебя, об этом никто не должен знать и в первую очередь Егор. А ещё я очень благодарна тебе, ведь это ты спасла его, – заметив недоумевающий взгляд, пояснила, – Ну, тот самый лейтенант из БТ-7го,

забыла, что ли? Мне ребята рассказали, видели, как за вторым нырнула, думали, всё, полыхнёшь со всем экипажем.

Она прижала подругу к себе, выдавила с отчаянием в голосе:

– Да ты сама не знаешь, что сделала. Не было на этом свете для меня ближе человека, чем он. Спасибо тебе, – Мария погладила её по щеке, – век не забуду!

Ближе к вечеру Миля отыскала старшину роты у снаряжных ящиков:

– Пётр Аристархович, выручите нас. Мы же знаем, вы всё можете достать. Курица очень нужна, вот так требуется, – она лихо провела ладошкой по своему горлу.

Старший сержант Скворцов неторопливо протёр ветошью замасленные руки, подкрутил седеющий ус и хитро подмигнул:

– А петушка, часом, вам не трэба?

– Ой, да нам всё равно, лишь бы бульон был наваристый. Одного раненого надо поддержать.

Пётр Аристархович вздохнул, сообразив, что сморозил не по адресу, откашлялся смущённо:

– Кхм... Вот что, дочка, сегодня сама видишь, недосуг, к утру управиться бы. Вот завтра к ужину, – он чуть задумался, пошевелил губами, – занесёт вам мой «ординарец», студент. Кстати, давно интересуется Катериной, так что ждите.

Острые боли в голове притупилась и не так донимали. Жизнь Егору казалась теперь удивительной, а будущее виделось в ярко-розовом цвете. Говорливые больные и вездесущие медсёстры уже не раздражали, а вовремя подсунутая «утка» и вовсе наполняла его душу

ощущением чего-то необычного, которое вот-вот должно с ним приключиться. И оно явилось к нему. Медсестра ещё на днях поведала Егору историю его спасения и описала внешность той, что спасла его от неминуемой гибели. Всё совпадало - невысокая, стройная, короткая стрижка, волосы смоляные, кучерявятся. А в глаза лучше не всматриваться, как предупреждала сестра, потому как две «тёмно-карие вишни», тонкие нервные черты лица и маленький греческий носик уже не одного раненого повергли в глубокую депрессию.

Девушка подошла к постели и поставила на тумбочку что-то завернутое в шинельный лоскут. Тихо поздоровалась и сказала, глядевшему во все глаза Егору, что это от его родной третьей роты. Пусть скорее выздоравливает и возвращается в строй. Он и поблагодарить толком не успел, девушка убежала. Отчего-то вдруг стало грустно. Наверно потому, что учуял умопомрачительный запах варёной курицы, который напомнил дом, родных. Затем вспомнилась школа, друзья. И где теперь его Марийка? Но даже здесь, на этой госпитальной койке его не покидало ощущение того, что она где-то рядом и они обязательно должны встретиться. В голове опять начало болезненно пульсировать и немного подташнивать. О пище не хотелось и думать. Егор с трудом досчитал до ста и провалился в глубокий сон.

Если б только знал лейтенант, что обоих ожидает неизбежная встреча...

* * *

Всё ожесточённее становились сражения, всё большее количество техники принимало участие во взаимном истреблении. Когда заканчивались снаряды, в страшных таранных ударах глухо звенела уральская сталь, врезаясь в крупновскую литую броню. Хлётко

звучали команды в танковых шлемах, всё меньше человеку оставалось шансов уцелеть в битве бездушных машин. Психика не выдерживала. Смятение овладевала душами. Очередной начавшийся бой кое-кому казался ужасней предыдущего и часто виделся последним в его жизни. Люди разных вероисповеданий, так и неверующие, уповали на взятые с собой убереги – нательные крестики и ладанки, рисунки своих детей и семейные фотографии, фигурки ангелов и мешочки с чёрным перцем и солью, зашитые в одежду. На разных языках, мысленно и вслух солдаты торопливо шептали спасительные слова и малая, незримая надежда овладевала ими, не позволяла безнадёжности хватать за горло, заставляла оставаться людьми. Но было и общее, что объединяло сражающихся, это судьба. Неведомая, непредсказуемая до последнего момента, до последнего смертельного вдоха. Однако в каждом бою есть то, чего не встретишь в мирной жизни. С командой «В атаку!» наступал конец сомнениям и страхам. С этого момента, танковые экипажи подчинялись своим, особым законам, не рассуждая выполняли свои функциональные обязанности. Даже будучи тяжело ранеными, привычная обстановка внутри боевых машин, сплочённость помогала танкистам сражаться до последнего снаряда, идти заведомо навстречу своей и чужой смерти.

А теперь, спустя более семи десятков лет, уже и не спросишь тех, кто решил поступить именно так. Какие мысли одолевали солдат, о чём думали в последнюю минуту? Одно несомненно, их жизни щитом заслонили державу и «мир устоял».

* * *

Полк начал выдвигаться на исходный рубеж. Некоторые командиры боевых машин, прежде чем захлопнуть люки танковых башен, хоть на мгновения, бросали взгляды назад, туда, где находился в готовности спецтранспорт. И если кому посчастливилось разглядеть хотя бы одну женскую фигурку, то и на душе становилось чуточку легче, спокойнее. То ли видели в санинструкторах своих ангелов-спасителей, а может и собственных жён или невест.

С недавнего времени Марию перестали узнавать. Мрачная и грубоватая, она удивительным образом изменилась. Не огрызалась на двусмысленные шутки и только махала рукой. Особо настырным доходчиво объясняла, что в случае ранения постарается волоочь их задницами по камням да колючкам. Спасая жизни, свои обязанности Мария выполняла, как всегда, сноровисто и со знанием дела. Вот только чаще всего делала это по большей степени автоматически, полагаясь на собственный опыт. Все её мысли теперь были направлены туда, где в этот момент находился её Егор. Во время очередного боя, когда в сражении участвовало большое количество машин, она, словно ясновидящая, обретала необъяснимую способность видеть и чувствовать где в данный момент находится танк мл. лейтенанта Соловьёва. Вот и этот бой ничем не отличался от остальных. К этому времени Мария обслуживала вторую роту. Её подразделение совместно с третьей танковой ротой штурмовали хорошо укреплённую оборону противника. Внезапно с флангов открыл огонь основной противник, немецкая противотанковая артиллерия. И вот уже один, а за ним второй тяжёлый КВ остановились и задымили в непосредственной близости линии немецкой обороны.

Что-то заставило Марию перенести взгляд в центр. Казалось, и в пятистах метрах среди дыма и чада невозможно отличить один танк от другого. На её глазах ближний БТ-7 вдруг резко развернуло и он вспыхнул ярким, ослепительным пламенем. Из башни вынырнула объятая огнём фигурка и бросилась куда-то поперёк общего движения. Сердце Марии точно оборвалось. Она пулей рванулась из траншеи и ринулась наперерез живому летящему факелу. Тонкий ремешок плащ-палатки слетел с плеча. Обожгло правое предплечье, руку чем-то обжигаяще ударило. Но ничего этого она не замечала. В последнем невероятном прыжке Мария догнала его, шаря на ходу в поисках плащ-палатки. Так и не найдя, со всего маху прыгнула на Егора, повалила на землю и крепко прижав к себе, принялась кататься по земле, пытаясь своим телом сбить пламя. После боя их так и нашли, обгоревшими до черноты. Мария не отпустила своего лейтенанта.

Надежда Алексеевна Мазий

ЗА СОЛЮ

*Присоля, хлебнёшь. Посоля, всё съестся.
Пословица*

Шёл второй год войны. Урожай в этом году выдался небывалый. От капустных гряд, что у речки потянулись в деревню телеги, груженные большущими упругими кочанами. Чтобы унять голод ребятишки с утра до вечера хрустели морковкой и капустными кочерыжками. Белых грибов засушили вдосталь, а так хотелось засолить рыжичков и груздей, чтобы зимой их с горячей картошечкой, да без соли долго не нахранишь, а соли не достать! Бабы втихаря кололи и разбирали лизунцы у колхозных коров. Еда казалась пустой, обваренная капуста замылела. Пресный, безвкусный хлеб не лез в рот. Чего в нём только не было. С лета впрок сушили дудошник, кислицу, ботву голландки, капустные листья. В каждом доме была ручная мельница, на которой всё перемалывали и с мукой смешивали, да в придачу опилок в тесто добавляли. От такого хлеба дети маялись животами.

Граша Угольская получила письмо от племянницы из Лопасни, что под Москвой. Та писала, что голодует, мучается водянкой, шатаются зубы. Что хлеба по карточкам даётся по 600 грамм на работающего и 200 грамм на иждивенца, иногда хлеб заменяют пряниками и печеньем. А в деревне выдавали по три килограмма зерна на шесть едоков на неделю, могли и льняным семенем заменить. Семя замешивали на простокваше и пекли лепёшки, но настоящей сытости они не давали. Когда городили огороды, женщины собирались у костра

павжнать, где нередко между ними вспыхивали ссоры. Припоминались былые обиды, усугублённые тяготами войны. И тогда Лиза, по прозвищу Вербованная запева-
ла:

Надоели нам коровы,
Надоели нам быки
Ещё пуще надоели
Постряпушки без муки!
Не ругайтесь бабоньки
Надоело слушать,
Пойдёмте лучше по домам
Будем семя кушать!

Слухом земля полнится. От людей Юлька узнала, что с Камешника семейная пара ездили к родственникам в Сольвычегодск за солью. И тогда её занутило. Загорелась она мыслью за солью идти. Пошла к бригадиру за подорожной. А бригадир давай браниться. Шутка ли зимой пешком в такую даль. Грозился, что за прогулы и под суд можно угодить, а чтобы лошадь взять и думать было нечего. Но Юлька упросила товарок подменить её. «С ума ты сошла что ли? Война! Под суд захотела?» – сказал бригадир. «Всё равно пойду» – ответила Юлька. Разузнала, что и как, и начала готовиться. Сначала сдала по продналогу масло, яйца и шерсть. Тогда вся жизнь была под лозунгом «Всё для фронта! Всё для победы!». А уж потом стала масло копить, чтобы на соль выменять. Пришлось ради большого дела у родимых и без того голодных детей молоко забирать.

Так уж водится у баб, будь то встреча или расставание, а слёзы близко. Мать отговаривала Юльку, плакала: «Куда ты девка – матушка собралась? Сгинешь! Деточек пожалей!». Юлька молчала. Прямая, спокойная

она не хотела пугать ребятишек. А те облепили мать и непонимающе вертели взъерошенными головками. И лишь дрожащие узкие ладони, да судорожное сглатывание выдавали её страх перед дальней дорогой.

Поднялась Юлька в четыре часа утра, на прощание поцеловала детей, разоспавшихся, вкусно пахнущих печкой, теплом, всем уютом деревенской избы. И с лёгким сердцем подошла под благословение матери.

За деревней у леса заметила огонёк сигарки – это бригадир вышел проводить, напутствовал: «Счастливого тебе пути, Юлия Алексеевна, смотри на железке то осторожнее с деньгами, получше прячь». То ли от того, что обратился он по-доброму, назвал по имени-отчеству, сразу родились в ней радость и грусть по оставленному дому. Однако вздохнув, зашагала вперёд. И вот уже позади осталось Симкино. Припасённые с вечера факелы не зажигала. Ярко светила полная луна. Передохнуть решила на Прислоне, зашла к знакомой бабушке Василисе. Та ещё недавно встала, возилась у печи, но гостыюшке была рада. Быстро наставила самовар, вынесла по варёной картошине и сказала: «Пей-ка девка, напейся впрок. Три дня тебе в пути быть в первую дорогу, да и там не к родне попадёшь». Навар был густой, настоян на мяте, отдавал смородиной и зверобоем, не было в нём только заварки.

Юлька вышла на дорогу, легко пошла к лесу, но вдруг небо потемнело, повалил снег хлопьями, ветер задул с разных сторон. В мгновение пропали из виду лес, небо, дорога с чётким следом от саней и кучками конской шишки. Ветром задирало полы ветхой станушки, незнамо было куда идти. Она села прямо в снег, переждать пургу. Чуть погода двинулась дальше.

Юлька шла по зимней дороге и всё повторяла про себя: «Суженый приедет, башмачки привезёт, заревёт, да повезёт». Из-за строптивного Юлькиного характера сваты обходили их двор стороной. Бабы за глаза называли её задачей. Гордая, решительная, сильная духом Юлька считала себя равной мужику, а в некоторых житейских вопросах и поболе. Припомнилось сватовство. Мать с вечера квашню поставила. А Юлька всю ночь повертелась с бока на бок. Уже были уконопачены на зиму окна и между рам загорелись огоньками кисти рябины. Накрахмаленные марлевые занавески, подкрашенные синькой, застыли волнами. До блеска были начищены толчёным кирпичом самовар, ложки, вилки с костяными колодочками. Янтарным блеском засветилась ендова для пива. Сарафан пестрядинный самый лучший и кофту с плетушками Юлька с вечера приготовила. Нагладила атласные ленты в косы о горячий самовар. Перебегая от одного окна к другому, Юлька то и дело гляделась в его зеркальный бок. Она всё гадала, на чём же приедут сваты, на санях или кошевнях. Сваты пришли пешком. Увидев Никиту, Юлька вся так и вспыхнула от радости, одновременно досадуя на бедность жениха. Стол был набран: румяные колобушки, пышущие жаром картовные шаньги, капустники, преженники на поденье горой высились на устланном скатертью столе. Той осенью на болотах было много журавлихи и крупная такая. Сейчас она млела на двух решётчатых сладких пирогах. Овсяный кисель, ячница шкварчала и пузырилась. Посреди стола, на почётном месте стоял рыбный пирог из шуки, собственноручно загнутый невестой. «Слязай в голбец, Юлюшка, неси грузди, да мочёной брусники не забудь. Да не бегай ты простоволосая, окушкойся платком, басся будешь» –

кричала мать! «Проходите в сутки. Усаживайтесь» – встречала сватов Анна.

«Здорово живёте, здравствуйте! У вас товар, у нас – купец, у вас девка, у нас – молодец. Есть ли у вас спицы, да полицы, чтобы вешать шапки, да класть рукавицы?» – задорно, наперебой выкрикивали сваты. Застолье шло своим чередом. В голубой рубахе, черноволосый, чубатый, Никита сидел по левую руку от дяди Тимофея. А справа сидела дородная Павла. Гостей обносили домашним хмельным пивом. За столом шёл неспешный разговор о житейском, поднимались лафитники, наполненные прозрачным, как слеза первачом. А жених и невеста волновались, не ели, а только неотрывно глядели друг на друга. Прощаясь, они пожали руки. Жениха забрали на всю зиму на лесозаготовки, так что свадьбу сыграли только по весне.

Утром дорога оживилась, стали попадаться санирозвальни, кошёвки, в которых сидели крупные мужики в пыжиковых шапках, выбритые, в белых бурках на полных ногах. Вскоре нагнала её попутчица, пошли вместе, перебрасываясь на ходу деревенскими новостями. Шли целый день, глубоким вечером были на станции Пинюг. Поезд набирал ход, разгонялся, совсем останавливался. С клубами холодного воздуха заходили и выходили люди, усаживались, доставали нехитрую еду: хлеб, варёную картошку, яйца, пили кипяток. Кто-то наигрывал на губной гармошке «Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой...». Сидящая наискосок высокая, сухопарая молодка делилась с низенькой старушкой своими горестями: «Ей, свекровке, всё ни так! Ни так масло бью, ни так овцу остригла, всё ко мне придирается». Под это монотонное бормотание Юлька заснула. Проснулась на подъезде к Котласу. Станция

стояла тёмная, ни огонька, ни звука. Перед выходом проверяли документы. Касса была закрыта, в вокзале тепло. Люди спали на лавках, на чемоданах и вещмешках, а то и просто на деревянном затоптанном полу. Юлька хотела было притиснуться к вольготно разлёгшейся тётке, но маленькая девочка предупредила: «Осторожно, у неё вши, много вшей!». А спать хотелось. Приткнулась к остывающей дверке печи и забылась тревожным сном. Вокзал закрыли на уборку, тут и услышала плохую новость, что поезд на Сольвычегодск будет только через три дня. Делать нечего, надо идти пешком!

Спустя несколько часов подходила Юлька к большому селу. Множество домов теснились по ту и эту сторону широкой реки. Была и церковь, закрытая и занесённая снегом. Пройдя до конца улицы, в тупике увидела большой пятистенок. Припомнилась пословица «Хлеб свой, дак хоть к попу на постой!». Взойдя на крыльцо, решительно постучала в дверь. Открыл высокий крепкий старик лет семидесяти. Узнав в чём дело, обрадовался: «У нас сёдни и коровы не доенные стоят. Вот Бог и послал нам помощницу. А старуха то моя болеет. Вымыть бы её в бане. Рассчитаемся, как положено». Юлька налила тёплой воды в подойник, и хозяин с фонарём проводил её в хлев. В хлеву было тепло, Юлька быстро выдоила старую, слабенькую корову, а вот молодая не хотела отдавать молоко, косилась чёрным, влажным глазом, лягалась. Кроме коров было два телёнка, овцы и рыжий обросший густой щетиной поросёнок. Процедив молоко, вымыла подойник и вошла в кухню. Рядом с входной дверью стоял узкий длинный курешник, куры весело клевали толчёную картошку, было их не меньше двадцати. Старики пригласили за

стол, бабка долго охала, умащиваясь на стуле, жаловалась на болезни, которые изводят её горемычную. Дед тем временем принёс квашеной капусты, достал из печи чугунок с супом, рисовую кашу. Ели долго и обстоятельно. За едой старики расспросили Юльку о том, кто она такая и куда идёт. Посовещавшись, упростили остаться на два дня, чтобы помыть полы и вымыть их в бане. Разомлев от обильной еды, Юлька долго не могла уснуть. На печи кряхтела и стонала старуха, а старик, умаявшись, храпел громко, протяжно. Утром Юлька встала, как обычно в пять часов, ушла в прируб, намыла картошки, поставила варить, напоила тёплым пойлом коров, вынесла поросёнку и овцам, надавала сена. Старик встал, когда женщина возвращалась уже с полным подойником и улыбнувшись сказал: «Ай, и ловка ты управляться, живой рукой всё изладила». Юлька раз двадцать бегала к колодцу за водой, жарко вытопив баню, повела туда старуху. Бабка с трудом разделась и Юльке открылась её болезнь. Весь живот и бёдра были покрыты синими, вздувшимися чирьями, в воздухе запахло гноем. С трудом помогла бабке влезть на полок, та лежала ни рукой, ни ногой. После старика пришла очередь Юльки. Женщина распустила свои длинные светлые волосы, присела на лавку и задумалась. Паучок легко скользнул по руке и взвился к тёмному, закопчённому потолку. «Беги, беги дорогой, не отрывайся от своих» – твердила она и ощущала себя таким вот паучком, оторванным от родных детей, от старушки матери и от мужа, воюющего где-то там, далеко. Она наизусть помнила редкие его письма с поклонами и приветами, советами по хозяйству и наказом хранить детей до его возвращения, а вернуться обещал с победой! Утром Юлька побежала за фельдшерницей. Та пришла к обеду,

когда старуха забылась коротким тяжёлым сном. Юльке понравилась и сама медичка, её скуластое лицо, узкие глаза и то, как уверенно она провела операцию. Юлька держала таз и видела, как режет скальпель вздувшееся тело, как уверенно пинцет вытаскивает корни и ядра, как шипит и пузырится перекись. Бабка орала дурницей! К вечеру старушке полегчало. И когда Юлька выдоила коров войдя, увидела зажженными три лампы. Пятистенок сиял всеми своими окнами. Сундуки были раскрыты, а их содержимое разложено на кроватях, спинках стульев и даже на полу. Такого богатства Юлька никогда не видывала. Яркие пёстрые ситцы, блестящие голубые и зелёные сатины, красные и белые кумачи, бархатные скатерти и шторы, полосы вельветов синего, коричневого, красного цветов, панбархаты прозрачные с выдавленными на них цветочками, шёлковые в горошек платья с рюшами, туфли лодочки, пуховые шали, свёртки сукна, жёлтые атласы, цветные фланели и ещё много чего. Юлька присела и восхищённо смотрела на это великолепие, так небрежно раскинутое. Речь держала хозяйка: «Оставайся дочка, постепенно и детей своих сюда перевезёшь. Богаты мы, а родных никого не осталось. Сыновья наши на войне полегли. Кто нас докормит до смерти? Старик от мой всю жизнь был на домашнем ремесле, дёготь берёзовый добывал, а сыны ему подсобляли». Голова старушки тряслась, крупные слёзы бежали через всё лицо, старик молчал, кряхтел.

Юлька, молча, сложила в сундуки все богатства, невольно погладив голубые сатины, и сказала, как отрубил: «Не могу. Жизнь у вас конечно сытая и богатая, только родная деревня, бедная и голодная ждёт меня и дети и мама, а война вот вот кончится, муж вернётся, заживём по-новому». Утром вышла из ворот, попро-

щавшись со стариками, которые отблагодарили её по-царски. В вещевом мешке лежали два отреза сатина, хлеб, сало, а на ногах новые катанки.

Более трёх часов Юлька шла по твёрдому насту, но вдруг резко заскользила вниз, почти влетев в холодную воду небольшого ручья. Оглядевшись, заметила кусты на той стороне, вздымающийся угор с темнеющими наверху избами и топящейся на склоне баней. Лёд у берега был тонок, а середина ручья клокотала, парила, по-видимому, это был незамерзающий ключ. Женщина нашла подходящую валежину, перекинула на ту сторону котомку, валенки, перекрестилась и легко взлетела над ручьём. Услышала треск и со всего маху очутилась в том бурлящем ключе. Судорогой свело ноги, руки, горло, но рванулась, что есть силы и кое-как выползла на противоположный берег. Подол юбки моментально покрылся мёрзлыми белыми разводами. С трудом отжала юбку и носки, сунула ноги в валенки и полезла вверх, к топящейся бане.

Хозяйке было лет шестьдесят пять. Ласково она пригласила Юльку присесть на скамейку, обсушиться и стала расспрашивать. О себе сказала, что зовут её Дарьей, что муж и два сына её на фронте. Юлька оглядела баню, которая топилась по-чёрному от полка до блестящих от копоти стен и волокового оконца. Всё как у нас в деревне подумалось ей. «Эй, да ты никак заснула? Вставай, уведу тебя к Фёдоровне, а то, как бы беды не вышло! Ты молодая, да красивая, а у меня два уполномоченных квартируют, собирают продналог по деревням. Для них и баню топлю. Или давай тебя в амбаре запру, а как они вымьются, да угомонятся тогда освобожу» – сказала новая знакомица и спешно открыла амбар. Короткое банное тепло быстро прошло, застучали

зубы. Сняла с крюка старый мужской кафтан и накинула его поверх своей станушки, сляясь унять дрожь. Юлька присела на ларь и в щель стала глядеть на вечернее небо, быстро сгущающиеся сумерки. Из бани доносились весёлые нетрезвые голоса и вдруг выскочили два мордастых голых мужика. Они весело скакали по сугробам, тузили друг друга с беспечной энергией молодости. Вдруг поведение одного изменилось. Он прижал товарища к стене бани, сказал что-то негромко и тот не выдержал, смешался, сник, признав превосходство соперника, который в свою очередь резко повернулся к амбару, будто бы в самые глаза Юльки глянул! Похолодев, она невольно отпрянула, а когда опомнилась, мужики торопливо продвигались к дому с полотенцами на шеях. Она стояла так ещё не меньше часа, потом пришла хозяйка: «На-ка тебе тут две шаньги заспанные, да бутылку молока. Теперь я помоюсь, да с тобой поговорю». В бане было ещё жарко, Юлька развесила на просушку юбку, кофту, да рубаху, поставила ближе к каменке валенки. А хозяйка долго говорила, выплёскивая свою душу перед таким вот проходящим человеком, негодовала на своих постояльцев, на их беззаботную хлебную жизнь. Поделилась с ней и Юлька. Дарья велела укладываться и, загасив фонарь, ушла. Юлька проснулась, когда в окошко заглянула луна. Из-под досок пола фонтанчиками пробивался белый холодный туман. Болела голова, горло, знобило. Сказалось купание в ручье и долгое стояние в амбаре. Когда уполномоченные отъехали, пришла Дарья и повела гостьюшку в избу. Там уже был наставлен самовар, в марле под крышкой его кипели, стучаясь два куриных яйца. Хозяйка отрезала от ковриги большой ломоть хлеба и, щедро намазав его мёдом, сказала: «Ешь-ка на здоровье,

пей чай, небось, не обеднеют. Ежели от многого немножко – это не кража, а делёжка!». Юлька откусила кусочек, сладкая нега обняла язык. Дальше всё устроилось лучше лучшего. В девять часов утра через деревню проехали три воза с сеном на рынок в Сольвычегодск, к пожилому возчику и определила её Дарья за бутылку самогону. Юлька долго махала рукой этой доброй женщине, приютившей свою нечаянную поночëвщицу.

На переездах через речки сани разворачивало, тащило поперёк по льду. Возчики, матерясь, соскакивали, перепрягали лошадей, перекладывали опрокинувшиеся возы. Юлька была на подхвате. Всё же к вечеру въехали в город и высадили попугчицу у чайной.

Замёрзшая и голодная она вошла в парное тепло чайной, увидела стойку и стоящий перед ней на возвышении пятиведёрный самовар. Тоненькая девочка лет одиннадцати мыла полы, с шумом отодвигая тяжёлые, узкие лавки. Юбка полохалась между худых ног, половицы скрипели. Дверь соседней комнатки приоткрылась, обнажая скромное убранство: железную кровать, этажерку, швейную машину, фикус в кадке, домотканые половички и вязаные крючком подзоры, которые напомнили Юльке её девичью горницу. Вздрогнув от неожиданности, заведующая спешно притушила двумя пальцами фитилёк лампадки под образами и обернулась. Встретившись с Юлькой глазами, облегчённо вздохнула, перекрестилась и снова зажгла лампадку. В тяжёлое военное время только вера спасала людей.

Юлька взяла из стопки чистой посуды стакан и подстаканник, налила кипятку и повернулась в сторону зала. На столах горели лампы и к её удивлению стояли солонки с солью. Женщина из-за пазухи достала замёрзшую колобушку, половину отломил и припрятала,

а другую стала есть. Она не заметила, как из дальнего угла за ней наблюдают двое: пожилой солдат с забинтованной рукой и молодой красивый лейтенант. Стол перед ними был уставлен тарелками, стаканами с компотом, жареной треской, банками с крабовым мясом, тушёной. Заведующая принесла на подносе тарелки со щами и, повернувшись, спросила Юльку: «А вам чего подать?». «Ничего!» – ответила Юлька и покраснела, стесняясь ветхой своей станушки и клетчатого платка из грубой шерсти. Пожилой солдат долго глядел на Юльку и вдруг скомандовал: «Ну-ка тётушка подмогни, неси всю нашу батарею за стол вот к этой молодке». Следом с тростью прихрамал молодой. «Как тебя зовут молодича? – спросил пожилой. – А детей у тебя сколько?». «Юлька, вернее Юлия Алексеевна, а детей у меня трое!» – гордо ответила женщина. «А у меня четверо, младшему восемь лет. Мы выписались сегодня из госпиталя, едем долечиваться, – с этими словами солдат достал бутылку водки, разлил по стаканам и выпил. – Ну, за победу!». Юлька пить не стала, предложила заведующей, та махнула без закуски и отошла за стойку. Пожилой назвался Гордеем Павловичем, а молодой представился Семёном. Вслед за этим в котомку Юльке скидали тушёнку и банки с крабами, хлеб и газетный кулёк с сахарным песком. Служивые остались выпивать, а Юлька пошла плутать переулками, ей надо было на улицу Совхозную к Носковым.

И раз и другой проходила она перед закрытыми некрашеными воротами пока не догадалась постучать в низенькое окно. Долго ждать не пришлось, открылась дверь, и её впустили в маленькую кухню. Сказавшись, кто она, Юлька протянула хозяйке письмо от её родственников с Камешника. Ещё в чайной женщина ощу-

щала прилив крови к голове, твердину около уха, боль в горле, поэтому попросила налить чаю и отдохнуть с дороги. Нина-хозяйка провела её в большую комнату и стала наставлять самовар. В зеркале напротив Юлька увидела своё белое вытянувшееся лицо и вдруг колени подломились, она упала на пол перед столом, перед стоящей в испуге женщиной. Последнее, что видела Юлька – это лежащий на боку самовар и лужу вытекшей воды. Очнулась она уже на кровати, в изножье сидя спала Нина. Утром Митя, сын Нины побежал за фельдшером. Юлька провалилась в сон, а когда очнулась, то увидела, что по комнате в белых чёсанных валенках ходит фельдшер. Из гладких блестящих коробочек она доставала какие-то инструменты, переговаривалась с хозяйкой. Юлька поняла, что говорили про неё, но как-то глухо, как сквозь вату доносились слова. Поняла лишь: абсцесс, надо вскрывать! Её подтащили и привязали верёвкой к кровати спинке, влили насильно стакан самогону. Запрокинули, зажали голову так, что и пошевелиться уже не могла. Медичка полезла с чем-то холодным в рот и вдруг режущая боль перекрыла дыхание. В горло хлынул поток крови и гноя. «Плюй! Кому говорят, плюй в лоток!» – кричала фельдшер. Боль не отступала, била в уши, в голову. Слиплись, скатались волосы. Женщина впала в забытьё. Мерно тикали старые ходики. Юлька спала так долго, что часы остановились и гирька с глухим стуком ударилась о половицу. Проснувшись среди ночи, она не узнала своего временного пристанища. Вздвогнув, приподнялась на локтях и замерла. Сноп света ударил в стену и пополз в сторону: по ковру, по часам, по иконе Богородицы. Её глаза, казалось, смотрели на Юльку с укором. Должно быть машина, подумала она и снова легла. Лик Божьей Матери

был печален, в глазах скорбь. Мать, потерявшая своё единственное, горячо любимое дитя. Юлька вспомнила о детях, и сердце сжалось от тоски. Как они там родимые? Оставшись одна, с малыми ребятами на руках Юлька работала денно и нощно. С малых лет сыновьям Алёше, да Володе пришлось побираться. Ходили братья по всем ближним деревням. Светловолосый, миловидный Володя, читая молитвы за здоровье, вызывал жалость у деревенских и ему подавали. А Алёша прятался за спину младшего брата и только усердно отвешивал поклоны. В войну жили так бедно, что не было лишней обуви, чтобы сбегать до ветру. Одни худые упаковки на всех. Чтобы дети не мёрзли, уходя на работу, Юлька вицей загоняла беззаботных ребятешек на печь. И лишь просила приглядывать за маленьким Веней и не ложить у края. Двухлетний Веня упал с печи в кадку с пойлом для скота и утонул... Юлька забылась тяжёлым сном лишь на рассвете. Она долго болела, по утрам Нина варила мучную затируху, поила отваром ромашки. За эту неделю случилось вот что – пришла масленица.

Когда Юлька пошла на поправку, то попросила хозяйку принести свою котомку. Достала тушёнку и сахар и отдала женщине. Нина предложила походить по рынку, прицениться, а в сопровождение дала Митю. Соль на рынке продавали гранёными стаканами. Удалось купить всего шесть. Нина, увидев удручённую Юльку, присоветовала: «Давай пошлём Митю к нам в бальнеологический корпус к завхозу Василию Игнатьевичу. Он человек бывалый, а в Нёноксе у него знакомства есть. Полгода назад там снова открылись соляные варницы». Митя сбегал по поручению и передал, что нужно подождать. Жданки затянулись до вечера. Пришёл завхоз: высокий, красивый, черноглазый парень ростом под два

метра. Неприязненно взглянула на него Юлька. Всё в нём было чересчур: и красота, и стать, и молодой басок. Прошептала: «На таких пахать надо, а этот в тылу ошибается, тоже поди уполномоченный?». Но парень повернулся боком и пустой рукав его гимнастёрки, заправленный под ремень, больше слов сказал строптивой бабёнке о своём хозяине. Василий сказал, что обоз из Нёноксы должен быть через неделю. Юлька достала свои богатства: мужские серебряные часы «луковицей», золотое обручальное кольцо матери, топлёное масло брусками и помявшись немного сатиновые отрезы. Парень всё сгрёб и ушёл. А женщины остались обсуждать новости с фронта. На площади каждый день по репродуктору перечисляли оставленные нашими войсками города. Нина давно уже продала на рынке все самые хорошие вещи, осталась только одежда мужа. Работала она в грязелечебнице на тяжёлой работе. В корытах и ваннах подогревали грязи для лечения раненых. Сами ездили заготавливать дрова: пилили, кололи, подвозили. А по ночам перешивала, перекраивала вещи знакомым и соседям. Главным огорчением этого дня было отсутствие хлеба. На три дня карточки отоварили халвой. А на колхозном рынке продавали пшено, но достался всего один стакан.

На целую неделю Юлька окунулась в городской быт. Впрочем, он немногим отличался от деревенского. Чуть забрезжит, вставали, хлопали постели, умывались, долго гоня по зубам щётки без порошка. Потом затапливали печку, и Нина накрывала завтрак: овсяный суп, чай, по кусочку хлеба размером со спичечный коробок, но всё это на фарфоровых тарелках с красивыми серебряными птицами, пышными цветами. Мельхиоровыми ложечками размешивали морковный чай, а в супе на три

четверти была вода. Но порядок был заведён и все ему следовали. После завтрака Нина шла на работу, Митя в школу, а Юлька отоваривать карточки. Знакомясь с городом, издали женщина увидела церкви. Захотелось пройти в ограду и помолиться на яркие маковки с крестами. Одна церковь была каменная, высокая, строгая, подбористая, что называется величественная. Но Юльке больше понравилась другая, попроще, с деревянным шатром наверху. Проходящая мимо старуха поведала: «Эта церква называется овыденная, возвели её в один день. Тем же вечером была служба». Вернувшись, домой, Юлька застала репетицию. Нина пела задумчиво, низким голосом, Митька иногда пускал «петуха», но после двух дней усилий получалось сносно. Им предстояло участвовать в концерте для раненых госпиталя. Подготовили две песни: «Перевоз Дуня держала» и «Красна девица вела кудёрышки». Митя читал ещё отрывок из «Мцыри» Лермонтова. Забегали по соседям, наряжая «красну девицу» для концерта. Нашли тёмное платье с белым воротничком. Серебристый поясик и ботики завершили образ.

Василий пришёл на шестой день, вдвоём с Юлькой затащили гумённый мешок с солью. Золотое кольцо парень оставил себе, за него выделил пять килограмм пшеничной муки. «Зачем тебе женское кольцо?» – спросила Юлька. «А жениться буду, невесте подарю!» – отвечал завхоз. «А ты, что, как принц свою Золушку по кольцу подбирать будешь? Которой в пору, та и твоя невеста?» – рассмеялся Митя. Хохотали все, а пуще всех заливался сам новоиспечённый жених.

За прощальным ужином Юлька выставила банку с крабами. Через всю банку шла надпись «Снатка – кра-

бы». Размяли вилкой, намазали на хлеб. Крабовое мясо пахло рыбой, постным маслом и, правда, было вкусным.

На рынке за муку купили санки. Посидели на дорожку. И Юлька обняла этих ставших такими родными людей.

Обратно шла торопно, кое-где её подвозили случайные попутчики. Их разговоры не трогали сердца женщины, оно летело впереди саней к родному дому.

Всё ещё было впереди... И в летний августовский вечер 1943 года сойдутся у её дома соседи, подруги во главе с бригадиром и девчонка-почтальон протянет ей казённую бумагу с печатью – похоронку. Закричит Юлька, чтобы все ушли и захлопнет дверь перед лицом ошеломлённого бригадира и закаменеет вся, вцепившись руками в столешницу. Долго будут плакать около неё испуганные дети, а потом Васька (старший) побежит на Плишкино за бабушкой Анной, и та будет отпавивать Юльку святой водой и читать молитвы. И наконец, отойдёт Юлька, забьётся в рыданиях, враз постарев от горя. Суждено ей будет на веку пережить смерть троих сыновей. Всё это будет потом. А сейчас идёт она – Юлия Алексеевна, улыбчивой посланницей весны, а на встречу ей летят маленькие птички – трясогузки с чёрными грудками и шапочками на головках.

До весны оставалось семь дней. До похоронки – 490 дней. До нашей Победы – 1136 дней!

В повести использованы диалектные слова лужской глубинки:

павжнать – обедать;

проходите в *сутки* – в горницу, парадную комнату;

занутрило – загорелась идеей;

товарок – подружек;
прежженники – сдобные лепёшки на масле;
поденье – остатки после перетопленного сливочного масла;
журавлиха – клюква;
голбец – погреб;
сгинешь – погибнешь;
станушка – верхняя женская одежда, род зипуна;
пестрядинный – из грубой льняной или хлопчатобумажной ткани из разноцветных ниток;
ендова – медный ковшик с носиком;
простоволосая – без головного убора;
басся – красивее;
полицы – полки;
лафитники – рюмки;
первач – самогон;
кошёвки – лёгкие сани для выезда;
сёдни – сегодня;
пятистенок – дом, разделённый поперечной стеной на два, часто неравных, помещения: горницу (избу) и нежилую комнату, часть дома;
катанки – валенки;
заспяные (шаньги) – крупяные;
полохалось – развевалось, путалось при движении (о широкой одежде);
упаки – валенки;
бальнеологический корпус – водо,- грязелечебница – лечебно-профилактическое учреждение;
соляные варницы – комплекс соляного промысла;
колобушка – сдобная булочка на сметане.

Ильдар Фаридович Мударисов

ВОЙНА ТАШКЕНТСКОГО КУЗНЕЦА

*Памяти Шаахмеда Шамахмудова,
усыновившего в годы войны 15 си-
рот из России и других республик
СССР, посвящается.*

РАБОЧИЙ ДЕНЬ ЗАКАНЧИВАЛСЯ. Он внимательно осмотрел очередную подкову – вроде бы она отвечала всем требованиям. Пора собираться, но ему не хотелось идти домой. Тяжелые думы сверлили голову. Где-то, вроде бы далеко, шла война, лилась кровь, погибали люди. Но и в родном Ташкенте за тысячи километров от жестоких боев она тоже ощущалась.

Город, который называли хлебным, как-то затих, исчез смех на улицах, куда-то подевались улыбки на лицах. Да и хлеб стали выдавать только по карточкам. А тысячи молодых ребят, совсем еще дети, с повестками в карманах спешили утром в военкомат, а уже вечером – на вокзал, чтобы отправиться на фронт. Процедура эта была быстрой и весьма скоротечной.

Разве они умели воевать, спрашивал себя Ахмед. Смогут ли отбиться от танков или самолетов? Пойти в атаку? Они же только вчера закончили школу. Как же им спастись от летящего снаряда? Увернуться от вражеской пули? На эти вопросы ответов у него не было. Зато в душе росла ненависть, она с каждым днем увеличивалась, требовала выхода. И желание схватить винтовку временами становилось непреодолимым.

Подходя к своему дому, он услышал протяжный женский плач из соседнего двора. Туда заходили люди и быстро выходили, стараясь ни на кого не смотреть.

Неужели и к ним пришла беда, неужели принесли похоронку, которая стала обычным делом уже в первые месяцы войны. Но одно дело, если это где-то за три-четыре улицы от тебя, другое – если рядом, у твоего жилища. Когда у одинокой уже немолодой женщины, твоей близкой, почти родственницы, погиб единственный сын...

Он зашел к соседям, сказал все необходимые слова матери погибшего мальчика, а на душе стало совсем тяжело. На подоконнике он увидел листок ученической тетрадки, сложенный треугольником. Взял в руки, прочитал. «Ваш сын в бою за социалистическую Родину, проявив геройство и мужество, был убит». Вот она, оказывается какая, похоронка, страшная весточка смерти. И это все что осталось от 18-летнего ташкентского паренька, который погиб в своем первом же бою.

Ненависть внутри становилась все больше и больше. Раньше он искренне считал, что немцы, ворвавшиеся в родную страну, это обычные рабочие и крестьяне, которых проклятые империалисты силой заставили воевать против СССР. Но со временем кузнец понял, как он заблуждался. Теперь он не сомневался, что фашистским ублюдкам доставляет наслаждение убивать, грабить, разрушать, сжигать, насиловать. Нет, хватит делать подковы и удила для лошадей! Завтра он пойдет в военкомат и попросится на фронт. Да, ему 53 года, возраст не маленький, но на войне он еще сможет принести пользу.

ВСЕ СДЕЛАННОЕ ЗА ДЕНЬ кузнецу не нравилось. Он находил в своих изделиях многочисленные недостатки и старался их устранить, но удовлетворение не приходило. Конечно, дело было не в его мастерстве и

рабочих навыках, а в том, что в военкомате ему категорически отказали, и настроение испортилось на весь день. А ведь так хотелось ощутить тяжелое и грозное оружие в руках, чтобы, не переставая, стрелять и стрелять в ненавистных немецких гадов! Убивать и убивать эту фашистскую мразь, этих бешеных собак! Не получилось... Не прошел по возрасту.

На работе ему рассказали новость, услышанную по радио, как немецкие воздушные стервятники разбомбили роддом в прифронтовом городке. Превратили в руины, несмотря на вывешенный над зданием Красный крест. Там погибли почти все новорожденные, их мамы и медицинский персонал. В живых осталось только три младенца, которых красноармейцы перенесли в землянку, не зная, что дальше с ними делать. Но из Москвы за детишками прислали самолет, который забрал малышей и сквозь яростный огонь вражеских зениток, получив массу пробоин, сумел все-таки вернуться в столицу. Эта история поразила кузнеца. Он думал о руководителях, принявших непростое, но такое благородное решение, отваге и мастерстве летчиков. И еще о том, что страну, которая в напряженное военное лихолетье посылает самолеты для спасения новорожденных, победить невозможно.

Вечером, придя домой, он поведал эту историю своей супруге. Бахривыслушала ее вся в слезах, а затем вдруг спросила: а не могли бы мы... усыновить этих трех малюток? От неожиданности Ахмед потерял дар речи: о чем ты говоришь, нет, это невозможно.

– Почему невозможно? – упорствовала жена.

– Потому что... Понимаешь...

Но потом задумался: действительно, почему нельзя? Можно, даже нужно! Он затем искренне недоуме-

вал: как такая простая и очевидная мысль не пришла в голову ему самому.

И они решили написать письмо... товарищу Сталину. Махмудов был не очень грамотным, зато супруга окончила школу. И все-же они спорили над каждым словом, чтоб ни у кого не возникли сомнения, чтобы им не отказали. Утром Ахмед отправился на почту, купил конверт и, написав карандашом «Москва. Кремль. Сталину», опустил его в почтовый ящик, боясь, что послание с таким адресом по какой-либо причине могут не принять.

А после этого у них с Бахри началось долгое и томительное ожидание...

ТЕПЕРЬ И НА РАБОТЕ, и дома его мысли были не о войне, где красноармейцы отступали, сдавая врагу города и поселки, а о трех новорожденных. Как их привезут в Ташкент, как они с женой их встретят в аэропорту и отправятся с ними домой. Он удивлялся самому себе, но жгучая ненависть в душе начала отступать, освобождая место для непонятной нежности. Она окутывала его какими-то светлыми надеждами и голубыми мечтами, сладкими видениями, где плачущие беззащитные детишки тянули к нему свои ручонки, спасаясь от страшных немецких извергов. И теперь почему-то хотелось взять в руки не орудие смерти, а крохотное, беспомощное, щемящее душу создание... И бережно к себе прижать!

Через три недели возле его дома остановилась машина. Из нее вышел человек в тубетейке, которого знала вся республика. Это был один из руководителей Узбекистана, всенародный любимец Юлдаш Ахунбабаев. Вел он себя по-простецки, тепло поприветствовал рас-

терявшихся от неожиданного визита хозяев, выпил пиалы чая и лишь затем перешел к делу:

– Знаешь, Ахмед, твое письмо понравилось товарищу Сталину. Он не сомневается, что вся наша республика готова приютить детей-сирот из прифронтовых районов. Скажу тебе по секрету, нас из Москвы спросили прямо: сколько сможем принять детей? Мы ответили по-военному четко: примем столько, сколько нужно! Через три дня в Ташкент прибывает первый состав с ребяташками. Приходи на вокзал, там можно будет без особых формальностей взять на воспитание ребенка.

– А как же те три малыша? – не выдержал кузнец.
– Их разве не привезут к нам?

– Какие малыши? – удивился Ахунбабаев. – А... Тех, что спасли на самолете. Про них не волнуйся, их уже усыновили, еще до твоего письма. В общем, только в Ташкенте мы готовим к открытию несколько десятков детских домов, но их явно не хватит. Так что вся надежда на таких, как ты.

СОТНИ ГОРОЖАН ПРИШЛИ НА вокзал встречать первый эшелон с детьми. И когда он, пыхтя и громяхая, появился на перроне, когда открыли вагоны, пережить увиденное оказалось невыносимым. Шум, крики, стоны, слезы и... голодные, чумадые ребяташки в лохмотьях с невероятно грустными глазами, без всякой надежды смотревшие на голубое ташкентское небо. Многие из них были перебинтованы, некоторые не могли передвигаться и их переносили на носилках. Они помнили только разрывы бомб, вой сирен, налеты немецких самолетов и смерть родных. Ахмед украдкой заглянул в один из вагонов и у него потемнело в глазах

– некоторым детям, лежащим ничком на полу, уже никакая помощь была не нужна. И никакие детдомы...

Боясь, что это может увидеть жена, кузнец быстро подошел к ней, взял за руку и сказал, что надо идти домой. Бахри хотела возразить, но в этот момент по радио объявили, что для усыновления ребятишек нужно будет обратиться в специальный детдом, назвали его адрес.

В переполненном трамвае они ехали молча. На кузнеца вновь накатило это чувство, ненависть к фашистам переполняла его. Но теперь он знал, как с ней поступить.

В детском доме, где пришедшие обступили многочисленную ребятню, кузнец стал свидетелем такого эпизода: веснушчатый мальчик бросился к шагнувшей к нему молодой, богато одетой женщине, но та, оказывается, выбрала другого малыша. Ребенок отвернулся, его плечики сотрясали рыдания. К нему подошел Ахмед Махмудов, вытер слезы платком и, улыбаясь, сказал: пойдём к нам, сынок, понравится – останешься, не понравится – я приведу тебя назад. Вечером, дома, когда мальчика искупали и накормили пловом, незнакомая женщина с бесконечно добрыми глазами стала нежно гладить его волосы. В ответ он обнял ее, заплакал и произнес совершенно неожиданное: мама! Потом робко спросил: а вы меня не прогоните? Бахри-хон в этот момент почувствовала себя счастливейшим человеком на свете. Это был их первенец... Саша...

Через день кузнец привел в дом еще двух малышей – девочку и мальчика. Обрадованной жене он сказал:

– Товарищу Сталину мы пообещали взять на воспитание трех детишек, и свое обещание выполнили.

Потом подозвал Сашу и сообщил:

– Теперь у тебя есть сестра Рая и брат Володя. Будет с кем играть во дворе.

Первенец Махмудовых почему-то особого восторга при этом не высказал. Причину он объяснил кузнецу вечером, оказавшись с ним один на один.

– Я в поезде познакомился с Игорьком, помогал ему, защищал от других, за водой бегал на остановках. Он без меня не сможет, точно. Просто не выживет.

– Почему это не выживет? – спросил Ахмед. Но увидев, что ребенок готов расплакаться, участливо продолжил:

– А где сейчас твой дружок?

– Да помните, его в тот день эта расфуфыренная тетка забрала. Но он с ними не уживется, точно. Может, возьмем его к нам?

Вскоре кузнец вместе с сыном вновь отправился в детский дом, который стал для него почти родным, и где все его уже хорошо знали. Он надеялся узнать адрес Игорька, навестить его, договориться с новыми родителями, чтобы мальчики могли хотя бы изредка встречаться, играть друг с другом.

Но их ждала приятная неожиданность. Директор детдома сообщила, что пятилетний Игорь Осин... снова у них.

– Как так? Почему? – удивился Махмудов.

– Точно не знаю. Видимо, не подошли друг к другу, что-то там не сложилось. Мы, педагоги, к этому относимся с пониманием.

– Я не педагог, поэтому отношусь к этому по-другому. Знаете, мне очень хочется сейчас материться, – возмутился Ахмед.

Но в этот момент воспитательница привела вихрастого малыша с затравленным и голодным взглядом.

Тот, увидев Сашу, радостно закричал, бросился к нему, обнял. Со стороны казалось, что встретились два брата после долгой разлуки.

– Вы его тоже усыновите? – спросила директор, хотя в положительном ответе не сомневалась. – А справитесь с таким количеством детей?

– Попробую. Если не получится, приду к вам за помощью.

ОН НЕИСТОВО БИЛ молотом по металлу, и тот, сопротивляясь, все же уступал под его напором, принимая нужную форму. Но все движения кузнеца были автоматическими, он в этот момент находился далеко от кузницы, от своего рабочего места. И думал о том, что если ему не доверяют настоящее оружие, то он должен создать собственное, при помощи которого будет вести бой с немецким зверьем.

У них много танков и самолетов, бесчисленное количество бездушной, тупой солдатни, пришедшей в великую мирную страну убивать и грабить, особенно беззащитных женщин, стариков и беспомощных детей, думал кузнец. Они хотят их растоптать, сжечь в огне, закопать живыми в земле, уморить голодом. Чтобы потом оставшихся в живых превратить в своих послушных рабов, в стадо животных. А что если противопоставить этому... любовь? Да, да, обычную человеческую бескорыстную любовь – от всего сердца? Она, конечно, не заменит пушки и пулеметы, зато спасет от нацистов мирных людей, оказавшихся в беде. И если каждый будет думать не о себе, не о том, чтобы спастись самому, а о ближнем, потерявшим кров, например, о ребенке, у которого убили родителей, это ведь станет совершенно неожиданным для фашистских ублюдков, с этим в мас-

штабе целой страны и всего народа они еще не сталкивались.

Всевышний не дал ему собственных детей, но занес в сердце искру любви к ним, желание помогать, заботиться. Наверное, Аллах знал, что искра превратится в негасимое пламя, и это станет его секретным оружием в бою с фашистами.

По пути домой он зашел на базар – ребяташки часто просили арбуз. Как им отказать? Там он увидел, что толпа рыночных торговцев окружила семилетнего мальша. Выяснилось, что группа пацанов попыталась украсть фрукты. Когда за ними погнались, те, что постарше, сумели улизнуть, а вот самого маленького поймали. Он сидел на земле, обхватив голову руками, смиренно ожидая побоев.

Ахмед, растолкав людей, подошел к нему, поднял с земли и твердо сказал:

– Не бойся, тебя никто не тронет.

Один из толпы недовольно произнес:

– Чего вы малолетнего ворюгу защищаете? Раньше таким, бывало, руки отрубали.

– Он не ворюга, а мой сын. А если ты палач и тебе хочется отрубить чью-то руку, то возьми мою...

На узбекской земле уважение к старшим – национальная черта характера. Поэтому, когда кузнец, взяв ребенка за плечо, решительно направился к выходу, люди вынуждены были расступиться.

По дороге мальчуган спросил:

– А почему вы их обманули? Я ведь не ваш сын.

– Я их не обманывал.

– Но мой папа погиб на фронте.

– Знаю. Но перед смертью он попросил найти тебя и... забрать к себе. Когда вырастешь, я расскажу тебе эту историю, пока же пусть она будет нашим с тобой секретом.

ПРОХОДИЛИ ДНИ И МЕСЯЦЫ, быстро складываясь в года, но конца этой проклятой войне все не было. Продолжали гибнуть люди. И когда за чьим-то дувалом раздавался душераздирающий женский плач, Ахмед не спрашивал себя, в чем причина. Он знал – это похоронка, сложенный треугольником лист ученической тетрадки, означающий, что чей-то сын или муж, отец или брат ушел в вечность. Не кончался и поток сирот, спасающихся в Ташкенте от войны, смерти и голода.

Люди встречали детей на перроне и возвращались домой уже с сыновьями или дочками. Усыновление проходило быстро – возраст ребенка прямо на вокзале определял врач, а фамилию и имя давали новые родители. Шефство над сиротами брали тогда даже учреждения, и в гостеприимной республике росли «сыновья» колхозов и «дочери» заводов.

А семья Махмудовых продолжала расширяться. Всегда находилась очень уважительная причина, чтобы усыновить еще одного ребенка. Чтобы приютить еще одну сироту.

Как-то к ним пришла директор детдома, чтобы посмотреть, как проходит процесс воспитания детей. На самом деле причина визита была иной.

– Я к вам с просьбой, с большой просьбой. Верю, что не откажете. Несколько дней назад к нам поступила 12-летняя девочка из блокадного Ленинграда. У нее трагическая судьба – все ее родные от голода и холода

умерли на глазах ребенка, а их тела даже некому было вынести. Врачи чудом спасли ее от смерти. И вот она у нас. Но жизнь еле теплится в ней, она отказывается есть, не играет со своими сверстницами. Понимаете, мы ее теряем. И ничего не можем сделать. К ней нужен индивидуальный подход. И особое питание.

– Антонина-хон, я ведь не педагог. И не врач. Я даже не знаю, что такое индивидуальный подход. Первый раз слышу это слово, – сказал в ответ кузнец. – Как мы справимся с этой девочкой, душу которой немецкие ублюдки расстреляли? Перенесшей ужасы страшной блокады. А если с ней что-то случится? Если у нас ничего не получится? Это ведь станет огромной трагедией не только для меня и моей жены, но и для всех наших детишек. Заставит их вспомнить о собственных горестях и трагедиях, которые они потихоньку начали забывать.

– Но она погибает, смирившись со своей участью. Я прочитала ее дневник, хотя это лишь несколько отрывочных записей. Знаете, какая последняя? «Умерли все – мама, папа, бабушка, сестра и братишка. Осталась только я одна».

У кузнеца от боли сжалось сердце, глаза увлажнились:

– Она так... написала? – он уже знал, что никому не отдаст эту девочку.

– Да, именно так, слово в слово. Кстати, она здесь. Просто я не знала, какое вы примете решение и оставила ее...

– Как здесь? Где?

Кузнец чуть ли не бегом направился к калитке, вышел на улицу – там стояла изможденная худенькая девочка вместе с воспитательницей, смотревшая куда-то

вдаль. Он вспомнил, где уже видел этот безнадежный и безжизненный детский взгляд – на перроне, когда в Ташкент прибыл первый состав с сиротами из России. Ему очень хотелось сказать ей что-то особенное, проникновенное, например, что она не одна в этом мире, но почему-то произнес обыденные будничные слова:

– Доченька, наверное, ты устала стоять здесь на жаре. Идем в дом, попьем чай, попробуешь сладкий виноград.

Девочка никуда не хотела идти. Она действительно устала, и ее одолевало лишь одно желание – вернуться в детдом и лечь на свою кровать. А доброму дяде с маленькой смешной бородкой она хотела по секрету сказать, что... все-равно скоро уйдет от всех, потому что мама и папа все время зовут ее к себе – туда, откуда они уже не смогут никогда вернуться.

Но войдя во двор, Таня увидела огромный виноградник, накрывший тенью весь большой двор. Он был усыпан гроздьями спелых плодов, их было так много, наверное, целая тонна. Она удивленно и зачарованно разглядывала белые и черные, круглые и длинные ягоды, забыв о своих страхах и жутких видениях, ощутив вдруг себя принцессой из какой-то доброй восточной сказки.

Ахмед перехватил ее взгляд, тут же взял лестницу и сорвал несколько гроздьев. Когда девочке на огромном лягане принесли виноград, она, стесняясь, поначалу не посмела даже прикоснуться к нему. Но он так притягивал, соблазн оказался так велик, что Таня не выдержала – взяла одну самую маленькую кисточку, потом другую. Вскоре ее уложили на кровать в доме, а рядом поставили огромное блюдо, полное винограда. Рядом сидела Бахри, почти не отлучаясь от девочки до рассве-

та, прислушиваясь к ее дыханию, готовая в любой момент побежать за водой или лекарствами, за помощью. В узбекских семьях не принято перечить мужу, а она еще не знала, какое решение он принял. Но в одном не сомневалась: эту девочку она уже никому не отдаст! Это была их дочь... Танечка.

Ахмед тоже долго не мог заснуть в эту ночь – он думал о том, что Всевышний посылает ему очередное испытание. Самое сложное. Может, даже, невыполнимое. Наверное, хочет убедиться: не притупилось ли его орудие возмездия? Готов ли он продолжить свой бой с силами зла? А в душе печальным набатом больно били эти вроде бы незатейливые, какие-то отстраненные слова: умерли все, осталась только я одна...

В ТО ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ никаких денег, никаких продуктов, никаких льгот людям, усыновивших приезжих сирот, не полагалось. Если называть вещи своими именами, то никакой помощи от государства им ждать не приходилось – рассчитывать они могли только на себя. Это в полной мере коснулось и большой семьи Махмудовых. Жили они в общем-то бедно, а когда число приемных детей заметно увеличилось, стали испытывать настоящую нужду. Из рациона незаметно исчез плов, другие вкусные блюда, зато появились супы из свеклы или тыквы, впрочем, тоже невероятно вкусные, благодаря кулинарному искусству Бахри. Но они не жаловались, кузнец работал в две смены, часто оставался и в третью. Однако ни он, ни его супруга не роптали, ничего ни у кого никогда не просили, продолжая напряженно трудиться и поднимать своих ненаглядных ребятшек.

От многочисленных семейных забот у кузнеца порой раскалывалась голова. Саше надо купить ботинки, а то он ходит в каких-то обносках, Ольге платье, Тане – ранец для школы, а Игорек давно клянчит футбольный мяч. Навалившиеся проблемы иногда казались совершенно неразрешимыми, но именно преодолевая их, Ахмед и Бахри обретали настоящее родительское и человеческое счастье.

Им всячески помогали соседи по махалле, хотя с некоторыми из них они даже не были знакомы. Но после статьи в местной газете о них узнал весь огромный город. Им удивлялись, о них судачили, многие их не понимали, но все-равно относились как к героям – с огромным уважением и восхищением. И добрые люди, которые и сами испытывали не меньшую нужду, делились всем, чем могли, – кто-то занесет касу плова, другой – банку молока, а третий – ставшую ненужной, но еще добротную рубашку, из которой быстро вырос их сын.

Как-то Ахмед зашел в магазин канцтоваров, чтобы приобрести для детей цветные карандаши, ручки и тетради. Выбрал все необходимое, а при расчете обнаружил, что денег не хватает. Пообещал занести недостающую сумму на следующий день.

Когда кузнец выходил из магазина, продавец обратился к нему.

– Простите, а вы... Махмудов?

– Да. А что такое?

– Да нет, что вы, ничего. Просто никак не мог вспомнить, где я вас видел. И вот в последний момент осенило, что позавчера читал московскую газету, где напечатали статью о вашей семье, поместили фотографию. Вы настоящий герой!

– Да, какой герой! Я простой кузнец.

– Не скромничайте, все восхищаются вами. При-знаюсь, когда читал эту статью, то с каким-то чувством вины подумал о том, что сам не усыновил ни одного ребенка, правда, в нашей семье таких возможностей нет. Но мне искренне хочется сделать для ваших детей небольшой подарок. И вернуть ваши деньги за канцтовары, они вам еще пригодятся.

– Простите, но я не могу принять от вас подарок.

– Не обижайте меня отказом. Разве ваши дети будут против красок, или маленького глобуса, или красивого альбома – от меня и всей нашей семьи. Когда расскажу своим домашним, что познакомился с вами, они так обрадуются. Мне кажется, что когда-нибудь вашим именем назовут улицу, по которой мы сейчас ходим.

А однажды Ахмед получил солидный денежный перевод от фронтового офицера, потерявшего в начале войны собственных детей. Тот прочитал о нем в центральной газете и обещал присылать деньги ежемесячно, если будет жив. Кузнец не знал, как поступить с этим переводом, он не хотел брать у кого-то денег на содержание своих детей. Но обидеть благородного фронтовика не смог. Поэтому взял на воспитание еще одного мальчика, сообщив об этом в письме лейтенанту из России.

Но письмо вернулось нераспечатанным с пометкой «адресат выбыл». Да, и переводы вскоре перестали приходить. Война продолжала собирать свою щедрую и скорбную жатву.

КОГДА ИХ ФОТОГРАФИРОВАЛИ для газет, то на этих снимках счастливые кузнец и его жена находились в окружении благодарных и любящих детей. Но

ведь даже в обычной семье в спокойное мирное время возникает немало сложных проблем. Что же говорить о ребятишках, искалеченных войной, испытавших огромные душевные и физические потрясения. И можно только догадываться, сколько терпения и выдержки пришлось проявить их приемным родителям, которые сталкивались не только с многочисленными материальными и бытовыми трудностями, но и порой с непониманием своих детишек, их размолвками между собой, ожесточением и другими негативными проявлениями.

Однажды, когда Бахри-хон обратилась к одной из дочерей по поводу невыполненного школьного задания, та в ответ на справедливое замечание заявила: я вам не дочка, я сирота... Приемная мама, никогда не читавшая книг по педагогике, не имевшая опыта воспитания собственных детей, на эту грубость ответила словами, делающими ей честь: ты не сирота! Можешь называть меня как хочешь, но для меня ты всегда будешь дочерью!

Впрочем, иногда не хватало никакого терпения. Ведь в узбекских семьях почитание старших, уважение к ним, искренняя безграничная любовь к родителям передается детям с молоком матери и сопровождает их всю жизнь. А Махмудовы столкнулись с совершенно иным менталитетом, другим восприятием мира, которое к тому же искривили ужасы войны. И когда один из мальчуганов разбил камнем лицо в кровь другому, из-за чего пришлось даже вызвать скорую, Ахмед не выдержал:

– Ты ударил своего брата. И мог его покалечить. Или даже убить. Ты мне больше не сын! Уходи из дома куда хочешь...

Наверное, это было не очень педагогично. Но пожилой и мудрый человек, не кончавший университетов,

понимал: если сделать вид, что ничего особенного не произошло, если обойтись полумерами и разговорами, то семья станет неуправляемой, ее станут раздражать бесконечные конфликты и ссоры.

Побродив денек-другой по пустынным и голодным улицам Ташкента, раскаявшийся драчун вернулся домой. Видимо, он быстро осознал, что жизнь беспризорника не очень привлекательна. Но понял еще и другое, более важное – внимание родных, любовь и забота родителей дорогого стоит, это надо ценить и беречь, это нельзя потерять.

НОВАЯ СЕМЬЯ КРЕПЛА, закалялась, преодолевая многие трудности и даже лишения. В ней всходили ростки доброты и нежности, взаимопонимания и взаимовыручки, вначале очень робкие, даже беспомощные, но со временем превращавшиеся в крепкие принципы и правила – не только по отношению друг к другу, но и к окружающим. Как-то в их дом, когда родители отсутствовали, приехала на арбе дехканка с соседнего колхоза с подарком от сельчан – небольшим мешком свежих яблок. Дети в этот момент завтракали, но увидев голодный взгляд незнакомой женщины, брошенный на их скромный стол, все наперебой стали предлагать ей свой кусок хлеба – это была их дневная норма, получаемая по карточке. А сельчанка по пути из колхоза припрятала несколько яблок из мешка для собственной дочки, они тоже порой голодали. Так вот, женщина вернулась к повозке, достала эти фрукты и... отдала их детям кузнеца. От предложенного хлеба категорически отказалась, убедив ребятню, что совсем не голодна.

Но, пожалуй, самое ценное – в детские души, которые постепенно оттаивали от полученных ран и утрат,

приходило понимание, становилось убеждением, что их новые родители – люди особенные, совершенно необыкновенные, каких нет нигде во всем мире. И наряду с огромным уважением, соединенным с гордостью, в их юных сердцах зарождалось новое чувство, поначалу неосознанное, необъяснимое, которое они даже стеснялись показывать.

ВОЙНА ВРОДЕ БЫ БЛИЗИЛАСЬ к завершению, немецкие орды откатывались к своему логову, надеясь там найти спасение от наступавших красноармейцев. И Ахмед Махмудов теперь часто мучился вопросами: одержал ли он победу в том бою, который ведет с фашистской нечистью с первых дней Великой Отечественной? В войне, которую он объявил самой войне. И почему его секретное оружие дает иногда сбой?

Его порой мучали сомнения, иногда самокритично казалось, что его любовь к детям не находит должного отклика в их душах, что она, быть может, им и не нужна особо. Что воспитывает он их не так, как надо. Что их, наверное, больше устроили бы другие родители – образованные и обеспеченные, работающие на более высоких должностях. А у него, простого кузнеца, зарплаты порой не хватает на самое необходимое! Может, зря он взвалил на себя этот тяжелый груз? Может, надо было продолжить свою работу в кузнице, не отвлекаясь на что-то другое? Все это в последнее время не давало ему покоя.

Сегодня ему предстояло вновь трудиться в третью смену, а в последние дни усталость становилась все ощутимее, наваливалась на него все сильнее. Он тяжело вздохнул, подумав о своих 57 годах, поднялся, и в этот момент потолок и стены кузницы вдруг начали перево-

рачиваться и падать на него, ноги подкосились, и он рухнул на пол, потеряв сознание.

В реанимации в больнице молодой врач судорожно делал ему ручной массаж сердца, но бесполезно – жизнь не желала возвращаться в утомленное тело.

– Пульс не прощупывается! Накройте его простыней, сестра.

Но как только он вышел, в реанимацию забежали дети, их не смогли остановить. Целая команда ребятисшек – девочки, не стесняясь, ревели, мальчики вытирали рукой слезы. Они окружили своего отца, гладили его руки, безжизненно свисавшие с кровати, его волосы и лицо. Они громкозвали его, пытаясь достучаться до остановившегося сердца. И шептали ему, уверенные, что он их слышит, что он самый лучший, самый добрый папа на свете!

И в этот момент бледное лицо кузнеца вдруг дернулось в каких-то конвульсиях, потом еще и еще, а глаза начали медленно открываться. Врач, зашедший в палату, чтобы призвать к порядку ребят, буквально остолбенел от удивления. Не веря своим глазам, он измерил пульс, покачал головой, спрашивая себя: что за чудеса?

А очнувшийся, оживший кузнец думал уже не об оружии возмездия, не о войне, катившейся под мирный откос, а о том, что вот так просто он не может уйти из жизни. Слишком многое ему предстоит еще сделать в ней. А его бой с фашистами еще не закончен. Теперь он твердо знал, что нужен своим детям. И что они его любят!

Когда через неделю кузнеца выписали, то первым делом он пошел в детский дом и усыновил еще одного ребенка. Пятнадцатого...

ОН НЕ ДОЖИЛ ДО ТОГО дня, когда в мае 1982 года неподалеку от центра Ташкента установили монумент под названием «Дружба народов», изображавший кузнеца и его жену в окружении усыновленных ими детей. Он не видел, как сюда ежедневно приезжали молодожены, чтобы получить «добро» от легендарных родителей и поклясться им, что станут относиться друг к другу и детям с такой же любовью и заботой, как это делали Ахмед и Бахри Махмудовы.

Но насколько извилисты дороги судьбы и истории! Памятник, ставший одним из самых любимых и популярных для ташкентцев и гостей столицы, простоявший на своем почетном месте 26 лет, городские власти однажды ночью демонтировали и перенесли на далекую окраину города. Утром 12 апреля 2008 года живущие поблизости люди не поверили своим глазам – на месте родных и любимых скульптур чернела... свежерытая земля. Официальное разъяснение произошедшего комментариям не поддавалось – оказывается, название «Дружба народов» утратило свою актуальность.

На новом месте – а это был неухоженный пустырь – о памятнике начали забывать: люди редко его посещали, так как добраться до него стало очень долго и крайне неудобно. К тому же при демонтаже его повредили, утратив некоторые элементы, в том числе одну из детских фигур. В общем, народная тропа к монументу и в прямом, и переносном смысле неумолимо зарастала.

Но спустя десять лет после этого позорного недоразумения, историческая справедливость все-таки восторжествовала – новый президент Узбекистана в мае 2018 года принял непростое решение о возвращении монумента, «символизирующего подвиг и благородство

узбекского народа в войне против фашизма», с задворок города и истории на свое прежнее место в центр Ташкента. Вернулся не только памятник, вернулась, вновь став актуальной, и дружба народов – это название возвращено и близлежащей станции метро, и площади, на которой расположилась «бронзовая» семья Махмудовых.

В 2019-м еще один монумент легендарному кузнецу установили в небольшом городке возле столицы на территории металлургического комбината. Это был дар известного итальянского бизнесмена, которого потряс подвиг нашего соотечественника. Примечательно, что эта статуя кардинально отличается от известного ташкентского памятника. Здесь он изображен профессиональным кузнецом с инструментом в руках, решительно настроенным укротить непокорный металл.

Такой образ Махмудова не совсем привычен. Все-таки для нас он благородный и бескорыстный защитник детей, отец большой интернациональной семьи. Но новый памятник, во-первых, напомнил нам еще об одной яркой грани этого удивительного человека. Ведь тот был замечательным кузнецом, вся махалля говорила про его золотые руки. А во-вторых, итальянский бизнесмен просто проявил мудрость и дальновидность. Он, наверняка, подумал: пройдут годы, десятилетия, придет новая власть и вдруг какому-нибудь высокопоставленному чиновнику вновь покажется неактуальной дружба народов, и он отправит ее героический символ на «свалку» истории. А вот простого узбекского кузнеца, делавшего подковы для лошадей кавалеристов, вряд ли тронут. При любых правителях.

...Давно нет с нами скромного и трудолюбивого кузнеца, который прославил на весь мир величие мирных жителей небольшой республики. Многие из его повзрослевших детей разбрелись по разным странам. И признаемся, что о подвиге Махмудова... стали забывать. Даже в родном Узбекистане. А ведь это нечто большее, чем подвиг – это образ жизни праведника или святого, когда бесконечная доброта и любовь к ближнему, самопожертвование проявлялись ежедневно, ежедневно в повседневных незаметных буднях. Но там, в раю, поглядывая с небес на нынешних, не всегда благодарных потомков, он никого не осуждает, ничем не возмущается, продолжая тихо, с любовью и полной отдачей души заниматься благородным и нужным даже там делом – воспитанием сирот!

Евгения Перлова

ДОРОГОЙ НАФТАЛЕ

Здравствуй, дорогой Нафтале!

Я пишу в тетради с полями, чтобы потом аккуратно разогнуть скрепки, вынуть листы, сложить их пополам и ещё по красной полоске, тогда они идеально войдут в конверт. Нашла те марки, что ты просил, с малахитом, я клею две одинаковые, выберешь ту, что лучше сохранится в пути.

Почему я так называю тебя? Ты же сам всегда говорил, что имя тебе дали в честь деда. Если это так, то зовут тебя вовсе не Анатолий, верно?

Как много у меня вопросов, но ты так глубоко похоронил ответы на них где-то на окраине своей памяти, что и сам забыл, где оно, это место. Мне кажется, оно похоже на маленькое еврейское селение в Белоцерковском районе Украины, откуда ты с родителями и младшими братьями уезжал в тридцать восьмом в Узбекистан.

Вы чудом выжили в душном, набитом людьми товарном вагоне, где на редких остановках выносили умерших. Сколько таких безымянных могил, сравнявшихся с землёй, по той дороге, по всем дорогам России и мира?

Почему вы оставили родные места, чтобы оказаться в Намангане? Ты говорил, пришёл голод, поэтому вам пришлось, но... 1936–38-е были годами «большого террора». Аресты, депортации. И всего два часа, чтобы собраться в дорогу, взяв с собой не более 40 кг багажа. Где я видела что-то подобное?

...Освенцим. Тем, кого отправляли туда, разрешали «упаковать жизнь в 25 кг». Я произношу вслух «Аушвиц, Освенцим»: свист пуль, удары ветра по стенам. Вот они, железные ворота, и я снова нахожусь там, и воздух, пропитанный смертью, наполняет лёгкие, разъедает меня...

А это было до войны, и вы ехали в товарняке практически без еды и воды не в лагерь, а на поселение, куда, в основном, отправляли семейных, среди вас было много стариков и детей. Вас гнали не немцы. И всё же это было спасение, потому что буквально через три года в Украину вошли фашисты.

На том ли деревянном полу вагона, обняв серых от отчаяния мать и отца, подбадривая испуганных маленьких братьев, убивал ты в себе еврея?

Господи, что я несу. Разве можно убить в себе еврея? Звучит почти как «выдавить из себя раба».

Я снова сказала «господи». Помнишь, когда я приняла христианство по собственному желанию в тринадцать лет, показала крестик тебе и бабушке. Она сплюнула и процедила, что вы советские люди, и вот это всё чуждое, а ты улыбнулся, покачал головой и ничего не сказал. Ты верил только в то, что делал сам, не уповая ни на судьбу, ни на провидение.

Нафтале, не тогда ли, в марте сорок второго, приписав себе год, чтобы идти на фронт, ты стал Анатолием? Хотя нет, наверное, это было до войны, ведь тогда многие советские евреи меняли имена, если те звучали не «по-русски». Твоих братьев звали вполне по-советски, а наша фамилия идентична русской, ударение лишь на другой слог. Поэтому мама поменяла тебе только имя, а сама для мира стала Анной.

Помнишь, я нашла её свидетельство о смерти? Какое удивлённое лицо ты сделал, когда я спросила, кем тебе приходится Ханна Нафта...

Ты аккуратно потянул пожелтевшую гербовую бумагу из моих рук, твёрдо сказал, что твою маму звали Анной Анатольевной, и всё тут. И спрятал документ. Сообщил, что нехорошо копаться в чужих вещах.

Вот это новости, объявите по интервидению! Твоя фраза, до сих пор употребляю, представляешь?

Нехорошо копаться... Ты же сам всегда разрешал мне рассматривать ордена, медали, письма на открытках с фронта и чёрно-белые фотографии. Ты такой красивый в военной форме и пилотке со звездой! Прямой нос с чуть заметной горбинкой, светлые (я-то знаю, что они – небо, отражённое в Каме) глаза, чётко очерченный рот, из которого при мне не вылетало ни одного ругательства. Самое грубое, что я слышала, было «мазила», когда мы вместе смотрели футбол. Хотя папа, твой единственный сын, рассказывал, что ты мог и «пошуметь». Плохо себе представляю это, было бы забавно послушать твой «шум».

Гулять с тобой было одно удовольствие. Весь город тебя знал, главный экономист ведущего завода, конечно. Любимец женщин, родившийся 8 марта. Наш праздник всегда был твоим днём, и домой ты приходил с охапкой цветов, конфетами и шампанским, но не потому, что зашёл в цветочный и продуктовый, чтобы порадовать бабушку. Впрочем, ей грех было жаловаться. Для тебя она всегда была единственной. И она знала об этом.

С тобой все здоровались и останавливались поговорить. Я стояла рядом и ковыряла носком асфальт, потому что ты рассказывал исключительно о том, какая я

замечательная. Ну, или мне так казалось, потому что ты на самом деле был великолепным слушателем, внимательным собеседником. А одним из твоих друзей был директор парка аттракционов. Так что я, как и бабушка, не жаловалась.

Ты был мягким и добрым, но почему-то никому не приходило в голову сказать, а тем более сделать что-то наперекор тебе. Единственный человек, который мог повисить на тебя голос – бабушка, и то это были какие-то бытовые пустяки, и ты так мило приговаривал «пусечка-Капусечка», что крики замораживались в начале полёта. Сам ты повисил голос на моей памяти единственный раз, когда я, восемнадцатилетняя, отшла на твоих глазах (прости, я не хотела, чтобы ты это видел, но так уж вышло) неудачливого кавалера, хорошего, в общем-то, парня. Ты возмущался, дескать, с таким гонором я вообще не выйду замуж. Гонор у меня, конечно, будь здоров, но тот парень явно не был моей судьбой.

Ты был добрейшим из всех людей, кого я знала. Умнейшим, чутким. И совершенно не приспособленным к быту. Гвоздь забить или утюг починить – это не к тебе. Прибить назойливую муху – и это не к тебе.

«Капуса, где мои носки?» И такой растерянный взгляд ясных глаз.

«На стуле, Толя, прямо перед тобой лежат».

Как трудно соединить в своей голове троих совершенно разных людей: ласкового чудесного дедушку, строгого, волевого, по словам твоего сына, отца и отчаянно храброго юного солдата с фотографии! Дело вовсе не в годах, а в том, какой ты был многоликий и многогранный. Оказывается. Я встретила тебя-мальчика-еврея

и тебя-солдата совсем недавно. И они оба – словно совсем не ты, не тот, кого я всегда знала.

Кстати, те письма и открытки у меня. Давно у меня, твой сын отдал мне их несколько лет назад со словами «у тебя точно будут в сохранности». Я часто открываю старую коричневую папку, всматриваясь в каждую букву.

Вот письмо в конверте с ландышами, оно адресовано мне-первокласснице. Рассказ, написанный по моей просьбе о том, как ты воевал.

«Жил я с мамой, папой и братьями в Намангане. Это город в Узбекистане, где много веков назад добывалась соль. И тут началась война. Я пошёл на фронт, а семья моя отправилась в город, где соль добывается до сих пор. Впервые я вступил в бой на Северном Кавказе под Моздоком. Тут я увидел цену жизни. Спал на земле, воду пил из речушек. Много людей гибло во время отступления, всё время бомбёжка и стрельба, и опыта ведения боя не было. В одном из рукопашных боёв был ранен в ногу. От Кавказа до Берлина шёл я, но верил, знал ещё в самом начале пути, что мы победим».

Остальные письма вперемешку с испещрёнными с обратной стороны мелким почерком фотографиями – весточки, отправленные в перерывах между боями, домой маме и брату.

«Действующая армия. Второй Белорусский фронт, 8 февраля 1945 года».

Ты сообщал родным, что это уже шестое письмо, а на предыдущие ответа ты так и не получал. На цветной открытке с Кёнигсбергом ты пишешь, что пока жив и здоров, а новостей таких особенных и нет, вы в наступлении. Противник сопротивляется, но ничто не

может остановить вас, вы всё время находитесь в боях, под обстрелом.

В минуты затишья ты смотришь в синее небо и думаешь: «я ещё счастливый, что живой». Твоих лучших друзей убили. Здесь, в Восточной Померании уже настоящая весна, всё подтаяло. Так хорошо, словно и нет никакой войны.

«Мамочка, береги себя, родная, Яша, братишка, прошу тебя почаще мне писать, а то я сильно беспокоюсь, не знаю, что делается дома».

Впереди у тебя решающее сражение за Берлин, в которое войска Второго Белорусского фронта отправятся после окончания Восточно-Померанской операции. Я ввожу имя, дату и место рождения в поисковики и нахожу тебя в базе героев войны, где все твои ордена и медали, что хранятся у меня. В той базе к каждой награде ссылка на документ. Я открываю: витиеватые заглавные буквы и чёрточки над прописными *m*. А вот *d*, которую мы с папой пишем, как и ты, хвостиком вверх, а не вниз. Ты никогда не говорил, но общий список бойцов даёт ответ на вопрос, почему мне так знаком этот почерк. Напротив твоей фамилии дата, место рождения и звание: сержант, писарь техчасти 3-его Танкового батальона 183 Танковой Теннинбергской Орден Суворова и Кутузова бригады.

Невозможно предположить даже, что строки, рассказывающие о твоих подвигах, были не под диктовку, ведь ты ни разу не сказал сам о себе ни одного хвalebного слова:

«В боях на территории Восточной Пруссии... проявил исключительное мужество и героизм. Действуя автоматчиком на танках... в районе станции Фогельзанг захватил в плен шесть немецких солдат и один пулемёт.

В районе Грюненфельд вместе со своими товарищами отбил две атаки превосходящих сил противника. Лично сам в этом бою огнём из автомата уничтожил до пятнадцати солдат противника».

Или вот это:

«В боях в Восточной Пруссии на реке Пассарге под сильным артиллерийско-миномётным обстрелом противника, не страшись трудностей, смело преодолел реку и открыл пулемётный огонь по врагу, обеспечивая переправу другим товарищам. В этих боях... уничтожил двенадцать немецких солдат, остальные были вынуждены уйти в укрытие».

На обороте многих фотокарточек стихи, и я не знаю, твои они или нет, но когда ты их писал, они точно были твоими.

*Не запомнишь местечек названья,
Реки, степи, леса и поля,
Где порою мутилось сознание,
Где от взрывов дрожала земля.
Отгрохочут все пушки когда-то,
Надо ж кончиться этой пальбе,
Те, кто шли по дороге солдата,
Те поймут, те поверят тебе.
Им известны печали разлуки
В горький час на чужой стороне,
Им известно, чьи сердце и руки
Добывали победы в войне,
Прикрывая отряд, словно брата,
Ты в сражениях шёл впереди.
Им известно, что шрамы солдата
И на теле болят, и в груди.
С войском-племенем непобедимых,*

*За свободу и волю свою,
За свободу и волю любимых
Ты отчаянно дрался в бою.
Орденами своими докажешь,
Что ценил твои подвиги полк...
С нескрываемой гордостью скажешь:
Я в сражениях выполнил долг!*

Глажу красную эмаль твоих орденов и думаю о том, какой ты был на войне. Яростный, безумный, храбрый. Как глубоко ты спрятал этого солдата, когда вернулся из Германии? Возможно, ему нашлось место рядом с тем нежным мальчиком, у которого было певучее имя. В семейном альбоме есть всего одна фотография из твоего детства: на коленях у женщины с горделивой осанкой и тёмной волной волос сидит, слегка надув губы, ребёнок не старше двух лет в белом кружевном платье. Рядом статный мужчина в чёрных блестящих сапогах до колен. Ты похож на него. Я спрашивала, почему в платье, ты пожимал плечами: мама дочку хотела. Потом родились ещё два сына, там уже без платьев обошлось. Хотя, раньше мальчиков лет до 6-8 часто одевали в платья. Правда, я думала, после первой мировой войны это было довольно редкое явление, а фотография подписана двадцать пятым годом. Тогда ты был Нафтале. До переездов, до гонений, до войны. До страха.

В начале войны фашисты разбрасывали с самолётов листовки с антисемитскими текстами. Из них, а также от тех, кто сумел вырваться из плена и вернуться в ряды советской армии, евреи узнавали, что плен для них – это страшная мучительная смерть. По мере того, как шла война, всё чаще доходили до людей сведения о

массовых расстрелах евреев в зоне немецкой оккупации. Многие бойцы-евреи боялись за судьбу своих родных и близких. Вот и ты на фронт в 1942 уходил Анатолием Русским. А твои родители и братья отправились из Узбекистана на Каму. Из одного соляного города в другой. Снова товарняк, холод, голод, отец по дороге умер от тифа. Средний брат через год ушёл воевать в морпех. Тоже как русский. Младшему было двенадцать на начало войны, и они с матерью ждали вас обоих, работая на заводе.

Дед, это так странно, что вы с Украины поехали сначала в один город, связанный с солью, а во время войны перебрались в другой. Впрочем, в твоей истории столько белых пятен. Солёных пятен.

«И сказал он: дайте мне новую чашу и положите туда соли. И дали ему. И вышел он к истоку воды, и бросил туда соли, и сказал: так говорит Господь: Я сделал воду сию здоровою, не будет от нее впредь ни смерти, ни бесплодия»¹.

Во второй город ты вернулся после войны. А пока родные ждали тебя, ты сражался за свободу страны, которую считал своей родиной. Здесь у тебя и твоей семьи было больше шансов на жизнь.

Из тех мест, где шла твоя военная дорога, я была лишь в Калининграде-Кёнигсберге, и во всех поездках меня приносит в места, где убивали евреев. Ботинки и туфли на набережной Дуная, Пальмникен-Янтарный, Освенцим. Каждый раз я благодарю судьбу, отведшую твою семью от концлагерей и мучительной смерти.

Каждый раз я думаю о том, что христианская церковь веками унижала евреев, поощряла погромы. Гитле-

---

¹ (4 Цар. 2:20-21).

ровская система довела эту политику до жуткого совершенства. Библия говорит о евреях, как о порочной нации, осудившей и распявшей Христа. И Бог покарал и навсегда проклял вероломный народ. Веками евреев преследовали слова Иоанна Златоуста «Бог ненавидит вас».

И ты, Нафтале, наверное, поэтому тогда не принял веру, которую я выбрала. Мне, подростку, в то время это всё было невдомёк. Прости меня.

Я понимаю, дедушка, почему ты и после войны скрывал своё происхождение ото всех, включая жену и сына. Тебе хотелось спокойной жизни для них. У тебя была возможность уехать в Израиль, на историческую родину, изобилующую солью в воде морей, где есть целые горы и долины из соли.

Отправляю тебе письмо в тот день, когда ты ушёл. Адрес – место твоего рождения, которого больше нет на карте. Ветви деревьев в белых кристаллах инея. Я люблю их на вкус – солёные. Слышишь меня? Где ты сейчас, между какими мирами?

Ты мог уехать, но остался на земле, за которую сражался так отчаянно. Соль России стала для тебя родной.

Я люблю нашу с тобой землю и люблю тебя.

Спасибо тебе тысячу раз за те выборы, что ты сделал.

За победу. За твою силу и нашу свободу.

За веру. За то, что я могу сделать всё сама, не уповав ни на судьбу, ни на провидение.

Знаю, ты нашёл Бога, и он любит тебя.

Спасибо тебе, что я есть.

Марат Ахмедович Шафиев

НАЗОВУ ТЕБЯ ДЕДУШКОЙ

1

Он сидит, прислонившись спиной к нагретому камню, на коленях – запрокинутая голова Майи в маске вечной улыбки, только вместо пустых глазниц – светоносные очи, в которых живёт другое солнце:

– За что мне нечаянное счастье, просыпанное через край щедрой рукой? Почему одним счастье даётся бескорыстно, а другим – ценой великих страданий?

– Не обольщайся, дева, и пуще праведного гнева страшись поэтовой любви, сосущей сердце пчелой и уносящей за облака.

– Как лермонтовский Демон?

– Поэт – и есть Демон.

– Ты мой Демон, поэт, люблю тебя, искушай, погуби, всё равно не прокляну, ради одного мгновенья счастья, перевешивающего вечность небытия. Хочешь, сейчас стану твоей женой?

– Хочу, но пусть всё будет по правилам: белое платье, хрустальные туфельки, тыквенная карета и тому подобное.

– Не целуй в глаза – к разлуке.

Целует в лоб.

Райская поляна, как картина французского импрессиониста, щедро полита солнцем; стрекочут, шуршат невидимые жители цветущего луга, заблудившиеся в тугом переплетении высоких трав, сказочных цветов, красок, запахов, звуков. Но и мы, и райская поляна, и раскинувшийся у подножия горы город – вся твердь великая, – кружимся щепкой в водовороте мирового океа-

на, а он, в свою очередь, погружён в ещё более ужасные глубины, так что пространства нет, как и нет движения, стрела в каждый отдельный момент полёта покоится на одном месте. И всё-таки жизнь при таких невыносимых условиях существует, находя в самой себе тот нравственный императив, который просветляет мрак, делает борьбу не смешной, унижительной в своих бессмысленных потугах, а величественно трагической. Судьба может лишить нас счастья, жизни, но не унижить духа, может сразить, но не победить. Абсолютная истина недосяжима, но парадоксальным образом каждый миг, застывший в своей неподвижности, есть абсолютная истина.

– Может не сразу на фронт? а там и война кончится.

– Снайперу Осоавиахима, радисту, прыгающему с парашютной вышки, терять время в учебке? Ни за что. Знаешь, как в приказе по институту написали? студента 4 курса числить в отпуске до возвращения из Красной Армии.

– Пора, – вздыхает Майя и, взявшись за руки, они сбегают по откосам к посёлку – полулегальные, грубо скроенные из досок и глины самостройки рассекает караван двухэтажек (построенных еще нефтепромышленником Мухтаровым для своих рабочих), следующих в фарватере стометрового грандиозного флагмана – «Дом Союза»: закрытые галереи, опутанные железными лестницами, комнаты в два ряда с общими прослушивающимися стенами, общими кухоньками и уборными и общей жизнью, – все друг друга приветствуют и всё друг о друге знают; в саду уже расставляются столы, лавки, на костерке в котлах готовится еда и варится в сахарном сиропе сухое вино, хлопочут многочисленные

брatья, сёстры, дяди и тётки; между всем этим разрывается мать:

– Где тебя носит? Хотя в последний раз наглядеться.

– Типун тебе на язык, – плюется отец, разворачивая гармонику (Едоку ложку, а мне – гармошку), толстые побитые пальцы с чёрными ногтями легко перебирают круглые перламутровые кнопки, опускаются звякнувшие стаканы (Превратим 1942 год – в год окончательного разгрома фашизма!), и в наступившей тишине льётся надрывная музыка, мать пытается подпевать, но скоро смолкает – музыка несказуема. Даже в эшелоне, мехами гармоники растянувшейся по бурой степи, завораживающий и убаюкивающий мотив (как колыбельная, когда истощён запас слов) не оставляет тебя, вплетаясь в гул ветра и звёздного неба, и щемит сердце, как только представишь прислонившиеся друг к другу фигурки родителей – твоя малая Родина.

2

В конце марта 1942 года, когда извилистая линия фронта окончательно застыла, в Москве собралось очередное заседание ГКО. Каждое новое выступление усугубляло разногласия суждений. Борис Михайлович Шапошников, начальник Генерального штаба, предлагал, учитывая численное превосходство противника и отсутствие второго фронта в Европе, перейти к обороне. Жуков, командующий Западным фронтом, считал необходимым разгромить сосредоточенную перед ним ржевско-вяземскую группировку, угрожающую столице. Маршал Тимошенко, вытирая платком вспотевший голый череп, заверял в полном успехе предлагаемого им плана: войска Юго-Западного громят противника на

южном крыле и освобождают Харьков. Ворошилов согласен кивал старому другу; Шапошников объяснял рискованность наступления из оперативного мешка, каким является Барвенковский выступ.

«Ничего решить не могут, – своё бешенное раздражение Сталин пытался сбить хождением по комнате за спинами сидящих. – Как слепые котята тычутся туда-сюда. Что будет без меня? пропадёт страна. Что они понимают в высшей стратегии, не война умов – кто кого сегодня перехитрит, и даже не война моторов. В Гражданскую и Колчак, и Деникин тоже у Москвы стояли, три четверти территории потеряли – и то устояли. Нет, социальная война, она хоть и кажется бестолковой стихией, на самом деле ведома Промыслом». Наступившая тишина несколько не смущала Сталина. Момент, действительно, судьбоносный, призванный изменить мир – с ним трудно было расставаться, именно в такие мгновенья чувствуешь себя равным богу, миллионы человеческих судеб повисли на волоске, даже время замерло в изумлении – как хороший актёр Сталин выдерживал паузу, пряча лицо в клубах табачного дыма – пусть до конца проникнутся его величием, сподобятся чуду рождения гениальной сталинской мысли, которая даже ошибку превращает в новую реальность и новую правду; вся новейшая история лепится по складу его характера, и в ней уже проступили его суровые, бронзовые, непререкаемые черты:

– Не сидеть же нам в обороне, сложа руки, и ждать, пока немцы снова нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника... – внезапно какая-то тяжесть навалилась на его и без того сог-

бенные плечи, и он опустил в кресло: – Приказываю...

И мне, пишущему эти строки спустя 70 лет, всё знающему о той войне, как она закончится, кто выживет и кто погибнет, хочется ворваться в кремлевский кабинет с высокими дубовыми панелями и ковровыми дорожками, с тяжёлыми креслами, с могучим старомодным письменным столом, покрытом зелёным сукном, теревить маленького рябого человека с жёлтыми прокуренными усами, с редкими зубами и жидкими, зачесанными назад пепельными волосами, в кителе без знаков различия из защитного, почти коричневого материала, хочется кричать о предстоящей катастрофе (и именно там, где гитлеровцы, согласно директиве 21, наметили летнее наступление), затянувшей войну на долгие годы, но невозможно, нет такой машины времени, кричу – не слышат, не видят.

3

– Слезами, даже горючими, не заправишься. Что, дорогой, опять голодный? – недовольно постучал по полупустым бакам. – А что, Камал, отписал бы землякам, чтобы обеспечивали нас без очереди. Вот ведь какое кровопролитие, не только люди, земля истекает кровью, нефть – очень редкая и наиважнейшая группа.

– А я заметил, Ходжа, к танку ты, как к родному.

– Так мы же вместе с финской, два экипажа сменили, никак нас фриц поджечь не может – что горит, давно сгорело... В Челябинск, на эвакуированный бывший Кировский, привёз я одну коробку, вместе с рабочими и на сборке, и на монтаже, и собственноручно приварил дополнительную броню. Но потяжелела машина, ей бы двигатель бэ-два – «тридцатьчетверки».

– Вроде шли немца окружать, и вдруг поворачивай назад, неужто сами угодили в капкан?

– Ожил немец – перезимовал, но не тот уже, сбавил спеси завоеватель; не может того быть, чтобы повторилось – сколько молодых косточек, перемытых ознобным дождём, лежат по бориспольским, переяславльским, яготинским, березанским полям в почерневших кустарниках, вдоль дорог, на закраинах болот и у деревенских околицах. У тех, кто еле двигался – ни еды, ни патронов. Но не дрейфь! Раз война, нечего смерти бояться, если она кому судилась – так и не бежишь. Да и по старой солдатской примете, любимых пуля не трогает.

– Сильно, Ходжа, кто-то тебя любит, и в огне не горишь.

– Есть у туркмен поговорка: «Человек без роду и племени, всегда готовый к войне» – это обо мне. Может быть, только сестрёнка; развели нас, сирот, по родственникам, меня к дяде – баранов пасти, с тех пор ничего о ней не знаю. Но что понапрасну душу травить, лето – благодать, луна – не надо никакого освещения, вовремя успели подлататься.

– Мы толкуем о бесконечности пространства, а вдруг пространство стремительно сжимается? человечество – квинтэссенция всех бесчисленных цивилизаций, а Земля – последний рубеж, каждый бой – решающий: или ненасытная, всё пожирающая утроба Эрисихтона, или звёздные сады, согнувшиеся под тяжестью жизни.

– По коням! – взревели двигатели на полных оборотах, и сталь столкнулась со сталью, высекая искры. Прошитый термитным снарядом задымил танк – выпавший из аварийного люка механик-водитель еле успел отползти в сторону, как рванул боевой комплект.

Тяжело лязгая гусеницами, коверкая землю, надвигался второй эшелон атаки. Тот танк непременно раздавил бы его, но резко развернул в последнее мгновение. Близко подошла Смерть и, удивлённая, застыла, не смея переступить черту, позвала ласковым, давно забытым голосом. – Мама, – по закоптелому лицу побежали неудержимые слёзы. – Не хочу в зелёной вонючей жиже, дай умереть на чистой простыне, дай мне увидеть сына.

Прошедшая пехота вынесла его на плащ-палатке. Это была последняя прорвавшаяся группа. Кольцо окружения вновь замкнулось, в ней навсегда остались 6-ая армия и группа генерала Бобкина из состава Юго-Западного фронта, а также 57-ая армия Южного фронта.

4

– Садись, Никита, в ногах правды нет. Немцы объявили, что двести тысяч наших солдат взяли в плен. Врут?

– Нет, товарищ Сталин. Цифра довольно точная. У нас даже большее количество войск было там. Надо полагать, что часть перебита, а названная немцами часть, действительно, попала в плен.

– Доложи подробности.

– Командарм 6-ой Городнянский со штабом не вышли, заместитель командующего Юго-Западного генерал-лейтенант Костенко и сын-капитан застрелились, командарм 57-ой Подлас, штаб его: генерал-майор Анисов, бригадный комиссар Попенко – погиб, командующий армейской группировки Бобкин...

– Довольно! – Сталин хлопнул по столу, на непроницаемом лице страшно потемнели глаза, в речи усилился грузинский акцент. – Двумя фронтами наступать на одну армию и самим угодить в котёл – славные пол-

ководцы. А ведь ты навязал Тимошенко этот план, как же – ридна Украина.

– Вы знаете характер Тимошенко. Навязать ему что-то невозможно, да я такой цели не преследовал.

– Значит, Подлас застрелился? Мы его за Хасан простили, в Киеве он хорошо воевал. А Кузьма Петрович сам себя не простил, – цепкая память вождя пока не давала сбоев. – И правильно сделал. Единственный человек, у которого осталась совесть. Ступай пока, Никита.

Заперев ключом изнутри дверь в гостиничном номере, Хрущёв кружил вокруг стола, на котором лежал пистолет. «Да есть ли у него самого совесть? Он бы сам посмеялся – буржуазный пережиток. Почему не упомянул о телефонном звонке. Я же звонил семнадцатого мая: перед нами противника нет, это и тревожит. Растягиваем фронт и создаем условия для нанесения удара с левого фланга. Этот удар неизбежен. Даже подойти не соизволил, отвечал через Маленкова: Сталин сказал – наступать надо. Конечно, всё что сказал Сталин – гениально, а люди, которые настаивали на своём – враги народа. После Москвы и Ростова такую катастрофу не простит, не трудно догадаться, как будет формулировать».

Неожиданно звякнул телефонный звонок:

– Живой, Никита? Раз живой, возвращайся на фронт, перед немцами голая степь, вплоть до Кавказа и Сталинграда, подумайте там, как при наших ограниченных возможностях, задержать его на Донце.

5

– Отрежьте мне ногу! Слышите вы, отрежьте! – кричал, измученный болью.

– Да, – проворчал профессор, распарывая бинты. Нога, черно-лиловая и разбухшая, издавала запах разложения. – В таких случаях сам Кляпп ампутирует. – И вдруг, в очередной раз сильно сдавив ногу, уловил крохотную пульсацию: – Отрубить не шутка. Попробуем кое-что похитрее.

Через год списанный по контузии – подчистую, – с осколком в голове, но на своих двоих, Ходжа всё ещё жил в эвакогоспитале 1335, занимающем двухэтажное каменное здание школы. С самого утра с лекарствами и завтраком или с банкой варенья, принесённой окрестным жителем, он обходил своих подопечных, оставляя каждому ложку-другую. Когда он входил, на лицах появлялись улыбки, его окликали с разных сторон, обнимали, заговаривали, просили свернуть «козью ножку», раскурив её и блаженно затянувшись и передавая дальше, он запевал «Махорочку»: «И с колечком дыма улетает грусть моя». Часами он просиживал у койки молчаливого молодого солдата в кровавых бинтах. Гас свет, они сидели в ночной тишине; тот так и умер, не отнимая руки из рук своего друга.

Прогуливаясь по освоенному маршруту: Колодезная (улица, с двух сторон окаймлённая абрикосовыми деревьям, с окна девятнадцатого дома звучала вечная виолончель), здание Баксовета с парадной пристройкой, напоминающей колокольню (только вместо колокола – башенные часы), лабиринт Старого города: на почерневших от времени стенах малышня мелом выводила каракули – предвестники будущих писем; на ступенях зороастрийской Башни, взглядом устремлённой в небо, девочка играет в классики; суетная улица тщетно стремится привлечь её слух, она играет – самостоятельное дитя города, игнорирующая город и возвышающуюся

перед ней громаду; мальчишки, перед тем как подбить друг дружку мячиком, успевают проговорить забавную считалку: чашка-ложка, суп-картошка, Чёрный город-Белый город, на кули!; напротив – вычурный Дом Гаджинского с архитектурными излишествами, с амурчиками и шпилями, – он однажды на площади «Азнефть» запрыгнул в пробегающий трамвай, на баиловском кругу пересел на весёлую «жукушку» (паровозик с чувственным низким двухтактным голосом) и, обогнув нефтяной промысел с ровными рядами кланяющихся ускользящему горизонту и поющими железную песню качалками, оказался на Биби-Эйбате, домики – прилепившиеся к скале ласточкины гнёзда. Великое горе матери – чёрное платье траура сменит лишь белый саван, окаменевший отец, пронзительные причитания сестёр; полночь прибежала Майя – работала поварихой в воинском гарнизоне, – короткая прическа, опухлые глаза с расширенными зрачками:

– Расскажите, как это случилось.

Возвращаться было поздно, после двенадцати – комендантский час, просидели под навесом вдвоём до рассвета. В семилинейке кончался керосин, добавляли воду, и фитиль потрескивал и временами издавал тихие хлопки.

– Пропавший без вести – в этом была надежда, но лучше беспощадная определённость.

– Наверное, вы считаете меня трусом?

– Как я смею, они говорят сами за себя, – показала на тёмно-красные и золотистые нашивки – два узеньких крыла на его груди, знаки тяжёлых ранений. – Он писал о вас хорошо. Хотите почитать?

6

«Здравствуй, любимая. Что написать о себе? Жив. Настроение отличное – идём в наступление. Был в первых переделках и не подвёл экипаж, высказывавший сомнения моей неопытности. Сколько видел и пережил: печные скелеты сожжённых украинских сёл (крытые соломой, сгорают свечками); порубленные сады в белом цветении; женщины, у которых убиты дети; повешенные, и главное – освобождённые люди, не знающие от радости куда нас посадить, чем угостить, говорящие взахлёб, обрывками фраз. И вот за то, чтобы на прекрасной нашей земле не шлялась гадина, чтоб смелый и умный наш народ не стал рабом, за нашу любовь я и умру, если надо. Но лучше я сам отправлю фашиста на тот свет, цивилизация и фашизм не могут ужиться на одной планете. Я хочу увидеть тебя. Теперь мы научились ценить жизнь, и эта наука даром не пройдёт. После войны будет много работы и много книг. Я подумал о написанном стихотворении, части благополучно забытой книги, но то, что я хотел бы сделать, звучит во мне музыкой, оно настолько безгранично и нескончаемо, что способно принять любую форму, оказаться строкой в любом стихотворении, её существование ничем не обусловлено, оно будет жить и расти со временем. И в этих стихах, как и в этой фронтовой ночи, простреленной пулями и взорванной снарядами, ты всегда со мной».

Треугольник письма – верный отпечаток исполинской души, уже лёгшей в землю, – на свету распаковывает белые крылышки, как бабочка, но на сгибах уже тает пыльца – следы порывистого карандаша, и печаль забвения, как цензорское клеймо, заявляет свои права, и даже этому есть оправдание, жизнь права, она вечно молода благодаря каждодневной смерти; именно смерть, подобно лакмусовой бумаге, проявляет её не-

разменные ценности; но запаздывающее эхо, взывающий из небытия голос – другая великая загадка, мы боимся смерти – забвения, но ведь и смерть боится человека, пытающегося разгадать её тайну.

7

Была попытка бегства – паромом в Красноводск и поездом по жёлтой бархатной пустыне, и если высунуться из окна, то вместо благословенной прохлады – ещё более горячий воздух. Сестра Сона учительствовала в школе, муж – первый секретарь Чарджоуйской области, в шрамах от басмаческих сабель, – предложил должность начальника склада или автобазы. На улице неизменные белобородые старики в бараньих папахах, со слезящимися бесцветными глазами, пьющие зелёный кок-чай или, подобно верблюдам, тщательно жующие «нас» – табак с добавлением гашеной извести, золы растений и куриного помёта, – долго всматривались в стоящего перед ними худощавого седого мужчину со строгим, как древняя резьба, бронзовым лицом, с чуть впалыми щеками:

– Какой Ходжагулу? – твои уши не слышат того, что говорят твои уста. – Погиб на какой-то войне.

Последние прощальные картинки: кукующий долгие годы вслед старик; женщина, прикрывшая рукой пустой кувшин; пропавшая точка вокзала – зачинаясь новое предложение, о чём оно будет, он ещё сам с трудом догадывался. Он стремился преодолеть расстояния самым коротким путём, но от одной точки до другой умещалась бесконечность.

С помощью Майи устроился водителем на командирскую «эмочку». Ему всё больше нравился этот южный город, подобно булату, прокалённому солнцем и

ветром, остужённому водой, его доброжелательные жители, похожие на свою мягкую, певучую речь и в то же время сознающие свою яркую, гордую индивидуальность.

Как всё совпало: победная весна; улицы, живительными потоками стекающиеся к бульвару, освободившемуся от зениток и серебристых аэростатов; бурлящее, обнимающееся, пустившееся в пляс людское месьиво – все хотели испытать таящееся чувство солидарности, маленькое сердце не выдержало бы такого напряжения – они стали одним большим сердцем и одним большим голосом, – проницательные перегородки разделяли живых и мёртвых, что сегодня могло разделять живых? и цветущая звёздная сирень, не вызывавшая рвоту, не напоминавшая запах горелого мяса; и свадьба – будем ли винить невесту? после всех переживаний любая неизменность изумляла, а в Ходже эта прочность существовала, но мало кто понимал, что суровый на вид мужчина сам нуждался в опоре и нежности, ведь ему не исполнилось и тридцати; и новый, всем миром построенный дом, и в честь рождения сына высаженные саженцы, и патриархальное умиротворение, схожее со счастьем.

На Парковой он совершил наезд на тихходную старушку. Адвокат ручался выиграть дело – одинокая старушка из семьи врагов народа, кто заступится? даже институт, где она преподавала полузабытых, никому не нужных поэтов, отделался коротенькой положительной справкой, но в суде Ходжа, как попугай, заладил: – Виновен, виновен (он присутствовал на похоронах – соседи были рады освободившейся жилплощади, в маленькой комнатке – из одной одинокой могилы в другую, – с протекающими потолками, тараканами и кислым запа-

хом – груды книг, рукописей, репродукций, патефон; как-то спросил Камала: как удаётся запомнить столько чужих стихов? от долгого повторения в мозге образуются устойчивые дуги – назовем это культурой? – а что такое Земля, как не гигантская черепная коробка, под которой память – запекшаяся корка раны, рана – это живущие и уходящие в боль люди, так что, если отодрать корку – захлебнёшься кровью), и получил пять лет.

От сентиментальности, овладевшей им в последние годы, не осталось и следа, едва переступил порог камеры: урка бросил под ноги полотенце, которое он отшвырнул ногой:

– Слушайте, не знаю ваших законов и знать не хочу. Сунетесь – убью. Я контуженый, и мне ничего не будет.

В лагере получил кличку «Дед».

Рано потерявший отца, я называл тебя дедушкой, муж моей тёти – ты не был чужим. Позднее узнав о твоём сиротстве, я понял твой пристальный интерес ко мне. Ты поразил меня с первого своего появления.

Свирепая косматая собака, охрипшая от лая, на толстой железной цепи попыталась куснуть подошедшего с миской человека. Тот успел сунуть в пасть кулак и зажать ей ноздри ладонью другой руки. Светлая алая кровь видна даже на чёрной шерсти. Еле расцепили вас набежавшие люди, загнав палками собаку в конуру.

А эти ужасные полосы беспробудных запоев? связанный полотенцами, ты рвался за призрачными журавлями, очухавшийся, с головной болью и отвратностью во всем организме и мыслях, ты напоминал человека избежавшего смертельной опасности, случайно уцелев-

шего после боевого задания. Быстрое перерождение – тебе доверили грузовую машину, – было сродни чуду.

Я помню ребячий восторг, когда ты катал меня на «Зиле», – ради пяти минут головокружительного спуска приходилось потом тащиться в гору, – поочередное купание в железном чане, залиvistый смех тётушки: «что стар, что млад», вкусные сухарики, щекотку небритой щеки, до сих пор ношу командирские механические часы – сняв с руки, ты подарил их в мою первую поездку в пионерский лагерь; помню душевные песенные праздничные застолья, тётя – великая кулинарка, только тогда дозволялась маленькая рюмка; немые сцены изумлённых гостей, не признающих своей до блеска начищенной обуви; как в бытовой ссоре тебя полоснули ножом, свой обморок при виде брызнувшей фонтаном крови, пришедшей в больницу милиции ты говорил, что напоролся на гвоздь – это тоже был урок.

К 1991 году – к концу жизни – ты начинал забываться (милостивая смерть, прежде жизни отнимающая память); конечно, с медицинской точки зрения это ошибочно, но мне казалось, твоя память просто не хочет воспринимать происходящего – развал великой Империи, великое кочевье граждан – в городе, как в эвакуацию, в контейнеры грузился домашний скарб: шкафы, ковры, зеркала, книгам не хватало места – они тлели по мусоркам, вместе с фотографиями, и седой пепел оседал на наши головы. Личная интимная жизнь сделалась общим достоянием, и потому личная катастрофа воспринималась вселенской катастрофой. Ты умер в тот год не потому, что мёртвым легче, ты всю жизнь был воином, ты не захотел пережить умершую эпоху (будущее зыбко, неопределённо, в чём можно быть уверенным, так только в понятном прошлом; до сих пор мы говорили о

лучшем будущем, теперь приходится говорить о лучшем прошлом).

«В хорошее время умер», – будничными голосами переговаривались старики над могилой, заложенной камнями. Умершему вставляют вату в уши, ноздри, закрывают медяками глаза, чтобы не беспокоили гул ветра в горах, колыхающийся ковыль, запах прелой земли, пересвист птиц. Была всё та же вечная весна.

На автобусной остановке ко мне подходили страждущие – прикуривать сигареты, во времена дефицита спичек эстафета огня передавалась из рук в руки. Мимо прошуршала колонна военных машин, из открытых дверей глазами, хотевшими всё запомнить, таращились молодые солдаты. Дети, показывая на одинаковые номера, кричали: «Моё счастье!».

Ночью по небу текла сверкающая электрическая река, дрожали стены домов (проходили последние монтажи), дождь тяжело лупил по земле и медным тазам. А наутро – небо необыкновенной чистоты, и скворец, не подозревающий о смерти, на великане-тополе (проросший твой саженец – приют для птиц) самозабвенно прославлял ослепительное солнце.

Потерянные ветром песчинки – поколение второй мировой, – вы странным образом стали неотъемлемой частью этого миролрома; бедность и страдание сделали вас неуязвимыми, заняв в нише исторической памяти постоянное место, вы глядите светносными иконами. Вы были разные, не всегда святые, но – прощаются грехи большие за стихи большие, – всё простится за четыре главных года, когда вы предстали во всей блестящей мощи эпических героев, в которых неразрывно слиты стихии общественной жизни и космоса. И не в том ли предназначение моего поколения, чтобы передать ещё

неродившимся внукам последнее слово последнего ветерана? Эстафета памяти, как огонь, передаётся из рук в руки. Да будет так.

Литературно-художественное издание

МЫ ДЕТИ ОДНОЙ ЗЕМЛИ

Сборник работ участников
Международного литературного конкурса
малой прозы «ЭтноПеро»
2020-2021

Составитель: Александра Васильевна Тихомирова
Обложка: Наталия Александровна Печерских
Ответственный за выпуск: Ольга Ивановна Калинина

Государственное бюджетное учреждение
культуры Свердловской области «Свердловская
областная межнациональная библиотека»
620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28
Тел.: +7 (343) 211-07-00, сайт: www.somb.ru

Подписано в печать ____ . ____ . ____ г.
Формат бумаги 60×84 1/16. Гарнитура ____.
Бумага офсетная. Печать плоская.
Усл. печ. л. ____ . Заказ ____ . Тираж 250 экз.

Отпечатано в ООО Универсальная
Типография «Альфа Принт»
620049, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж.
Тел.: 8 (800) 300-16-00; сайт: www.alfaprint24.ru

